Эр1 450

Распислено
12.2006.

ЭР1 450

БОРИСЪ БРАЗОЛЬ

МІРЪ НА ПЕРЕПУТЬѢ

Автора: „Соціализмъ противъ Цивилизаціи", Критическія Грани", „Методы Законнаго Изслѣдованія" и т. д.

Переводъ съ англійскаго
Е. Л. БРАЗОЛЯ

Библіотека
ГАРДЕМАРИНСКАГО КРУЖКА
№ 180
„ЗВЕНО"

БѢЛГРАДЪ
ВСЕСЛАВЯНСКІЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
1922

3012

Государ. публичная
Историческая
библиотека РСФСР
№ 22637 1968
Соф 46559

„Цѣлыя селенія, цѣлые города и народы заражались и сумашествовали.“

Ф. М. Достоевскій
„Преступленіе и Наказаніе“.

„Увы! Почему это, а не другое!“

Бомарше.

МІРЪ НА ПЕРЕПУТЬѢ.

ГЛАВА I.

Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что міръ переживаетъ одинъ изъ своихъ величайшихъ кризисовъ. Развитіе соціальныхъ, экономическихъ и политическихъ отраслей жизни за послѣднее полустолѣтіе повлекло особенную атмосферу всеобщаго напряженія, способствовавшаго колоссальному разряду человѣческой энергіи. Самый прогрессъ естественныхъ наукъ въ связи съ завоеваніями техники и коммерціи оказалъ на структуру цивилизованнаго общества революціонное вліяніе. Отдаленныя другъ отъ друга націи, получили возможность близко соприкоснуться, такъ какъ разстоянія почти исчезли, благодаря изобрѣтенію и развитію желѣзнодорожнаго строительства, телефона, телеграфа и радіо. Промышленный прогрессъ какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ привелъ ко всемірному развитію торговыхъ сношеній, въ то же время заставляя народы-участники торговыхъ операцій искать новые рынки для сбыта своихъ товаровъ и находить новые края, въ которыхъ можно было бы добыть сырье. Однако, прогрессъ во всемірной техникѣ не могъ удовлетворяться простымъ перемноженіемъ на

бумагѣ механическихъ процессовъ производства и распредѣленія. Такимъ же образомъ, какъ количество въ области физическихъ явленій превращается въ качество, такъ и всѣ общественныя явленія, накопляясь численно, необходимо влекутъ за собою разнообразныя видоизмѣненія во внѣшней структурѣ и основной психологіи людскихъ установленій.

Также точно современная философія съ ея многочисленными развѣтвленіями, какъ-то: философскій скептицизмъ, біологическій и экономическій матеріализмъ, антирелигіозный радикализмъ, идеалистическій анархизмъ совмѣстно со всѣми крайними проявленіями свободной мысли и позитивизма — всѣ вмѣстѣ являются какъ причиною, такъ и слѣдствіемъ тѣхъ коренныхъ измѣненій, которымъ подвергся міръ за послѣднія десятилѣтія.

Два Фактора международной важности выросли, какъ слѣдствіе развитія промышленности: *Интернаціональный Капиталъ и Интернаціональное Трудовое движеніе.*

Ростъ промышленныхъ предпріятій потребовалъ такого рода приспособленной банковской системы, которая бы отвѣчала увеличивающему спросу на деньги. Далѣе, современная торговля и промышленность въ значительной степени базируются на широкомъ кредитѣ; въ то время, какъ при нынѣшней экономической коньюнктурѣ представляется, что нѣтъ границъ промышленнымъ потребностямъ и торговой предпріимчивости, тѣмъ не менѣе, финансовыя возможности торговца и предпринимателя, несомнѣнно, ограничены. Широкая кредитная система является на помощь безудержной предпріимчивости ума, снабжая ее нужными капиталами. Зачастую, проистекающіе изъ промышленнаго новаторства барыши болѣе, чѣмъ проблематичны, но капиталъ долженъ находиться въ движеніи, если онъ не желаетъ пре-

вратиться въ мертвый грузъ, лишенный своего естественнаго соціальнаго свойства. Промышленность породила современную банковскую систему, которая, въ свою очередь, вдохновила быстрый ростъ промышленной предпріимчивости; оба фактора, будучи столь тѣсно переплетены, что одинъ не можетъ существовать безъ другого, составляя нѣчто органическое цѣлое. Доселѣ финансовая система служила цѣлямъ прогресса; однако, накопленіе денежныхъ знаковъ въ видѣ запасовъ гигантскихъ банковскихъ организацій привело къ неожиданному росту вліянія интернаціональныхъ банковскихъ группъ на чисто политическія дѣла, явно ничего общаго съ коммерческими, промышленными и строго финансовыми отношеніями не имѣющія. Общепризнанъ тотъ фактъ, что нѣкоторыя банковскія организаціи на обоихъ континентахъ стали реальною политическою силою, часто гораздо болѣе могущественною и гораздо менѣе призрачною, чѣмъ власть оффиціальныхъ органовъ правительственнаго аппарата. Опасность этой силы, тщательно скрывающейся отъ глазъ народныхъ, заключается въ ея международной сущности. Въ то время, какъ оффиціальныя правительства ограничены въ своихъ дѣйствіяхъ національными границами, будучи прикрѣплены къ отдѣльнымъ территоріямъ, являющимся тою ареною, на которой распространены ея суверенныя права, — интернаціональный капиталъ не имѣетъ счетовъ съ національными границами и какъ X лучи, проникаетъ черезъ толщу національныхъ образованій. Благодаря этому, тайные политическіе замыслы могутъ быть приведены въ исполненіе интернаціональнымъ банковскимъ Левіаѳаномъ, оставаясь совершенно незамѣченными соотвѣтствующими національными правительствами, и могутъ быть порождены комбинаціи внѣ этнографическихъ или государственныхъ границъ на предметъ принесенія ущерба жизненнымъ интересамъ національностей.

Можно добавить, что современныя государства въ значительной степени находятся сами подъ вліяніемъ банковскихъ группъ, въ виду того, что національныя финансовыя системы базируются на взаимной задолженности и на все растущихъ внутреннихъ и внѣшнихъ займахъ. Проценты, которые выплачиваются по этимъ займамъ государствами, иногда достигаютъ колоссальныхъ суммъ, такимъ образомъ банки снимаютъ не только сливки съ этихъ сдѣлокъ, но также имѣютъ возможность поставить государство въ чрезвычайно тяжелое финансовое положеніе въ случаѣ отказа въ снабженіи необходимыми капиталами. Въ концѣ концовъ, безудержное накопленіе финансовыхъ рессурсовъ, приведшихъ къ вышесказанному состоянію, развило крайне печальную спекулятивную тенденцію въ области государственныхъ бумагъ.

Деньги, вмѣсто того, чтобы служить своему естественному назначенію въ сферѣ товарообмѣна и эквивалентности цѣнностей, стали употребляться для чисто азартныхъ предпріятій, лишенныхъ всякаго соціальнаго значенія. Интернаціональные финансы воистину одухотворили многія преступныя махинаціи, нѣкоторыя изъ коихъ повлекли самыя бѣдственныя послѣдствія. Даже міровая война ни въ коемъ случаѣ не была придумана однимъ Кайзеромъ; само собою разумѣется, что германская милитаристическая партія, совмѣстно съ пангерманскими союзами, не мало поработали надъ подготовкою общественнаго мнѣнія въ направленіи необходимости агрессивной политики противъ мистической Русской Имперіи. Однако, едва-ли можно отрицать то, что безъ подускиванья интернаціональнаго капитала прусская милитаристическая партія была бы безсильна заставить народы Европы взяться за оружіе и начать войну.

Нельзя забывать того, что послѣ 1871 года французскій вопросъ разъ навсегда считался германскими

дипломатами ликвидированнымъ, какового мнѣнія придерживались также и ихъ финансовые инспираторы. Въ Германіи царило всеобщее убѣжденіе касательно Франціи, что она быстро теряетъ свою соціальную жизнеспособность. Соотвѣтственно этому нѣмецкая наука и „Вильгельмштрассе“ почитали французскій народъ, какъ дегенерирующую націю. И дѣйствительно, было очень мало надежды на то, что Франція послѣ ея разгрома въ 1871 г., когда-либо будетъ въ состояніи реализировать свою мечту о реваншѣ. Германія была очень заинтересована въ Русскомъ и Восточномъ вопросахъ. Вѣна, которая являлась ничѣмъ инымъ, какъ филіальнымъ отдѣленіемъ Берлина, въ ея агрессивной политикѣ противъ Босніи и Герцеговины и Сербіи имѣла главной цѣлью лишь то, чтобы уничижить престижъ Россіи на Балканахъ и предотвратить такимъ образомъ могущественный союзъ всѣхъ Славянскихъ народовъ съ Россіей.

Желаніе Австро-Венгріи распространиться на югъ было, попутно, очень серьезнымъ факторомъ ея политики, однако, онъ былъ второстепененъ. Далѣе, Австрійская интрига на Балканскомъ полуостровѣ была лишь частью значительно болѣе широкой германской затѣи, служа лишь развѣдкой для будущаго. Это правда, что Германія постоянно старалась установить свое стратегическое и экономическое преимущество въ контролѣ надъ Константинополемъ. Берлино-Багдадская финансовая схема, само собой разумѣется, дѣйствовала какъ сильно возбуждающее средство для германскаго имперіалистическаго поведенія на Ближнемъ Востокѣ. Однако, Берлинъ никогда не ошибался, принимая за ось своей иностранной политики Россію. Нѣмцы знали, что, если они, когда-нибудь упустятъ случай наложить руки на Константинополь, то этотъ космополитическій городъ обязательно станетъ Русскимъ портомъ и ключемъ въ рукахъ Россіи отъ

Средиземнаго моря. Поэтому поводу мы можемъ напомнить очень прямое указаніе одного изъ оффиціальныхъ ораторовъ будущей панъ-германской партіи, а именно Трейчке, сказанное имъ наканунѣ Балканской войны 1877—78 г. г. Вышеназванный авторъ, обсуждая проблему Германіи на Востокѣ, писалъ нижеслѣдующее: „... очевидно, что ultima ratio вожделѣній панславистовъ необходимо встрѣтитъ со стороны нашей Имперіи самый рѣшительный отпоръ. Извѣстное изреченіе, что Константинополь-ключъ къ всемірному владычеству, для насъ, практическихъ германцевъ, понятно, представляется не болѣе, какъ фразой Наполеона. Однако, нельзя отрицать того, что Босфоръ представляетъ изъ себя весьма важную стратегическую позицію. Подчиненіе этого естественнаго греческаго наслѣдства Русской Имперіи равносильно усиленію Турціи за счетъ нѣкоторыхъ иностранныхъ владѣній, и было бы равнозначуще перенесенію туда центра тяжести Московской мощи оттуда, гдѣ она пустила здоровые естественные корни; этимъ породились бы настолько тлетворныя послѣдствія, что создали бы одинаково гибельныя условія, какъ для Россіи, такъ и для насъ*.“

На зарѣ Балканской войны 1912—13 г. г., какъ въ Германіи, такъ и въ Австро-Венгріи пангерманская пресса точно также была очень откровенна по поводу позиціи Центральныхъ Державъ въ отношеніи

* Генрихъ фонъ-Трейчке „Германія, Франція, Россія и Исламъ“, англійское изданіе, Г. П. Путманъ Сыновья, стр. 88 Нью-Іоркъ 1915 г. Подобныя же мысли были выражены въ знаменательной книгѣ д-ра Карла Іентча „Ни коммунизмъ, ни капитализмъ“, изданой въ Лейпцигѣ въ 1893 г. и ставшей Евангеліемъ пангерманской лиги. Тамъ было принято положеніе, что Естественно на Востокѣ лежитъ опасность возникновенія войны, однако, не потому, что Россія желаетъ владѣть Золотымъ Рогомъ, а потому, что Германія посягаетъ на „Русскія земли“. Также въ позднѣйшемъ томѣ пангерманской литературы: „Про-

Россіи. „Neue Freie Presse“, издаваемая Ротшильдомъ, метала громы и молніи противъ Россіи, дѣлая ее отвѣтсвенной за всѣ печальныя послѣдствія, постигшія Балканскій полуостровъ.

О традиціонной извращенности Вѣнской дипломатіи, само собой разумѣется, не упоминалось. Въ то же время Германскій Кабинетъ возглавляемый однимъ изъ старыхъ евреевъ, родившихся во Франкфуртѣ на Майнѣ, который является сильнѣйшимъ антирусскимъ семитическимъ центромъ всего міра, — Бетманъ-Гольвегомъ — развивалъ недовольство въ Русской Польшѣ и Южной Россіи, пользуясь для этихъ цѣлей различными радикальными еврейскими организаціями, какъ то: Бундъ и Поалей-Ціонъ. 6-го октября 1912 года одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ органовъ католической партіи „Das katholische Deutschland“ въ своемъ обзорѣ состоянія Европы наканунѣ начала Балканской войны открыто заявилъ: „Константинополь долженъ принадлежать Западно-Европейскому Христіанству и не можетъ оставаться подъ турецкимъ владычествомъ или принадлежать Россіи. Австрія должна выступить высшимъ арбитромъ для Балканскихъ государствъ, ибо она спеціально предназначена для этой цѣли. Пусть выпадетъ ей слава водрузить опять католическій Крестъ на Св. Софіи. Эта слава ею вполнѣ заслужена въ виду ея упорной столѣтней борьбы съ Исламомъ. Богъ въ помощь тебѣ, Австрія! Не безпокойся! Англія боится насъ. Россія трещитъ подъ напоромъ революціи. Франція, растративъ весь свой порохъ, не придумала новаго, а Германія стоитъ за тво

блемы Германіи, какъ Великой и Міровой Державы“ Отто Дельффсъ 1900 г. особенно подчеркнуто, что высокая миссія „германизаціи земного шара“ должна имѣть своимъ исходнымъ пунктомъ Средиземное море и что миссія эта должна быть окончена *„ранѣе, чѣмъ Россія сдѣлается сильной.“*

ей, спиной. *Теперь или никогда игра Россіи должна быть проиграна*.“*

Очевидно, что интернаціональные финансы были въ рѣзкой оппозиціи къ Россіи. Нѣкотрые изъ ихъ главныхъ лидеровъ были чрезвычайно откровенны въ изложеніи своей ненависти по отношенію кь Россіи. Такъ, покойный Яковъ Шиффъ, который былъ старшимъ членомъ Германо-Еврейско-Американской банкирской фирмы Кунъ, Лебъ и К-о, во время всемірной войны выяснилъ свое отношеніе къ Россіи въ публичномъ заявленіи, которое имѣетъ чрезвычайно важное значеніе. Говоря о евреяхъ въ Россіи и Польшѣ и о нѣкоторыхъ нападкахъ, сдѣланныхъ на него еврейской прессой, Шиффъ торжественно опровергалъ возможность обвиненія его въ преслѣдованіи евреевъ въ Россіи. По этому поводу онъ заявилъ: „Нѣтъ! Подумайте только, меня обвинять въ такомъ преступленіи?! Помилуйте! Меня, который въ теченіе двадцати пяти лѣтъ боролся собственноручно противъ завоеванія русскимъ правительствомъ американскаго денежнаго рынка, и который до сихъ поръ противодѣйствуетъ этому. Подумайте только. *Кто же, какъ не я, стоялъ главнымъ образомъ, въ недавнемъ прошломъ, за агитацію въ противовѣсъ Президенту Соединенныхъ Штатовъ, и, какъ нѣкоторые изъ васъ должны знать, — въ пользу отклоненія нашего торговаго договора съ Россіей*“**.

Нѣкоторые другіе, принадлежащіе къ верхамъ финансовано міра, хотя и болѣе сдержаные, чѣмъ г. Шиффъ по этому вопросу, тѣмъ не менѣе были

* Приводится въ замѣчательномъ изданіи „Подоплека Австро-Германской интриги“ Іосифа Горичаръ и Лайманъ Бичеръ Стоовъ стр. 96 Дубльдей, Пейджъ и К-о. Нью-Іоркъ 1920 г.

** „Нью Іоркъ Таймзъ“ 5-го іюня 1916 г. Смотри статью: „Jacob Shiff Quits Jewish Movements“.

оппозиціонны по отношенію къ Россіи и только выжидали случая напротить ей, заставивъ проиграть ея игру.

Подъ давленіемъ международнаго капитала атмосфера въ Европѣ сгущалась. Вмѣсто того, чтобы употреблять свои колоссальныя средства для культурныхъ цѣлей, интернаціональные банкирскіе дома поощряли безграничное вооруженіе Европейскихъ государствъ и иногда преднамѣренно ускоряли военныя авантюры. Необходимо напомнить по этому поводу подтвержденіе Израиля Зангвиля, хорошо извѣстнаго лидера сіонистовъ, что это былъ Яковъ Шиффъ, который финансировалъ „Японскую войну противъ Россіи"* и другое показаніе г. Джорджа Кеннанъ, который удостовѣряетъ, что этотъ же банкиръ деньгами помогалъ бунтарству русскихъ военноплѣнныхъ въ Японіи**. Такія колоссальныя предпріятія, какъ Круппъ и Шкода, Путиловъ и Манфредъ Вейссъ, Дейчъ и Сынъ и Шнейдеръ были всѣ подъ контролемъ, явнымъ или скрытымъ, высшихъ финансовыхъ круговъ, составляющихъ часть цѣлаго — системы всесвязующаго вмѣшательства. Не должно быть также забыто то обстоятельство, что тѣ же финансовые круги интернаціональныхъ банкировъ неизмѣнно поддерживали тѣ предпріятія, которыя поощряли и помогали имперіалистическимъ замысламъ Центральныхъ Державъ. Такъ, вскорѣ послѣ анексіи Босніи и Герцеговины, когда Двуединая Монархія начала свои военныя подготовленія противъ Италіи, это была именно та же банковская группа, которая дала въ

* Смотри „Проблемы Еврейскаго Племени" Израиль Зангвиль, ст. 14, Еврейская Издательская К-о Нью-Іоркъ.

** Сравни стчетъ Соціалистическаго Собранія въ залѣ Корнеджи 23 марта 1917 г. для празднованія Русской Революціи, согласно „Нью Іоркъ Таймзъ" отъ 24 марта 1917 года.

заемъ 300 милліоновъ кронъ для увеличенія Австрійскаго флота, такъ что новые военные корабли извѣстною частью европейской прессы были названы: „Дредноутами Ротшильда."

Передовые люди науки въ Европѣ были заняты изобрѣтеніемъ самаго большого орудія или самаго ядовитаго газа, могущаго уничтожить максимальное количество непріятельскихъ солдатъ въ кратчайшее время.

Лучшіе писатели и способнѣйшіе журналисты Европы, будучи на жалованіи у различныхъ группъ, лихорадочно подготовляли публичное мнѣніе къ предстоящему конфликту Европейскихъ Державъ.

Въ 1912 г., несмотря на надменное поведеніе Берлина и Вѣны въ Балканскихъ дѣлахъ, Россія воздержалась принять участіе въ конфликтѣ. Благодаря миролюбивой политикѣ Россіи casus belli былъ обойденъ, на что Центральныя Державы сильно досадовали. Однако, нетрудно было предсказать, что, рано или поздно, скорѣе рано, чѣмъ поздно, casus belli будетъ найденъ Австріею или Германіею, или обѣими вмѣстѣ. Поэтому, когда 28 іюня 1914 г. Эрцгерцогъ Фердинандъ былъ убитъ въ Сараевѣ, то каждому близко стоящему къ Европейской политикѣ, стало ясно, что міровая война неизбѣжна.

Международныя отношенія Европы были натянуты, какъ струна, готовая лопнуть; интернаціональный капиталъ поддерживалъ войну, всякую войну противъ Россіи. Революціонная пропаганда получила интенсивное развитіе въ обѣихъ столицахъ Россіи — Петроградѣ и Москвѣ. Германская милитаристическая партія съ восторгомъ предвкушала тріумфальное шествіе нѣмецкихъ войскъ черезъ территорію Европы, какъ на востокъ, такъ и на западъ отъ Берлина и Вѣны. Военный аппаратъ Германіи былъ въ совершенномъ порядкѣ, въ то время, какъ Россія, очевидно, еще не

была подготовлена къ великому столкновенію. Германскіе соціалисты, и безъ того бывшіе всегда послушными слугами Императорскаго Германскаго Правительства, обратились вдругъ въ патріотовъ. Тевтонскіе милитаристическіе лорды обезцѣнивали Францію, почитая ее, какъ quantitée negligeable. Такимъ образомъ все, казалось, благопріятствовало претворенію германскихъ замысловъ въ жизнь. Что касается Англіи, то не ждали выступленія ея бокъ о бокъ съ Россіей и Франціей, въ то время, какъ дружественный нейтралитетъ Италіи долженъ былъ служить видомъ благопріятности и пользѣ Тройственнаго Союза. Больше же всего Центральныя Державы разсчитывали на своего невидимаго союзника — на Интернаціональный Капиталъ, который уже во многихъ случаяхъ доказалъ свою дружбу берлинскому дѣлу.

Открытая ненависть со стороны высшихъ финансовыхъ круговъ къ Россійской Имперіи была отчасти обязана муссированному преслѣдованію евреевъ Императорскимъ Россійскимъ Правительствомъ. Но, понятно, что стремленіе сшибить Русскаго Колосса имѣло подъ собою гораздо больше матеріальныхъ цѣлей, чѣмъ лишь одно желаніе нѣкоторыхъ банкировъ, жившихъ въ своихъ дворцахъ въ Нью-Іоркѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ и Лондонѣ, облегчить участь своихъ гонимыхъ собратьевъ. Весь замыселъ имѣлъ свое происхожденіе изъ чисто экономическаго существа. Главнымъ образомъ расчлененіе Россіи преслѣдовало двѣ цѣли: во-первыхъ германизацію и конечную анексію Прибалтійскихъ провинцій и, во-вторыхъ, германизацію и конечную анексію такъ называемой Украйны, территоріально заключающей Восточную Галицію, Волынь, Подолію и Малороссію съ Новороссіей съ побережьемъ Чернаго моря. Въ то время, какъ первая задача преслѣдовала нанесеніе Россіи

политическаго урона, вторая — имѣла цѣлью чисто экономическія выгоды, которыя бы вытекли изъ ея осуществленія. И въ самомъ дѣлѣ, Малороссія съ ея черноземомъ, дубовыми лѣсными и степными богатствами и съ ея нѣдрами являлась вкусною приманкою для нѣмецкаго банкира.

То обстоятельство, что дѣвственная Малороссія была почти не эксплоатирована, дѣлало добычу еще болѣе цѣнною. Германскіе оффиціальные дѣловые круги предполагали обратить эту часть Россіи для цѣлей колонизаціонныхъ, въ виду того, что быстрый приростъ населенія самой Германіи сталъ серьезнѣйшей проблемой, могущей постоянно обратиться въ соціальную угрозу.

Если бы замыслу Германіи суждено было сбыться, то Россія потеряла бы выходъ въ Балтійское море; подобная потеря совершенно аннулировала бы экономическое и стратегическое значеніе Петрограда. То, что было сдѣлано Петромъ Великимъ, и всѣ успѣхи, достигнутые Великою Сѣверною войною начала восемнадцатаго столѣтія, было бы сведено къ воображаемому преимуществу обладанія Петроградомъ безъ возможности использовать его морской портъ для коммерческихъ цѣлей. Въ то же время, близость финской границы настолько значительно увеличила бы угрожаемость столицѣ Россіи, что принудила бы перенести мѣстопребываніе Правительства вглубь Россіи, вѣроятно, въ Москву. Подобное положеніе отбросило бы Россію къ ея географическому состоянію XVII столѣтія и немедленно бы привело къ ея экономическому паденію. То обстоятельство, что Россія продолжала бы владѣть Архангельскомъ, морскимъ Бѣломорскимъ портомъ своего сѣвера, имѣло бы весьма малое значеніе, какъ вслѣдствіе его отдаленности, такъ и по причинѣ того, что въ теченіи семи мѣсяцевъ онъ закрытъ для навигаціи, и, такимъ образомъ, ему

никогда не суждено имѣть преимущества порта Балтики.

Съ другой стороны, германизація Украйны прежде всего заперла бы для Россіи Черное море и отняла бы главный его морской портъ — Одессу, черезъ которую экспортировалось почти все русское зерно. Помимо того, самостоятельное Украинское государство совершенно бы обездолило Россію въ отношеніи угля, зерновыхъ продуктовъ, желѣзодѣлательной промышленности и сахарнаго производства. Иначе говоря, сущность германскаго плана заключалась *въ экономическомъ удушеніи Россійской Имперіи* въ то время какъ ея географическое положеніе возвратило бы ее къ ея границамъ XV столѣтія*.

Германія начала работать надъ осуществленіемъ своихъ дальновидныхъ вышеприведенныхъ плановъ задолго до начала великой войны. Еще въ началѣ XX столѣтія Русское Правительство начало чувствовать сильное нѣмецкое вліяніе въ Прибалтійскихъ провинціяхъ. Оно чувствовалось въ различныхъ направленіяхъ. Муниципальное управленіе было опредѣленно подъ контролемъ германскаго дворянства. Въ системѣ сельско-хозяйственнаго уклада открыто руководствовались германскими интересами. Не смотря на то, что многіе прибалтійскіе нѣмцы были русскими подданными и вопреки тому, что большинство изъ нихъ были вполнѣ лояльны по отношенію къ Россіи, тѣмъ не менѣе существо ихъ вѣрноподданства носило характеръ двойного подданства. Бывало зачастую, что въ одномъ семействѣ два или три члена его являлись

* Мы не принимаемъ во вниманіе Сибирь, которая была завоевана въ XVI столѣтіи казаками. Само собою, что Владивостокъ — выходъ Россіи въ Тихій Океанъ. Но колеблющаяся политика Японіи и ея явное стремленіе расширить зону своего вліянія на Азіатскій материкъ дѣлали бы положеніе Россіи на Дальнемъ Востокѣ очень тяжелымъ.

германскими подданными, въ то время, какъ остальные оставались въ русскомъ подданствѣ. Двоеподданство всегда носитъ характеръ нездороваго и зловреднаго состоянія. Въ частности же, въ случаѣ съ Прибалтійскими провинціями, оно въ общемъ носило особенно неблагопріятный политическій обликъ.

На жизнь Прибалтики, въ особенности Риги, сильное вліяніе оказывали еврейско-германскіе банковскіе источники и даже ставили ее въ свою зависимость. Весь экспортъ былъ въ рукахъ нѣмцевъ непосредственно, или же нѣмецкія предпріятія работали черезъ еврейскую агентуру. Рига и Ревель были только по названію русскими городами. Даже въ оффиціальныхъ кругахъ германское вліяніе было очень сильно; были даже сдѣланы неоднократно попытки вмѣсто русскаго языка ввести въ судѣ нѣмецкій. Въ виду того, что гражданскія правоотношенія регулировались, такъ называемымъ, Балтійскимъ кодексомъ, который во многихъ случаяхъ разнился въ основныхъ положеніяхъ отъ гражданскаго кодекса Россіи, то этотъ фактъ сильно подбодрялъ германскія сепаратистическія теченія въ Прибалтикѣ.

Нѣмецкое вліяніе при Россійскомъ Императорскомъ Дворѣ, о которомъ много говорили, несомнѣнно вытекало изъ совершенно особенныхъ привилегій нѣмецкаго дворянства Прибалтики.

Когда Россія, послѣ трехлѣтней гигантской борьбы, рухнула, лишенная Антантою какъ военной, такъ и экономической помощи, то Германія немедленно воспользовалась случаемъ эксплоатировать Прибалтійскія провинціи для своей выгоды.

Въ іюлѣ 1919 г. берлинская желѣзнодорожная компанія Беккеръ и К. выработала детальную программу экономическаго завоеванія Германіею Прибалтійскихъ провинцій. Было предположено, что Deutsche Bank поддержитъ это предпріятіе и что Евгеній Шиффъ

станетъ во главѣ его. Въ краткихъ чертахъ все это дѣло представлялось въ нижеслѣдующемъ: прежде всего была образована компанія для постройки и эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ. Двѣ главныхъ линіи, которыя вышеуказанная компанія предполагала построить, были: а) Рига-Перновъ-Ревель и в) Митава-Кошедары. Съ цѣлью добычи необходимыхъ капиталовъ для постройки новыхъ линій и эксплоатаціи уже существующихъ желѣзныхъ дорогъ было предположено образовать консорціумъ крупныхъ германскихъ банковъ. Главнымъ образомъ для противодѣйствія англійскому финансовому вліянію предположено было, что германо-американскія фирмы должны будутъ присоединиться къ консорціуму. Въ разработанномъ планѣ предвидѣлось въ будущемъ развитіе вспомогательныхъ линій, а также — полевыхъ — большого протяженія. Въ настоящій моментъ Германія уже успѣла покрыть сѣтью полевыхъ линій Курляндію и Эстонію.

Далѣе была предположена электрофикація Прибалтійскихъ провинцій при утилизаціи бѣлаго угля. Въ виду отсутствія угля въ Прибалтикѣ, эта часть плана была, само собой разумѣется, наиболѣе существенной.

Было задумано построить въ большомъ количествѣ верфи и доменныя печи для промышленнаго развитія края, съ цѣлью поощрить оживленіе и усилить экспортъ. Особое вниманіе было удѣлено для возсозданія Рижской промышленности. Необходимо замѣтить, что въ раннемъ періодѣ Великой войны Рига была совершенно эвакуирована Россійскимъ Правительствомъ и ея промышленныя предпріятія были переведены вглубь Россіи. Тоже относилось и къ банковскимъ учрежденіямъ Риги; ихъ депозиты были переведены Русскимъ Правительствомъ, почему Беккеръ и К. для развитія широкой дѣятельности поддерживались германскими банками. Значительную долю

вниманія должны были обратить на развитіе сельскаго хозяйства, въ виду того, что Германія была ранѣе и, совершенно явно, до сихъ поръ заинтересована во ввозѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Въ связи съ этимъ развитіе культуры льна предположено было усилить.

Этотъ краткій очеркъ плановъ Германіи для мирнаго завоеванія Прибалтійскихъ провинцій достоинъ вниманія потому, что онъ показываетъ, какъ дальновидны и разработаны планы Германіи насчетъ Востока, той Германіи, которая почти всѣмъ міромъ признана, какъ проигравшая войну.

Въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ, въ которой приводится анализъ такъ называемой „Теоріи Западнаго Фронта", разработанъ детально основной вопросъ о побѣдѣ союзниковъ и пораженіи Германіе. Тутъ достаточно сказать, что германскимъ взглядамъ на Востокъ сегодня открываются болѣе благопріятные виды, чѣмъ ранѣе.

Необходимо напомнить, что вторая часть Германской схемы заключалась въ германизаціи Малороссійскихъ провинцій. Здѣсь вновь германскія мечты обращаются вспять къ временамъ Желѣзнаго Канцлера. Князь Бисмаркъ въ своихъ мемуарахъ весьма открыто излагалъ свои предположенія о расчлененіи Россіи. И, въ дѣйствительности, онъ не мѣшалъ различнымъ германскимъ политическимъ группировкамъ разсматривать вопросъ о нападеніи Пруссіи на Востокъ, какъ центръ тяжести внѣшней германской политики. Касаясь этого, Бисмаркъ сказалъ: ... „Партія „Wochenblatt" а, какъ она была названа, сыграла странную двойственную игру. Я хочу напомнить памятный меморандумъ, которымъ эти господа обмѣнялись другъ съ другомъ, и какъ они, сообщивъ его мнѣ, старались всякій разъ перетянуть меня на свою сторону. Ими намѣчена цѣль, въ которой Пруссія должна старать-

ся, побѣдивъ Европу, добиться раздѣленія Россіи путемъ потери ею въ пользу Пруссіи и Швеціи Балтійскихъ провинцій, включая и Петербургъ, всей территоріи, въ широчайшемъ смыслѣ, Польской республики и раздѣленіемъ остатка между Великой и Малой Россіей . . .*"

Бисмаркъ, однако, былъ черезчуръ большимъ государственнымъ человѣкомъ, чтобы быть спутаннымъ пангерманской пропагандой. Онъ зналъ, что цѣлость и недѣлимость Россійской Имперіи была условіемъ sine qua non процвѣтанія самой Германіи. Въ дѣйствительности, такъ называемый Dreikaiserbund **, который являлся союзомъ между Императорами Россіи, Германіи и Австро-Венгріи, былъ задуманъ Бисмаркомъ. Поддержка этого союза являлась краеугольнымъ камнемъ его иностранной политики. Вотъ его слова: „Существованіе монархическаго правительства въ Санктъ-Петербургѣ для насъ, нѣмцевъ, является необходимостью, которая совпадаетъ съ существованіемъ собственнаго нашего режима."

Далѣе Бисмаркъ поясняетъ, что имѣлась серьезная причина „Союза Трехъ Императоровъ", помимо его личной симпатіи къ монархическому строю. Онъ говоритъ: „Если монархическія правительства не поймутъ, что имъ необходимо итти рука объ руку въ интересахъ политическаго и соціальнаго порядка, то я боюсь, что интернаціональная революціонная и соціальная проблемы, которыя должны быть переборены, явятся въ высшей степени опасными и примутъ такія формы, что побѣда со стороны монархическаго строя будетъ очень затруднена."

* Бисмаркъ „Человѣкъ и Государственный Дѣятель", англійскій переводъ А. І. Бутлера т. І. стр. 119 и 120. Харперъ и Бр. Нью-Іоркъ 1899 г.

** „Союзъ Трехъ Императоровъ".

Особеннымъ качествомъ нѣмецкаго ума является то, что онъ ищетъ оправданія всякаго рода эгоистической политики или предложенія, пуская въ ходъ блестящія теоріи и псевдо-научныя разсужденія. Императорское германское правительство было очень счастливымъ. Оно всегда имѣло въ своемъ распоряженіи десятки профессоровъ и псевдо-научныхъ людей, которые выказывали удивительную ловкость въ обѣленіи всякаго злого замысла, затѣяннаго Вильгельмштрассе. Такимъ образомъ, когда германскіе дипломаты, поддержанные германо-еврейскимъ капиталомъ, окончательно рѣшили продолжать работу на расчлененіе Россіи, то они немедленно нашли большое количество послѣдователей, которые начали прилагать усилія для обработки общественнаго мнѣнія Европы въ томъ, что существуютъ значительныя филологическія и даже племенныя различія между великороссами и малороссами. Разсуждали о томъ, что этнографическія чувства самостійности „защитили украинскихъ крестьянъ отъ руссификаціи не только въ границахъ ея національной территоріи, но даже въ ея отдаленныхъ колоніяхъ Сибири и Туркестана*."

Безконечныя усилія были сдѣланы Германіей и Австро-Венгріей для того, чтобы превратить малорусскій діалектъ въ независимую филологическую вѣтвь, однако, безуспѣшно. Украинскій „язык" является чужимъ и совершенно непонятнымъ для громаднаго большинства малороссовъ. Только ограниченное количество священниковъ Восточной Галиціи въ состояніи дешифрировать искусственную украинскую филологію, которая совершенно ясно made in Germany.

* Стефанъ Рудницкій Д. Р., привать-доцентъ Лембергскаго университета „Украина, ея земля и ея народъ", стр. 154, англійскій переводъ съ нѣмецкаго изданія, напечатаннаго въ Вѣнѣ въ 1915 г. Нью-Іоркъ 1918 г.

И тѣмъ не менѣе германская пропаганда относительно украинской самостійности распространилась по всему свѣту. Практически Украинскіе союзы встрѣчаются въ каждой странѣ. Будучи задумана въ Вѣнѣ и Берлинѣ, украинская пропаганда проводится въ жизнь чуть ли ни на всѣхъ языкахъ. Украинскія делегаціи наводнили Парижскую Мирную Конференцію, безконечные меморандумы были сфабрикованы различными германскими и германствующими людьми науки съ цѣлью доказать нѣчто, что не могло быть доказано, а именно: что была украинская нація, которая не могла развернуться въ самостоятельное государство лишь благодаря гнету самодержавія. Настоящая цѣль всей украинской агитаціи была опредѣлена Густавомъ Штефеномъ, профессоромъ Готенбургскаго университета въ Швеціи слѣдующимъ образомъ: въ серединѣ сентября 1914 г. въ Вѣнѣ появился періодическій органъ „Украинскія Извѣстія“, который казался органомъ политической организаціи, старавшійся использовать случайности текущей войны для выигрыша политической самостоятельности для украинскаго народа; весьма возможно, въ видѣ нѣкотораго рода личной уніи съ Австріей и на основахъ демократической соціальной конструкціи. Главной сутью политическаго положенія предполагалось существованіе свободной Украины, спаянной и могучей, которая могла бы наилучшимъ образомъ защищать интересы Австріи и Германіи, а также и Южной и Западной Европы, дѣйствуя, какъ буферное государство противъ великорусской силы, которая должна была бы продолжаться и впредь независимо отъ того, чѣмъ могла бы закончиться война *.

* Смотри брошюру д-ра Стефена: „Россія, Польша и Украина“, переводъ со шведскаго ст. 21 изданный Украинскимъ Національнымъ Консуломъ, Джерсей Сити, Нью-Іоркъ 1915 г.

Украинская сепаратическая пропаганда достигла даже береговъ Соединенныхъ Штатовъ, однако, ея вліяніе на эмигрантовъ изъ Галиціи и Малороссіи оставалось незамѣтнымъ. Тѣмъ не менѣе государственный департаментъ осаждался систематически различными украинскими политическими организаціями, которыя старались убѣдить д-ра Лансинга, что украинская проблема не можетъ быть урегулирована иначе какъ за счетъ расчлененія Россійской Имперіи. Такъ въ представленномъ въ іюлѣ 1918 г. М. Сѣчинскимъ, бывшемъ ранѣе секретаремъ украинской федераціи С. Ш. А., меморандумѣ, представленномъ г. Вильсону, значилось: „Всѣми признано, что тридцать милліоновъ украинцевъ рѣзко разнятся отъ русскихъ и поляковъ, однако, даже американскіе государственные люди не признаютъ того факта, что руссины Восточной Галиціи являются частью украинскаго народа и, насколько мнѣ извѣстно, вы сами ни въ одномъ изъ вашихъ публичныхъ выступленій, касающихся главныхъ національностей Австріи, никогда не упоминали о руссинахъ. Главное желаніе пяти милліоновъ руссиновъ, безъ исключенія какой-нибудъ группы или партіи, — это быть соединенными съ украинцами во что бы то ни стало. И нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что украинская республика, если ей будетъ предоставлено дѣйствовать, какъ свободной и самоопредѣляющейся національности, — захочетъ войти въ федерацію съ другими національностями бывшей Россійской Имперіи.“

Въ вышеприведенномъ документѣ можно замѣтить новую тенденцію, а именно: великодушное обѣщаніе со стороны украинцевъ войти въ федерацію съ Россійской Имперіей вмѣсто того, чтобы стать частью Габсбургской Имперіи. Въ главномъ же, однако, позиція была и остается одной и той же съ тѣхъ поръ, какъ Германіей былъ выпущенъ лозунгъ самостійной Украины.

Необходимо хорошо замѣтить, что задолго до 14-ти пунктовъ, объявленныхъ президентомъ Вильсономъ, принципъ „самоопредѣленія“ народностей былъ не только знакомъ Европѣ, но дѣятельно пропагандированъ германской наукой подъ покровительствомъ Императорскаго Германскаго Правительства. Къ сожалѣнію, всесвѣтная пропаганда, направленная къ расчлененію Россіи оказала нежелательное дѣйствіе въ политическомъ курсѣ на мирной конференціи въ Парижѣ.

Предыдущія замѣчанія суть ни что иное, какъ общій очеркъ нѣкоторыхъ поползновеній близко причастныхъ и придуманныхъ интернаціональнымъ капиталомъ. Далѣе будетъ видно, какъ они кристаллизовались на Парижской мирной конференціи и какой практическій результатъ они имѣли на судьбу многихъ Европейскихъ государствъ. Въ виду этого, однако, мы должны возвратиться ко второму фактору, который оказываетъ въ широкомъ смыслѣ слова давленіе на міровое положеніе, а именно: на интернаціональное рабочіе движеніе. Рабочее движеніе такъ же старо, какъ самъ трудъ; въ продолженіе многихъ эпохъ мы находимъ недовольство среди рабочихъ массъ. Иногда они выливались въ форму буйныхъ взрывовъ рабочихъ противъ существующей промышленной системы, что приводило къ серьезнымъ пертурбаціямъ въ національно-экономической жизни.

Проблема труда лишь съ середины XIX столѣтія стала факторомъ соціальной важности цивилизованныхъ странъ. Февральская и, еще болѣе, іюньская революція 1848 г. во Франціи дали настоящій толчекъ рабочему движенію въ Европѣ. Промышленный ростъ, распредѣленіе труда между крупными предпріятіями, тріумфальному шествіе технологіи, массовое скопленіе рабочихъ въ стѣнахъ колоссальныхъ коммерческихъ предпріятій и, наконецъ, усиленная соціалистическая

пропаганда принесли съ собою своеобразную „самосознательность пролетарскаго класса“.

Коммунистическій манифестъ Карла Маркса былъ впервые распространенъ въ бурные дни февральской революціи во Франціи и, вскорѣ послѣ этого, сталъ евангеліемъ радикальнаго рабочаго вопроса, сперва въ Европѣ, а послѣ проникъ всюду, во всемъ мірѣ. Основные принципы экономической доктрины Маркса были выражены въ нѣсколькихъ догматическихъ формулахъ. Во-первыхъ, было утверждаемо, что исторія всѣхъ доселѣ существовавшихъ обществъ — это исторія классовой борьбы. Во-вторыхъ, было удостовѣрено, что трудъ послѣдняго времени, будучи лишенъ всякихъ средствъ производства и распредѣленія со стороны капиталистовъ-собственниковъ, былъ вынужденъ продавать свою рабочую силу на публичномъ рынкѣ подъ видомъ платной системы, которая стала извѣстной подъ именемъ „платнаго рабства“; въ — третьихъ, что при теперешней экономической системѣ всѣ богатства сотворены трудомъ и что трудъ лишенъ всякаго блага. Далѣе теорія была развита въ томъ направленіи, что въ то время, какъ всѣ состоянія сосредоточены въ рукахъ небольшого количества финансовыхъ и промышленныхъ Крезовъ, значительное большинство рабочихъ массъ низведены къ состоянію „униженія нищеты и безнадежной бѣдности“. Въ концѣ концовъ маркситская теорія привила рабочимъ массамъ вѣру въ то, что разрѣшеніе рабочаго вопроса лежитъ въ „грабь награбленное“, т. е. въ насильственный переворотъ существующей экономической системы, базирующейся на частной собственности, въ соціализаціи средствъ производства и распредѣленія и въ установленіи пролетарской диктатуры, которая бы уничтожила и искоренила имущественный или, такъ называемый, буржуазный классъ,

для конечной цѣли установленія соціалистическаго государства.

Однимъ изъ коренныхъ пунктовъ теоріи Маркса является интернаціональная солидарность рабочаго класса и его опредѣленное отчужденіе отъ всѣхъ другихъ классовъ или группъ нынѣшняго общества.

Даже поверхностный анализъ этой теоріи, которая стала закономъ для нынѣшняго соціализма въ достаточной степени выясняетъ ея большую теоретическую лживость и очевидное противорѣчіе въ существующихъ экономическихъ положеніяхъ. Тѣмъ не менѣе соціальныя группы въ одинаковой степени, какъ и отдѣльныя лица, часто склонны принимать очевидно ошибочныя теоріи, покуда онѣ кажутся подходящими для ихъ эгоистическихъ наклонностей. Профессоръ Карверъ совершенно справедливо замѣчаетъ: „Ни одна изъ доктринъ Маркса никогда не была принята ни однимъ экономистомъ или философомъ. Однако, что же изъ этого. Гайзерику не было никакой необходимости убѣждать экономистовъ или философовъ въ томъ, что былъ здоровый смыслъ для его побѣды надъ Римомъ. Онъ и его послѣдователи хотѣли этого, и у нихъ была сила взять его*".

Особое условіе развилось въ новѣйшей промышленной системѣ. Городское населеніе особенно крупныхъ городовъ, являющихся въ то же время центрами политической дѣятельности, стало въ совершенную зависимость отъ ручного труда, необходимаго для собственнаго жизненнаго обихода. Такъ, забастовка грузчиковъ въ Нью-Іоркѣ или въ Лондонѣ серьезнымъ образомъ угрожала бы этимъ городамъ

* Профессоръ Томасъ Никсонъ Карверъ „Предисловіе къ „Соціализмъ противъ цивилизаціи", Бориса Бразоля стр. 10, Чарльза Скрибнера сыновья. Нью-Іоркъ 1920 г.

въ снабженіи ихъ провіантомъ и углемъ. Другими словами, народонаселеніе въ пять милліоновъ было бы отдано на милость пяти или десяти тысячамъ рабочихъ, которымъ по случаю общаго недовольства экономическими условіями заблагоразсудилось бы бросить работу. Нынѣшнія трудовыя организаціи сознали эту простую истину, за что, понятно, ихъ не слѣдуетъ бранить, однако, если лидеръ профессіональныхъ союзовъ или патентованный агитаторъ заставляетъ рабочихъ воспользоваться преимуществомъ экономическаго положенія подобно вышеописанному, и если это повторяется изо дня въ день по всему свѣту, то тогда положеніе, которое серьезно само по себѣ, становится угрожающимъ для всего общества. И, тѣмъ не менѣе, это именно то, что творилось за послѣднее полустолѣтіе.

Начиная съ 1864 года, времени установленія Карломъ Марксомъ перваго Интернаціонала съ его главнымъ штабомъ въ Лондонѣ, трудъ постоянно развивался въ томъ направленіи, что съ той поры, какъ всѣ классы современнаго общества зависятъ отъ работы, исполненной трудовыми классами, рабочій классъ долженъ стремиться воспользоваться своимъ преимуществомъ въ своей физической силѣ для того, чтобы диктовать свою волю всѣмъ другимъ соціальнымъ группамъ, которыя составляютъ современное общество.

Здѣсь необходимо остановиться для различенія двухъ опредѣленно разныхъ фазъ въ этомъ вопросѣ: съ одной стороны, *естественное* развитіе современной экономики сдѣлало изъ труда чрезвычайно важный, а также полезный элементъ соціальной структуры; съ другой стороны этотъ элементъ становится все болѣе и болѣе опаснымъ, когда его соціальная функція *искусственно* направляется противъ общества, вмѣсто того, чтобы быть использованнымъ для его

пользы. Кромѣ того, изо дня въ день рабочимъ внушается теорія того, что отечественныя рамки и духъ патріотизма не обязателенъ рабочему классу, что неограниченный интернаціонализмъ, въ концѣ концовъ, долженъ уничтожить даже самое представленіе о національномъ долгѣ каждаго гражданина къ своей странѣ, въ то время, какъ интернаціональная солидарность трудящихся массъ должна стать единственнымъ долгомъ и высшей обязанностью рабочихъ. Поэтому американскіе соціалисты точно такъ же, какъ ихъ европейскіе коллеги, неизмѣнно объявляли себя въ оппозиціи къ военной готовности и къ войнамъ, ведущимся на защиту національной цѣлости и чести.

И дѣйствительно, съѣздъ американской соціалистической партіи въ Сентъ Люисѣ, который состоялся въ апрѣлѣ 1917 г., особенно подчеркнулъ. „Въ противовѣсъ ложной доктринѣ національнаго патріотизма, мы поддерживаемъ идеалъ интернаціональной солидарности рабочихъ. Мы не желаемъ отдать ни одной жизни и ни одного доллара для поддержанія капитализма; для борьбы же рабочихъ за свободу мы жертвуемъ всѣмъ нашимъ достояніемъ".

Всесметающій характеръ русской революціи ускорилъ развитіе туманной и академичной идеи интернаціональнаго братства рабочихъ, въ конкретное понятіе о всемірной пролетарской революціи. Во многихъ случаяхъ за послѣдніе два или три года, эта программа обозначилась совершенно ясно у соціалистовъ, коммунистовъ и вообще у всего лѣваго крыла рабочаго движенія. Совѣтское правительство 1918 года издало эти положенія въ спеціальномъ изданіи, озаглавленномъ „Коммунистическая Программа". Мы тамъ имѣемъ: „Путь установленія Интернаціональной диктатуры рабочаго класса заключается въ сверженіи имперіалистическихъ правительствъ вооруженнымъ путемъ и организаціи интернаціональной

совѣтской республики. Наиболѣе сильнымъ способомъ поддержанія интернаціональной революціи является организація вооруженныхъ революціонныхъ силъ... Рабочіе Европы должны это сдѣлать и фактически даже дѣлаютъ это... Рано или поздно, мы будемъ имѣть Интернаціональную Республику Совѣтовъ*".

Еврейско-итальянскій коммунистъ Фраина, основатель американской коммунистической партіи, также точно недавно намѣтилъ предстоящую проблему интернаціональнаго пролетаріата: „Сознательность массъ должна быть прѣтворена въ дѣйствіе и классовую мощь; и вооруженіе массъ является формой выраженія этого претворенія, орудіемъ для побѣды надъ буржуазіей и для уничтоженія контръ-революціонныхъ выступленій... Единственно пролетаріатъ представляетъ изъ себя революціонную силу, онъ одинъ можетъ дерзнуть вступить въ борьбу и добиться успѣха для сверженія капитализма; единственно пролетаріатъ — творецъ и охранитель революціи; необходимо, чтобы этотъ пролетаріатъ былъ вооруженъ, чтобы онъ самъ прямо, сознательно, энергично и мощно себѣ создалъ государство, армію, полицію и судъ, чтобы онъ самъ захватилъ и выполнилъ функціи государства**."

Это совершенно ясное не оставляющее тѣни сомнѣнія въ сущности его изложенія, и, понятно, является прямымъ вызовомъ современной цивилизаціи. Этого рода пропаганда глубоко проникла въ рабочія массы. Къ естественнымъ причинамъ недовольства прибавился могучій факторъ, а именно, *вынуждаемое броженіе*, которое подрываетъ общественныя основы и угрожаетъ самому существованію общества.

* Приводится въ „Меморандумъ нѣкоторыхъ взглядовъ на большевистское движеніе въ Россіи" стр. 46 выпущено Государственнымъ Департаментомъ въ Вашингтонѣ, Д. С., 1919 г.

** Люисъ К. Фраина „Соціальная революція въ Германіи", стр. 49. Бостонъ Издательство Революціоннаго Времени.

Точно такъ же, какъ высшіе круги финансовъ практически отказались отъ національныхъ принциповъ, установивъ международную организацію во всемъ свѣтѣ для контроля денежнаго рынка, такъ и рабочее движеніе почти окончательно потеряло свой обликъ, будучи превращено въ интернаціональную машину для подстрекательства къ всемірной соціальной революціи.

Въ этомъ отношеніи двѣ крайнихъ группы современнаго общества превратились въ угрозу для его устойчивости и мирной эволюціи. Въ этомъ смыслѣ какъ международный капиталъ, такъ и международный трудъ стали не только существенными факторами въ жизни національныхъ организмовъ, но и выросли въ достаточно могучую силу для того, чтобы вліять на международныя отношенія въ широкомъ смыслѣ слова.

Чѣмъ глубже мы анализируемъ міровую политику, тѣмъ болѣе мы убѣждаемся въ томъ, что вышеуказанные два фактора, вмѣстѣ или порознь, вьютъ нить текущихъ событіи и пользуются ими для своихъ дѣйствительныхъ или воображаемыхъ выгодъ. Понятно, они не исчерпываютъ всѣхъ причинъ текущаго состоянія. Существуетъ много другихъ теченій вліяній и факторовъ, приведшихъ къ приближенію того катаклизма, предъ неизбѣжностью котораго находится міръ въ настоящее время. Во время дальнѣйшаго нашего изслѣдованія мы постоянно будемъ ссылаться на самыя важныя сліянія, которыя, въ связи съ вышеупомянутыми двумя факторами, работаютъ и углубляютъ соціальное измѣненіе человѣчества. Также необходимо установить тотъ фактъ, что одними экономическими отношеніями никогда невозможно вполнѣ удовлетворительно объяснить тѣ радикальныя перемѣны, которыя имѣютъ мѣсто въ структурѣ общества. Въ лучшемъ случаѣ они только являются

фономъ въ текущемъ развитіи мірового положенія. Съ другой же стороны, невозможно отрицать того, что полное уясненіе существа соціальнаго процесса исключаетъ возможность его воспринятія внѣ экономическаго угла зрѣнія. Лишь одна черта въ характерѣ теперешняго положенія можетъ быть совершенно прочно установлена — это — его ярко выраженная *неустойчивость*. Все шатается. Вчерашніе идеалы и вѣрованія опровергаются сегодня. Власть обезличена, ея авторитетъ подорванъ. Новыхъ идеаловъ еще не подыскали, а въ то же время основные принципы современной цивилизаціи жестоко потрясены. Моральное, экономическое и соціальное равновѣсіе міра утеряно. Самыя неожиданныя событія совершились въ прошломъ и ожидаются въ будущемъ. Какъ дезорганизація соціальной организаціи, такъ и организація соціальной дезорганизаціи — на полномъ ходу. Современныя государства проходятъ нынѣ черезъ фазу политическаго разпада, и цѣлые материки заражены бацилломъ безпорядочности. Переживаемое состояніе поразительно сходно съ пророческою картиною, нарисованною Достоевскимъ въ его „Преступленіи и Наказаніи", въ которомъ онъ, около 50 лѣтъ тому назадъ, коснулся будущности современной цивилизаціи. Вотъ, что мы читаемъ: „Раскольникову грезилось въ болѣзни, будто весь міръ осужденъ въ жертву какой — то страшной, неслыханной и невиданной моровой язвѣ, идущей изъ глубины Азіи на Европу: Всѣ должны были погибнуть, кромѣ нѣкоторыхъ весьма немногихъ избранныхъ. Появились какія — то новыя трихины, микроскопическія существа, вселявшіяся въ тѣла людей... Люди, принявшіе ихъ въ себя, становились тотчасъ же бѣсноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда не чувствовали себя люди такъ умными и непоколебимыми въ истинѣ, какъ считали это зара-

женные. Никогда не считали непоколебимѣе своихъ приговоровъ своихъ научныхъ выводовъ, своихъ нравственныхъ убѣжденій и вѣрованій. Цѣлыя селенія, цѣлые города и народы заражались и сумашествовали. Всѣ были въ треѣогѣ и не понимали другъ друга, всякій думалъ, что въ немъ одномъ заключается истина, и мучился, гдядя на другихъ, билъ себя въ грудь и ломалъ себѣ руки. Не знали кого и какъ судить, не могли согласиться, что считать добромъ и что зломъ. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали другъ друга въ какой — то безсмысленной злобѣ. Собирались другъ на друга цѣлыми арміями, но арміи уже въ походѣ вдругъ начинали сами себя терзать, ряды разстраивались, воины бросались другъ на друга, кололись и рѣзались, кусали и ѣли другъ друга. Въ городахъ били въ набатъ цѣлый день, созывали всѣхъ, но кто и для чего зоветъ, никто не зналъ того, а всѣ были въ тревогѣ. Оставили самыя обыкновенныя ремесла, потому что каждый предлагалъ свои мысли, свои поправки и не могли согласиться; остановилось земледѣліе. Кое-гдѣ люди сбѣгались въ кучи, соглашались вмѣстѣ на что-нибудь, клялись не разставаться — но тотчасъ же начинали что-нибудь совершенно другое, чѣмъ сейчасъ же сами предполагали, начинали обвинять другъ друга, дрались и рѣзались. Начались пожары, начался голодъ *."

И въ самомъ дѣлѣ, что осталось отъ основъ цивилизаціи, бывшей передъ войной. Національный идеалъ упраздненъ въ то время, какъ взамѣнъ новый не былъ созданъ. Туманнымъ контурамъ интернаціонализма умозрѣніе значительнаго большинства подчинена донынѣ. Обычные методы дипломатіи самими дипломатами объявлены противорѣчащими современному духу государственности; новые методы, однако,

* Достоевскій „Преступленіе и Наказаніе". Эпилогъ.

не изобрѣтены. Государственные люди стараго типа исчезли. Великій кризисъ не выдвинулъ великихъ людей. На мѣстѣ Наполеоновъ, Бисмарковъ и Гладстоновъ прежнихъ временъ-міръ нынѣ управляется Ллойдъ Джоржами, Вильсонами и Троцкими. Монархи отрѣшены отъ управленія, ихъ короны затоптаны въ политическую грязь, ихъ имперіи разорваны на части. Но новыя государства, порожденныя изъ ихъ праха, хилы не вслѣдствіе своей молодости, а потому, что они искусственны и нездоровы въ своемъ зачатіи. Въ самомъ дѣлѣ, политикъ замѣнилъ государственнаго мужа и самое понятіе исторической традиціи вычеркнуто изъ обихода нынѣшней государственной жизни.

Также и на аренѣ соціальной жизни основы старыхъ вѣрованій и традицій окончательно потрясены. Великое вѣрованье въ то, что только лишь трудъ является источникомъ національнаго могущества на практикѣ, въ настоящіе дни отрицается самимъ „трудомъ“. Европа истощается физически, ея народы страдаютъ отъ недостатка питанія и отсутствія предметовъ повседневнаго обихода, и все-таки европейскій „трудъ“ бастуетъ болѣе двухъ лѣтъ. Европейскія валюты безъ цѣны и, тѣмъ не менѣе, ежедневно бросаются билліоны для спекуляціи на пониженіе и повышеніе. Массы оставлены безъ руководства, въ виду того, что даже избранные лидеры не освобождены отъ горячихъ нападокъ со стороны своихъ избирателей. Самая идея демократичности, на которую, одинъ моментъ, казалось, возлагались всѣ надежды итоговъ міровой войны, — претерпѣла такую радикальную перемѣну, что это — открытый вопросъ, существуетъ ли она еще вообще.

Цѣлыя націи не находятъ себѣ покоя. Онѣ отказываются понимать, что улучшеніе соціальнаго быта не можетъ быть осуществлено за день. Одну часть

человѣчества обуялъ пунктъ помѣшательства въ томъ, что достаточно людямъ принять программу III Интернаціонала, чтобы потекли молочныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ по всей вселенной. Поражающее невѣжество проявлено въ отношеніи разрѣшенія соціальныхъ проблеммъ не только низами народа, но и претендующими на званіе ихъ лидеровъ. Люди безъ должнаго опыта и глубокаго знанія отваживаются разрѣшать такіе вопросы, о которыхъ не имѣютъ никакого представленія, и становятся хозяевами положенія. Эта поднимающаяся волна воцаряющейся посредственности, — явленіе, заключающее въ себѣ, быть можетъ, гораздо большую опасность, чѣмъ зажигательныя программы интернаціональнаго радикализма. Былъ моментъ, когда казалось, что воображеніемъ человѣчества овладѣетъ большевистское безуміе, одинъ моментъ, когда казалось, что міръ будетъ во власти эпилептической программы, возвѣщенной Троцкимъ: „крови, побольше крови“. Однако, сегодня интернаціональный большевизмъ самъ по себѣ не болѣе, какъ умирающее тѣло, извивающееся въ предсмертныхъ конвульсіяхъ. Всеразрушающій экспериментъ, произведенный надъ Россіей, бросаетъ гигантскую тѣнь на весь остальной міръ. Самые неисправимые оптимисты начинаютъ понимать, что съ коммунистическимъ раемъ обстоитъ что-то опредѣленно неладное, и что въ будущемъ изголодавшійся міръ не видитъ ничего привлекательнаго въ перспективѣ. Однако, выздоровленіе приходитъ медленно. Иллюзіи до сихъ поръ владѣютъ умами и въ вихрѣ шатающихся идеаловъ и бѣшеныхъ страстей міръ стоитъ на перепутьѣ, обезкураженный въ своемъ настоящемъ и подозрительный къ своему будущему.

ГЛАВА II.

Міровой сумбуръ не появился неожиданно, — онъ не возникъ вооруженный съ ногъ до головы, такъ Минерва, изъ главы Юпитера. Всеобщая натянутость въ Европѣ ощущалась задолго до возникновенія великой войны. Чрезвычайное развитіе коммерческой мощи Германіи, само собой разумѣется, глубоко затрагивало иностранную торговлю Британіи. Быстрый ростъ морского могущества Германіи, какъ торговаго, такъ и военнаго, сопутствуемаго хвастливымъ изреченіемъ Кайзера Вильгельма: „Будущее Германіи заключается на водахъ", производило отрицательное дѣйствіе на Темзѣ.

Съ другой стороны, германскій Drang nach Osten, въ особенностия агрессивная политика на Ближнемъ Востокѣ, вынудила Россію въ 1913 г. провести военный заемъ въ 500 милліоновъ рублей, что было пангерманской прессой принято за открыто брошенный вызовъ военному верховенству Германіи. Въ дѣйствительности, однако, этотъ заемъ, проведенный Императорской Государственной Думой лѣтомъ 1913 г., былъ ничѣмъ инымъ, какъ запоздалымъ отвѣтомъ секретному плану Германіи 1910 г., разработавшимъ мобилизацію ея промышленности въ моментъ возникновенія

европейской войны. Кромѣ того, этотъ планъ, ставшій извѣстнымъ россійскому генеральному штабу въ началѣ 1911 г., заключалъ въ себѣ важныя рѣшенія относительно значительнаго усиленія тяжелой артиллеріи и авіаціи, а также — основательнаго укрѣпленія Восточно-Прусскаго крѣпостного раіона. Одновременно россійскія военныя власти получили свѣдѣнія, что Австро-Венгрія начала интенсивныя военныя приготовленія, явно направленныя противъ Сербіи. Одно это положеніе оправдало бы готовность Россіи къ будущей войнѣ съ Центральными Державами. Однако, былъ и другой факторъ существенной важности, который всегда очень смущалъ русское общественное мнѣніе, это былъ русско-германскій торговый договоръ, который Берлинскій Кабинетъ *вынудилъ заключить Россію во время Русско-Японской войны и благодаря которому экономическое развитіе* Россіи фактически становилось невозможнымъ. Другимъ факторомъ, дѣлавшимъ опасное политическое положеніе Европы серьезнымъ — были серіи „инцидентовъ“ на Балканахъ, инсценированныя Ball Platz-омъ и германскими финансовыми группами, возглавленными Бетманомъ-Гольвегомъ. Въ концѣ концовъ, тотъ фактъ, что интрига Германіи быстро пускала корни въ Оттоманской Имперіи, не избѣгъ вниманія дипломатовъ Парижа, Петрограда и Лондона. Бетманъ-Голвегъ, который въ 1913 г. былъ Императорскимъ Канцлеромъ Германіи, даже не взялъ на себя трудъ скрыть свои стремленія въ иностранной политикѣ, объявивъ въ Рейхстагѣ каковы были его намѣренія по отношеніюкъ Турціи:

„Одно внѣ сомнѣнія, если когда-нибудь наступитъ время Европейскаго конфликта, въ которомъ Славянство поднимется противъ германцевъ, то это не было бы выгодно для насъ, если въ соотношеніи силъ то мѣсто, которое было занято Европейской Турціей, было бы занято Славянскими Государствами.“

Въ связи съ этимъ тевтонскіе дипломаты начали плести въ Константинополѣ интригу съ цѣлью перетянуть къ себѣ Оттоманскую Имперію въ милитаристическихъ начинаніяхъ Германіи. Не нужно было сдѣлать много усилій, чтобы поставить Турцію подъ контроль германскихъ „совѣтниковъ“ и „техническихъ экспертовъ“. Фонъ-деръ-Гольцъ-Паша, которому Берлинъ довѣрилъ дѣло реорганизаціи, вѣрнѣе, прусификаціи турецкой арміи, de facto, вскорѣ сталъ диктаторомъ Золотого Рога. При этихъ обстоятельствахъ не было никакого сомнѣнія въ томъ, что Турція будетъ втянута въ Европейскую войну въ качествѣ союзника Центральныхъ Державъ.

Благодаря явно миролюбивой политикѣ Русскаго Императора, Европейская война была отстранена въ 1913 г., когда Россія согласилась съ рѣшеніемъ Австро-Венгріи — отдать Скутари эфемерной Албаніи, несмотря на то, что эта мѣра наносила существенный вредъ интересамъ какъ Сербіи, такъ и Черногоріи. Въ Софіи, однако, уступка со стороны Россіи была разсмотрѣна, какъ указатель ея слабости, и подготовила окончательный поводъ для союза Болгаріи съ Имперіями Габсбурговъ и Гогенцолерновъ. Но, въ концѣ концовъ, было ли возможно для Россіи итти на безконечныя уступки надменной политики Балль-Платца и Вильгельмштрассе. Наконецъ, могло ли это быть терпимо для Франціи, находившейся въ союзѣ съ Россіей и потому не имѣвшей возможности оставатся безразличною при умаленіи престижа Россіи на Балканахъ. Въ Парижѣ ясно сознавали, что диктатура Германіи на Ближнемъ Востокѣ, въ конечномъ итогѣ, больно бы затронула положеніе Европы на Западѣ. Вслѣдствіе этого Русское Министерство Иностранныхъ дѣлъ постоянно побуждалось государственными людьми Франціи занять твердую позицію въ проблемѣ Балкановъ.

Франко-Русская дружба была историческимъ фактомъ, и ея вліяніе распространялось на всю Европу въ теченіе четверти вѣка. Среди русскихъ такъ же, какъ и среди французовъ, осознавалось, что Франко-Русскій союзъ не простая коммерческая или финансовая сдѣлка, но что это была высшая гарантія для свободнаго развитія двухъ націй и необходимое условіе для европейскаго равновѣсія. Французская партія Revanche'a несмотри на дрейфусаду и на серію радикальныхъ министерствъ, держала французское общественное мнѣніе подъ строгимъ контролемъ и открыто сознавала, что безъ помощи Россіи „несправедливость, сдѣланная Франціи Пруссіей въ 1871 году въ дѣлѣ Эльзасъ-Лотарингіи", никогда не могла оыть исправлена. Съ другой стороны — русскіе питали очень мало симпатій по отношенію къ Англіи, какъ въ виду ея германофильской политики, такъ и по случаю ея традиціоннаго опасенія въ развитіи Россіи*.

Александръ III однажды замѣтилъ, что у него

* Германофильство Англіи относится еще къ серединѣ XIX-го столѣтія. Лордъ Пальмерстонъ положилъ начало британской политикѣ, направленной къ основанію сильной Германской Имперіи для того, чтобы держать на чеку „Сѣвернаго Великана". Въ 1849 г. въ европейской прессѣ появилась политическая схема, извѣстная подъ названіемъ: „планъ лорда Пальмерстона по переустройству Европы". Въ немъ, между прочимъ, приводилось: „Планъ . . . направленъ къ новой конфигураціи Европы, основаніе сильной Германской Имперіи, которая должна представлять изъ себя стѣну, долженствующую разъединить Францію отъ Россіи, а также основаніе Польско-Венгерскаго Королевства, которое должно завершить схему, направленную противъ великана сѣвера." См. N. Deschamps „Sociétés Secrétes et la Société", т. II стр. 312 и 313 изданіе 3-е Парижъ, 1880 г. Должно памятовать, что Берлинскій Трактатъ 1878 г. былъ сознательнымъ заговоромъ д' Израэли-Бисмаркомъ противъ Россіи. Россія, чье войско было у воротъ Константинополя, выиграла въ войнѣ и потеряла въ мирѣ. Наконецъ, германофильская и руссофобская политика Великобританіи во время Русско-Японской войны — общеизвѣстный фактъ.

только одинъ искренній другъ въ Европѣ — это Король Черногорскій. Послѣ установленія Франко-Русскаго союза, русскій народъ имѣлъ достаточно основаній надѣяться, что германо-англійское давленіе потерпитъ неудачу въ разрушеніи Россійской Имперіи. Необходимо памятовать, что тренія, происходившія между Лондономъ, порожденныя незадолго до 1914 г. и Берлиномъ, хотя и оыли внимательно наблюдаемы русскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, однако, никогда не были имъ используемы для выгодъ Россіи. Графъ Бенкендорфъ, Россійскій Посланникъ при Дворѣ Св. Джеймса, хотя и былъ въ высшей степени лойяленъ въ русскихъ интересахъ, однако былъ нѣсколько слабъ въ политикѣ и совершенно неопытенъ въ политическомъ маневрированіи.

Мы не намѣрены здѣсь останавливаться на подробномъ изученіи причинъ міровой войны — это вопросъ, о которомъ широко судили компетентнѣйшіе писатели и знаменитые дипломаты. Мы только стараемся представить короткій очеркъ общаго положенія, показывающаго, что задолго до первыхъ выстрѣловъ, зазвучавшихъ на Германо-Бельгійской и Русско-Германской границахъ, обстоятельства достаточно созрѣли, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ зажечь общій пожаръ. Поэтому, когда Австрійскій Эрцгерцогъ былъ убитъ, стало сразу очевиднымъ, что невозможно избѣжать европейской войны.

Съ самаго начала войны дипломаты воюющихъ націй старались доказать, что не ихъ слѣдуетъ винить въ возникновеніи европейской катастрофы, а что за это отвѣтственъ кто-то другой. Такимъ образомъ, въ германской „Бѣлой Книгѣ“, изданной германскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ августѣ 1914 г., доказывалось, что Сербія и Россія были отвѣтственны не только въ провоцированіи войны, но и въ убійствѣ Эрцгерцога Франца-Фердинанда. По этому поводу мы

читаемъ нижеслѣдующее: „Цѣль этихъ (сербскихъ) политическихъ затѣй заключалась въ постепенномъ революціонизированіи и конечномъ отдѣленіи Юго-Восточныхъ провинцій отъ Австро-Венгерской Монархіи и въ ихъ федераціи съ Сербіей. Это направленіе сербской политики ни мало не измѣнялось, несмотря на повторяемыя и торжественныя заявленія Сербіи, въ которыхъ она удостовѣряла доброе желаніе измѣнить свой образъ мыслей по отношенію къ Австро-Венгріи, а также установить добрососѣдскія отношенія. Такимъ образомъ, въ третій разъ въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ Сербія являлась причиной того, что Европа висѣла на волоскѣ отъ всемірной войны. Она могла поступать такимъ образомъ только лишь вслѣдствіе того, что вѣрила въ поддержку ея намѣреній со стороны Россіи*.“

Однако, каждое изъ министерствъ иностранныхъ дѣлъ имѣло по своей цвѣтной книгѣ для освѣдомленія общества. Центральныя Державы ругали союзниковъ, въ то время, какъ союзники ругали Центральныя Державы, за то несчастье, которое случилось. Одинъ фактъ, однако, неоспоримъ, это то, что германскіе планы для мірового владычества были основной и коренной причиной того напряженія, которое давило всю Европу задолго до начала военныхъ дѣйствій. Также точно, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что насиліе надъ нейтралитетомъ Бельгіи послужило законнымъ поводомъ для объявленія Англіей войны. Событія первыхъ дней войны дали много доказательствъ тому, что ни одна изъ европейскихъ націй, взявшихся за оружіе, за исключеніемъ Германіи, не была готова къ войнѣ. Неподготовленность Россіи — общеизвѣстна. Военная отсталость Франціи

* Германская „Бѣлая Книга“ Министерства Иностран. Дѣлъ стр. 3, Берлинъ, 1914 г.

стала очевидной во время побѣдоноснаго наступленія армій фонъ Клука, которыя угрожали самому сердцу Франціи — Парижу. Геній Жоффра выигралъ битву на Марнѣ. Вторженіе Россіи въ Восточную Пруссію породило панику въ тылу Германіи. Оба фактора совмѣстно спасли Парижъ, однако, стратегическій успѣхъ не былъ еще полнымъ — Германія удерживала иниціативу въ теченіе всей войны, до весны 1918 года.

Что касается британской арміи, то ее не было совершенно. Помощь Англіи на полѣ битвы была крайне ограничена; и не ранѣе 1916 г. смогла она выставить болѣе или менѣе значительную армію на Западномъ фронтѣ. Германія, очевидно, являлась единственной страной, которая съ самаго начала войны имѣла прекрасную военную машину, приспособленную къ новѣйшимъ методамъ сраженій. Германія была единственной страной, которая ранѣе войны выработала подробный стратегическій планъ завоеваній, пунктуально проводившійся въ жизнь: она, наконецъ, была единственнымъ государствомъ, которое заранѣе выработало мобилизацію промышленности для цѣлей войны.

Германская Имперія и Австро-Венгрія, въ самомъ дѣлѣ, были отвѣтственны за тѣ потоки крови, которые залили Европу. Однако, для нашего анализа чрезвычайно важно отмѣтить, что всѣ воюющія страны вступали въ войну съ чрезвычайно опредѣленнымъ *національнымъ* сознаніемъ. Было уже упомянуто, что Россія начала войну не только для единственной цѣли, заключавшейся въ поддержкѣ своего престижа на Балканахъ, не только для защиты Сербіи, являвшейся легкой добычей Австріи, но также и для установленія контроля надъ Дарданелами съ твердымъ намѣреніемъ поднять надъ Константинополемъ русскій трехцвѣтный флагъ и возстановить Крестъ надъ Св. Софіей. Далѣе, Россія претендовала на Восточныя части Галиціи у

Буковины. Франція лелѣяла осуществить свою историческую мечту о возвращеніи Эльзасъ-Лотарингіи. Австро-Венгрія мѣтила распространить свое вліяніе на Балканы и особенно, — конечное присоединеніе Босніи и Герцоговины, а также завоеваніе малорусскихъ губерній до Кіева. Турція вступила въ войну вслѣдствіе своего желанія обладать южными частями Кавказа и всѣмъ Закавказьемъ. Что касается Великобританіи, то ея цѣлью было удержать постоянное главенство на моряхъ путемъ уничтоженія германскаго флота и, въ концѣ концовъ, разстроить германскую внѣшнюю торговлю, задержать ея расширеніе колоній, угрожавшее британской торговлѣ не только въ отдаленныхъ захолустныхъ странахъ, но и въ самомъ Лондонѣ. По этому поводу выдвигались различныя другія причины во время рѣчей и манифестацій ораторами при возникновеніи войны. Въ Англіи послѣдняя прусская теорія о „клочкѣ бумаги“ была широко обсуждаема и единодушно обвинена всѣми политическими партіями. Ллойдъ Джорджъ также рѣзко нападалъ на сущность германской цивилизаціи, столь извѣстной германской культуры: „Богъ сотворилъ человѣка себѣ подобнымъ“, сказалъ Ллойдъ Джорджъ, „возвышеннаго въ своихъ начинаніяхъ и съ вѣрующимъ умомъ. Германская цивилизація хотѣла бы возстановить его въ образѣ дизель-мотора, точнаго, аккуратнаго, могучаго, однако, безъ уголка, въ которомъ бы могла проявляться душа*“.

Угроза пангерманизма ощущалась въ Россіи, вѣроятно, болѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ. Поэтому всѣ политическія группы понуждали русское общественное мнѣніе противустоять германскимъ интригамъ въ Россіи внутри самого себя. Былъ

* Смотри рѣчь Ллойдъ Джорджа, сказанную въ Залѣ Королевы, въ Лондонѣ 19-го сентября 1914 года.

единодушный крикъ о желаніи имѣть *національную* программу, національную политику, которыя бы отвратили русскую мысль отъ германскаго вліянія. Съ другой стороны, въ Германіи, а также и въ Австріи постоянно внушалось, что опасность явится съ Востока, изъ необъятныхъ равнинъ мистической Русской Имперіи, отъ варварскаго „Царизма“ и разрушительнаго пан-славизма. Императоръ Вильгельмъ II, вопреки утвержденіямъ еврейскихъ авторитетовъ, поучалъ своихъ подданныхъ, что нѣмцы, а не евреи — избранный народъ, которому предопредѣлено владѣть міромъ. Съ грубой откровенностью въ одной изъ его знаменитыхъ рѣчей солдатамъ, уходящимъ на фронтъ, онъ сказалъ: „Помните, что германскій народъ избранъ Богомъ. На меня — Германскаго Императора — снизошелъ Святой Духъ. Я — Его мечъ, Его — оружіе, Его — замѣститель. Горе непослушнымъ и смерть трусамъ и невѣрящимъ.“

Однако, эти различныя теоріи, хотя и въ противорѣчіи другъ съ другомъ, были пущены въ ходъ съ единственной цѣлью, оправдать идею *національзма*, *понятія національнаго* самосо храненія или *національнаго* главенства надъ другими націями.

Для лучшей иллюстраціи этой точки зрѣнія приведемъ случай съ Италіей. 26-го апрѣля 1915 г. въ Лондонѣ собралась конференція, на которой было обсуждаемо вступленіе Италіи въ текущую войну. На этой конференціи участвовали итальянскій посланникъ въ Лондонѣ Марчезе Имперіали, британскій министръ иностранныхъ дѣлъ сэръ Эдвардъ Грей, россійскій посланникъ въ Лондонѣ графъ Бенкендорфъ и французскій посланникъ въ Лондонѣ г-нъ Камбонъ. На этомъ собраніи были приняты резолюціи по установленію солидарныхъ военныхъ дѣйствій между Италіей и Державами Согласія. Ознакомленіе съ гарантіями доказываетъ, что Италія согласилась присоеди-

ниться къ Союзникамъ на условіи предоставленія ей нѣкоторыхъ важныхъ территоріальныхъ уступокъ. Параграфъ 4-й этого документа гласитъ слѣдующее: „Послѣ заключенія мира, Италія получаетъ провинцію Торентино, весь Южный Тироль въ его естественныхъ географическихъ границахъ, сюда входитъ Бреннеръ; городъ и провинцію Тріестъ, провинцію Герцъ и Градишка, всю Истрію вплоть до Кварнеро, включая Волоска и Истрійскіе острова Черзо и Люсинъ, также меньшіе острова Плавники, Уніе, Канидоло, Палаццоли, а также островъ Св. Петра де Немби, Астинелло и Круика съ сосѣдними островами*."

Въ слѣдующихъ параграфахъ того же документа Италіи были обѣщены Далматинская провинція, а также острова, лежащіе сѣвернѣе и западнѣе Далматинскаго побережья; къ тому же была обѣщена Волона, а также гарантирована сфера вліянія въ Албаніи. Другими словами, весь договоръ касался исключительно *національныхъ* цѣлей Королевства Италіи и не имѣлъ ничего общаго съ понятіями о „демократіи", „самоопредѣленія народностей", „гарантій меньшинства" и „Лиги Націй". Пожеланія Италіи являются показателемъ всей психологіи Европы, въ ея общемъ, ранняго періода войны. Безразлично, какого-бы государства мы не коснулись, будь то Франція или Великобританія, Россія или Германія, Австро-Венгрія или Турція, мы неизмѣнно, въ каждомъ случаѣ, встрѣчаемся въ существѣ вожделѣній всѣхъ воюющихъ націй съ одними и тѣми же стремленіями. Возникновеніе послѣдней войны происходило изъ тѣхъ же эгоистическихъ побужденій, какъ и Европейская вой-

* Секретный договоръ 26 апрѣля 1915 г. былъ опубликованъ въ большевистскихъ „Извѣстіяхъ" 28 февраля 1918 г. Цитировано гр. О. Черинымъ въ его книгѣ „Во Всемірной войнѣ" стр. 305 и 311. Гарперъ и бр. издательство Нью-Іоркъ, 1920 г.

на 1812-1813 г. Народы Европы обдуманно и сознательно подняли оружіе не потому, что они желали установленія „Лиги Націй“, не потому, что они особенно хотѣли встать на защиту правъ еврейскаго меньшинства въ Польшѣ или Чехо-Словакіи, не потому, что они вѣрили, что Америка разрѣшитъ Шантунгское противорѣчіе, но вслѣдствіе того, что всеобщее положеніе стало черезъ-чуръ натянутымъ, что взаимоотношенія между европейскими націями стали черезъчуръ запутанными, что чаша всеобщаго вооруженія переполнилась и всему этому не оставалось иного выхода, какъ ужасающій взрывъ. Помимо всего, весь водоворотъ враждующихъ европейскихъ теченій, будучи ограничеиъ чисто эгоистическими тенденціями, являлся логическимъ слѣдствіемъ историческихъ традицій Европы. Прежде всего это была борьба великихъ европейскихъ державъ, меньшія же державы играли вспомогательную роль въ развитіи тѣхъ событій, которыя предшествовали и сопровождали войну. Въ 1812 г. Франція пожелала навязать свою волю остальной Европѣ и она потерпѣла неудачу. Въ 1914 году Германія сдѣлала подобную же попытку и ее постигло то же. Въ обоихъ случаяхъ Россія была объектомъ нападенія; въ то время, какъ въ 1812 г. она оказалась побѣдительницей, въ 1914 г. она вступила въ войну, которая по всѣмъ признакамъ была началомъ ея крушенія.

Можно много разсуждать по поводу того, что историческія завоевательныя тенденціи по существу своему противорѣчатъ морали и что онѣ не подходятъ къ идеаламъ демократичности. Къ этому можно добавить что, въ ихъ конечномъ итогѣ, чистыя имперіалистическія цѣли европейскихъ воюющихъ сторонъ были бы безсильны привести къ осуществленію вѣчнаго мира и обязательно бы привели къ другимъ вооруженнымъ столкновеніямъ.

Теоретически такія замѣчанія могутъ быть совершенно справедливы. Однако, теорія рѣдко совпадаетъ съ практикой. И отвѣта мечтателю, идеальному теоретику, вѣчному вопросу Бомарше „Helas! Pourquoi ces choses et non d'autres?“ — не послѣдуетъ. Практическое государствовѣдѣніе касается или, по крайней мѣрѣ должно касаться, исторической дѣйствительности, а не абстрактныхъ возможностей. Лестеръ Ф. Уордъ правильно замѣчаетъ, что: „Единственными мѣрами, которыми улучшали и возможно далѣе улучшать условія существованія человѣчества, является утилизація веществъ и силъ, существующихъ въ природѣ*.“

Это здравое правило неоднократно нарушалось людьми, поработавшими надъ изобрѣтеніемъ Версальскаго мира. Они часто старались приспособить свои догматическія представленія о человѣчествѣ и цивилизаціи, свои радикальные политическіе идеалы къ условіямъ, не могущимъ примириться съ коренными измѣненіями. Для историка и для государственнаго человѣка гораздо важнѣе сама правда, чѣмъ та мораль, которая можетъ быть изъ нея почерпнута. Не можетъ имѣть никакого значенія то, что отдѣльное лицо не согласно съ нынѣшнимъ курсомъ европейской политики; это-безполезное стремленіе стараться достигнуть измѣненія основного существа имѣющихся на лицо взаимоотношеній и національныхъ традицій путемъ навязыванія нравственныхъ законовъ четыремстамъ милліонамъ людей, какъ если бы ихъ было десять или четырнадцать человѣкъ.

* Лестеръ Ф. Іордъ „Динамическая Соціологія ч. I. стр. 18 издан. I-е 1883 г.

ГЛАВА III.

Мартовская русская революція 1917 г. была подобна грому изъ чистаго неба. Большинство публики Державъ Согласія было поражено случившимся, причемъ никто, какъ слѣдуетъ, не анализировалъ и, какъ слѣдуетъ, не понялъ происшедшее. Для тѣхъ, однако, которые были близки международному положенію и наблюдали развитіе событій въ Россійской Имперіи съ самаго начала войны, ничего неожиданнаго въ возникновеніи революціи въ Россіи не было.

Какъ военныя, такъ и гражданскія власти въ Россіи, были въ полной освѣдомленности по поводу недовольства продовольственнымъ дѣломъ, быстро распространявшимся по всей странѣ, и о тѣхъ колоссальныхъ усиліяхъ, которыя напрягались для организаціи революціоннаго движенія въ еще небывалыхъ размѣрахъ.

И въ дѣйствительности, экономическій кризисъ былъ очень серіозенъ. Начиная съ того, что послѣ великаго отступленія въ 1915 г., порядокъ транспорта былъ совершенно нарушенъ. Это не было послѣдствіемъ исключительно стратегическаго маневра. Сотни тысячъ бѣженцевъ изъ Галиціи и Польши, бѣжавшихъ

вглубь Россіи, запрудили движеніе съ Востока безконечно двигавшихся на Западъ эшелоновъ запасныхъ частей, что привело къ невѣроятной загроможденности путей сообщенія. Снабженіе арміи недѣлями задерживалось. Важные желѣзнодорожные узлы, какъ — Кіевъ, Вильна, Смоленскъ и Псковъ оказались безнадежно забитыми, и способы передвиженія пришли къ почти катастрофическому состоянію. Помимо того, существовала особая причина, почему транспортныя условія стали еще болѣе серіозными, чѣмъ это можно было предвидѣть. Въ Россіи такъ же, какъ въ почти каждой другой воюющей странѣ, происходили печальныя тренія между гражданскими и военными властями. Съ самаго начала войны армейскіе штабы настаивали на томъ, чтобы желѣзнодорожные пути, въ раіонахъ активныхъ военныхъ дѣйствій, были бы отданы въ полное вѣдѣніе военныхъ властей. Чрезвычайно подвижный характеръ военныхъ операцій на русскомъ фронтѣ требовалъ, чтобы очень большое количество паровозовъ и вагоновъ находилось бы въ исключительномъ распоряженіи раіоновъ военныхъ дѣйствій. Министръ путей сообщенія съ другой стороны, имѣя въ своемъ распоряженіи ограниченный подвижной составъ, утверждалъ, что подобная мѣра вредно бы отразилась на общемъ состояніи желѣзныхъ дорогъ. Было также указываемо, что, благодаря непредвидѣнностямъ войны, необходимо накопленіе подвижного состава внутри страны, могущаго поддерживать регулярное снабженіе сырыми матеріалами военной промышленности. Несчастнымъ совпаденіемъ являлось то, что почти 60% промышленности, обслуживавшей военныя цѣли въ Россіи, были расположены въ Петроградскомъ промышленномъ раіонѣ, который былъ отдаленъ какъ отъ главныхъ комуникаціонныхъ линій, такъ и отъ раіоновъ, производившихъ сырье. Далѣе, въ самомъ началѣ войны, военными

властями была допущена фатальная ошибка, заключавшаяся въ томъ, что значительныя резервныя части были расположены въ Петроградскомъ округѣ. И въ самомъ дѣлѣ, Петроградъ являлся базой Сѣвернаго и Сѣверо-Западнаго фронтовъ. Этотъ фактъ въ свою очередь привелъ къ дальнѣйшему углубленію затруднительности въ дѣлѣ снабженія и снаряженія резервныхъ частей. Мобилизаціонный планъ предвидѣлъ постепенное наростаніе количества призванныхъ, и тысячи таковыхъ должны были быть перевезены въ столицу Россіи, гдѣ, однако, ощущались недостатокъ въ питаніи, а также неприспособленность для ихъ длительнаго расквартированія.

Въ началѣ 1916 г. условія транспорта такъ обострились, что колоссальные металлургическіе заводы, какъ наприм. Обуховскій и Путиловскій, постоянно находились подъ страхомъ полной остановки, въ виду угрожающаго недостатка продовольствія. Бывало, что эти заводы имѣли запасъ продуктовъ только дишь на 48 часовъ, а въ то же время Сѣверный и Сѣверо-Западный фронты, а также весь Балтійскій флотъ зависѣли исключительно отъ производительности Петрограда. Каждый разъ, когда правительство сталкивалось съ необходимостью или прекращенія заводской дѣятельности вокругъ Петрограда, или значительнаго урѣзыванія продовольственнаго раціона гражданскаго населенія столицы, — избиралась послѣдняя мѣра. За днями безъ мяса слѣдовали дни безъ молока. Юмористы распространяли, что Петербургу придется познакомиться съ днями безъ ѣды. За хлѣбными очередями появились сахарныя, чайныя и много различныхъ другихъ очередей, которыя ширили недовольство; иногда это принимало форму „бабьихъ бунтовъ“, однако, они были ничѣмъ инымъ, какъ политическими бунтами. Люди со средствами говорили на улицахъ, что, въ концѣ концовъ, война

необходимо родитъ лишенія. Прекрасный духъ дѣйствующихъ частей, а также блистательный успѣхъ Брусиловскаго наступленія лѣтомъ 1916 г. внесли атмосферу успокоенія въ тылъ. Въ общей массѣ людямъ было совѣстно ворчать, въ особенности когда они сравнивали условія своего существованія съ тѣми колоссальными лишеніями, которыя терпѣли ихъ братья на фронтѣ, которые сражались съ такимъ высокимъ подъемомъ духа съ австро-турецко-германскими арміями, что даже врагъ восхищался ими.

Другими словами, хотя внутреннее экономическое положеніе было очень серіознымъ, однако, еще въ 1916 г. не было особой причины не вѣрить въ то, что Россія „вытянетъ“ до конца и дѣло побѣды будетъ завершено.

Брусиловское наступленіе въ 1916 г., когда было взято въ плѣнъ болѣе, чѣмъ 500 тысячъ австро-германцевъ и когда въ сущности Галиція была обратно завоевана, доказало блестящее состояніе русской арміи. Однако, русское командованіе признало, что успѣхъ этотъ не явился вѣнцомъ ожиданій. Общее стратегическое положеніе, создавшееся благодаря контръ-атакамъ фельдмаршала Макензена въ Румыніи и тактикѣ пассивности, принятой на Западномъ фронтѣ, съ очевидностью выяснило, что Россія будетъ вынуждена въ 1917 г. принести свою послѣднюю жертву, развивъ гигантское наступленіе отъ Рижскаго залива до Чернаго моря.

Начиная съ декабря 1916 г. способнѣйшимъ военнымъ спеціалистамъ была поставлена задача выработать планъ дѣйствій, который долженъ былъ бы завершиться полнымъ уничтоженіемъ австро-германскаго сопротивленія и привести русскую армію къ воротамъ Вѣны и Берлина. Въ связи съ этимъ былъ разработанъ планъ, по которому начало побѣдоноснаго наступленія пріурочивалось къ маю 1917 г.

Главное затрудненіе, съ которымъ приходилось считаться генеральному штабу при разработкѣ этого плана, было сравнительная недостаточность русскаго артиллерійскаго снабженія. Было ясно, что для успѣха наступленія, ведомаго въ такомъ колоссальномъ масштабѣ, необходимо было формированіе новыхъ армейскихъ корпусовъ. Въ то же время предыдущій опытъ войны неопровержимо доказалъ, что боеспособность новыхъ формированій находилась въ полномъ соотвѣтствіи съ приданнымъ имъ количествомъ полевой и тяжелой артиллеріи. Въ то время, какъ генеральная репетиція, произведенная въ 1916 г., доказала свою успѣшность, было предусмотрѣно, что рѣшительное наступленіе въ 1917 г. потребуетъ значительнаго количества тяжелой артиллеріи, полученіе коей Россія могла имѣть только отъ союзниковъ.

Въ важномъ засѣданіи 29 декабря 1916 г., на которомъ присуствовали всѣ главнокомандующіе русскими арміями, генералъ Гурко, начальникъ Императорскаго Россійскаго Генеральнаго Штаба, сказалъ:

„Необходимо ускорить формированіе новыхъ артиллерійскихъ бригадъ и отдѣльныхъ артиллерійскихъ баталіоновъ полевой и маршевой артиллеріи... Однако, главное увеличеніе нашего артиллерійскаго состава для будущихъ операцій должно заключаться въ тяжелой артиллеріи 6—8—10—11 и 12 дюймовъ, которые мы ждали получить отъ нашихъ союзниковъ. Ихъ прибытіе на фронтъ ожидается не ранѣе мая, что является другой серіозной прчиной того, что наши главныя активныя дѣйствія не должны начаться раньше конца мая (1917).“

Въ данномъ случаѣ необходимо ознакомиться съ деталями предположеннаго побѣдоноснаго наступленія. Достаточно упомянуть, что въ случаѣ выполненія этого плана австро-германскимъ арміямъ на Восточномъ фронтѣ пришлось бы столкнуться съ русской

силой, состоящей изъ 7 милліоновъ штыковъ. Одно давленіе этой колоссальной арміи, пріуроченное къ единовременному наступленію на Западномъ фронтѣ, заставило бы капитулировать Германію и привести къ окончательной побѣдѣ не позже сентября 1917 года.

Въ „Войнѣ и Мирѣ“ графъ Толстой правильно замѣчаетъ, что война никогда не развивается въ соотвѣтствіи съ тѣми планами, которые вырабатываются военными авторитетами. Таинственные законы руководятъ теченіемъ историческихъ событій и стратегія-не болѣе, какъ одно изъ звеньевъ въ цѣпи причинъ и послѣдствій, которыя приводятъ къ тому или иному концу всѣ великія войны.

Первыя сѣмена будущей революціи были посѣяны на русской землѣ въ началѣ 1916 г., наканунѣ побѣдоноснаго наступленія русскихъ армій въ Галиціи. Впервые послѣ начала войны на фронтѣ были замѣчены революціонные памфлеты.

Въ общихъ чертахъ, пропаганда была примитивна. Невидимыя разрушительныя бациллы заключали въ себѣ зарожденіе подозрѣнія въ умахъ солдатъ въ отношеніи искренности Императорскаго Россійскаго Правительства въ доведеніи войны до побѣднаго конца. Темные слухи распространялись кругомъ о зловѣщемъ вліяніи Распутина, о его, яко-бы, близкихъ сношеніяхъ съ Царицею, о слабоволіи Царя и болѣзненности Цесаревича. Время отъ времени появлялись прокламаціи, какъ на фронтѣ, такъ и въ запасныхъ частяхъ, которыя внушали солдатскому уму ужасную мысль о томъ, что въ то время, какъ онъ воевалъ съ внѣшнимъ врагомъ — дворянство — въ его отсутствіе могло воспользоваться и отнять отъ него его землю. Это были только намеки, ибо въ первичномъ фазисѣ пропаганды не было ничего опредѣленнаго. Однако, они несли съ собой ядъ,

который постепенно проникалъ въ мозгъ русскаго воина и западалъ въ его душу.

Мало-по-малу пропаганда приняла болѣе агрессивный тонъ. Начали безпрерывно распространяться различные доводы противъ войны. Солдатъ понуждали не слушать офицеровъ, т. е. нарушить воинскую дисциплину. „Сознательные нарушители“ въ многочисленныхъ летучкахъ, распространяемыхъ среди солдатъ, особенно въ тылу, восхвалялись. Появились сужденія о томъ, что Центральныя Державы не были враждебны интересамъ Россіи, и что у русскаго народа былъ только одинъ врагъ, а именно — Императорское Россійское Правительство, поддерживаемое буржуазіей и русскимъ дворянствомъ.

Чья тоневидимая рука сѣяла раздоръ среди націи, доселѣ столь сплоченной. Европейское, Американское общественное мнѣніе было всегда склонно утверждать, что антимилитаристическая и революціонная пропаганда въ Россіи являлась дѣлами рукъ Центральныхъ Державъ. Это предположеніе оправдывалось, однако, только до извѣстной степени. Императорское германское правительство, само собой разумѣется, сдѣлало все, что было въ его силахъ для того, чтобы ослабить подъемъ духа русской арміи. Это правда, что часть революціонной литературы, которая распространялась въ Россіи до и послѣ мартовской революціи 1917 г., была сфабрикована и вывезена изъ Германіи. Не можетъ быть также отрицаемо, что Центральныя Державы направляли черезъ Швецію въ Россію извѣстное число проффессіональныхъ революціонеровъ. Въ этомъ отношеніи собственное признаніе генерала Людендорфа весьма знаменательно. Въ его мемуарахъ мы читаемъ: *„Отправляя Ленина въ Россію, наше правительство, помимо всего, взяло на себя большую отвѣтственность. Съ военной точки зрѣнія его путешествіе могло быть оправдано, ибо Россія должна*

была быть побѣждена. Однако, наше правительство должно было подумать, чтобы мы при ея паденіи не потянулось бы за нею. Событія въ Россіи не даютъ мнѣ повода вполнѣ ими удовлетвориться. Правда, они значительно облегчили военное положеніе, однако, элементы величайшей опасности все-таки остаются.“*

Въ настоящее время перестало быть секретомъ то, что помимо Ленина другіе профессіональные агитаторы были „ввезены“ императорскимъ германскимъ правительствомъ въ Стокгольмъ и Гельсингфорсъ съ намѣреніемъ сдѣлать окончательныя приготовленія для успѣшнаго проведенія въ жизнь революціонной пропаганды въ Россійской Имперіи.

Княгиня Радзивиллъ въ своей книгѣ „Большевистскій Пожаръ“ отмѣчаетъ этотъ фактъ. Она указываетъ, что въ концѣ 1916 г. на территоріи Швеціи, между прочимъ въ городѣ Мальмо, близъ Датской границы состоялось нѣсколько засѣданій, на коихъ присутствовали г. Штейнваксъ, одинъ изъ самыхъ способныхъ германскихъ охранныхъ агентовъ и конспиративная группа русскихъ евреевъ.

„Среди нихъ“, разсказываетъ кн. Радзивиллъ, „былъ нѣкто, именующій себя Каменевъ, чье имя впослѣдствіи значилось среди подписей подъ Брестъ-Литовскимъ договоромъ и который представился, какъ интимный другъ какъ Ленина, такъ и Троцкаго. Этотъ Каменевъ былъ другимъ отталкивающимъ евреемъ, несомнѣнно, однако, являющимся очень способной личностью, единственнымъ принципомъ коего было собственное обогащеніе любою цѣною и въ кратчайшее время. Онъ горѣлъ желаніемъ скорѣе осуществить мечту, ибо онъ зналъ, что непредвидѣнный переворотъ лишитъ его возможности посягнуть на русскую

* „Собственная Исторія Людендорфа“ т. II стр. 126 и 127 Гарперъ и бр. Нью-Іоркъ 1919 годъ.

казну. Капитанъ Рустенбергъ послѣ слышалъ, когда дѣло дошло до дѣлежа тѣхъ милліоновъ, которые Германія заплатила большевикамъ за измѣну Россіи, Каменевъ былъ тѣмъ лицомъ, которое получило львиную долю*."

Съ другой стороны Центральныя Державы старались деморализировать не только русскую, но также французскую и англійскую арміи. Попытка „Боло-Паша" заключала въ себѣ германскій методъ пропаганды въ Западной Европѣ, въ которомъ „пораженчество" было умно распространяемо и укрѣпляемо. Такимъ образомъ, нельзя отрицать, что Германія много постаралась въ развитіи революціонной пропаганды какъ въ Западной Европѣ, такъ и въ Россіи. Однако, въ этой работѣ Германія не была одинока на революціонномъ поприщѣ.

Лѣтомъ 1916 г. русскимъ Генеральнымъ Штабомъ было получено изъ Нью-Іорка отъ одного изъ его агентовъ секретный рапортъ. Этотъ рапортъ, дотированный 15 февраля 1916 года, въ части своей заключаетъ слѣдующее.

„Русская революціонная партія въ Америкѣ начала, очевидно, свою дѣятельность. Какъ слѣдствіе таковой ожидаются важные результаты ея развитія. Первое секретное собраніе, которое намѣтило начало новой эры террористическихъ актовъ, имѣло мѣсто въ понедѣльникъ вечеромъ 14 февраля 1916 г. въ Восточной

* Кн. Екатерина Радзивиллъ „Большевистскій Пожаръ" ст. 203 и 204 Бостонъ Масачусецъ 1919 г. Каменевъ, чье настоящее имя Розенфельдъ, является однимъ изъ замѣчательныхъ совѣтскихъ дѣятелей. Онъ замѣщалъ Красина какъ представитель большев, делегаціи въ Великобританіи, которая была уполномочена вести переговоры по возобновленію торговыхъ сношеній между Англіей и совѣтской Россіей, Розенфельдъ-Каменевъ, говорятъ, состоитъ шуриномъ Троцкаго (Бронштейна).

Части Нью-Іоркъ Сити. На немъ присутствовало 62 делегата, изъ числа коихъ 50 были ветеранами революціи 1905 года, остальные были вновь принятыми. Среди делегатовъ большинство были евреи, значительное количество которыхъ принадлежало къ интеллигентному классу, какъ-то: доктора, журналисты и т. п., однако, и нѣсколько профессіональныхъ революціонеровъ... На этомъ первомъ митингѣ почти всѣ обсужденія были посвящены изысканію путей и средствъ для организаціи полной революціи въ Россіи, въ виду того, что находили моментъ чрезвычайно подходящимъ. Было упомянуто, что только что прибыли секретныя свѣдѣнія изъ Россіи отъ партіи, указывающія, что моментъ весьма благопріятенъ, по окончаніи всѣхъ приготовленій, для взрыва революціи. Единственной серіозной задачей являлась финансовая сторона; однако, какъ только объ этомъ поднимался въ собраніи разговоръ, кто-нибудь изъ членовъ немедленно успокаивалъ, указывая, что совершенно достаточныя средства будутъ даны лицами, сочувствующими народному освобожденію въ Россіи. Въ связи съ этимъ постоянно упоминалось имя Якова Шиффа."

Въ рапортѣ далѣе было добавлено:

„Душою новаго революціоннаго движенія является германскій посолъ въ Вашингтонѣ, графъ Бернсторфъ. Докторъ Альбертъ — финансовый агентъ при германскомъ посольствѣ въ Вашингтонѣ — состоитъ руководителемъ этого революціоннаго движенія, такъ же точно, какъ онъ былъ имъ въ революціи, имѣвшей мѣсто въ Мексикѣ. Въ его работѣ ему помогаетъ первый секретарь германскаго посольства."

Полная исторія участія Императорскаго Германскаго Правительства совмѣстно съ интернаціональнымъ комитетомъ въ разрушеніи Россійской Имперіи еще не написана. Много времени нужно употребить

для раскрытія и распутыванія всѣхъ отношеній между этими двумя силами, искавшими, совмѣстно способы раздавить Русскаго Колосса, столѣтіями стоявшаго на стражѣ защиты, охраняя развитіе западной культуры отъ разрушительныхъ попытокъ, исходящихъ изъ глубины Азіи.

Не случайнымъ совпаденіемъ также является знаменательная встрѣча въ Стокгольмѣ въ 1916 г. бывшаго русскаго министра внутреннихъ дѣлъ Протопопова съ агентами Германіи, изъ коихъ представителемъ германскаго министерства иностранныхъ дѣлъ являлся г. Варбургъ, два брата коего состоятъ членами международнаго банкирскаго дома Кунъ Лебъ и К., старшимъ членомъ котораго состоитъ вышеупомянутый Яковъ Шиффъ. Не является также совпаденіемъ, что и въ дальнѣйшихъ этапахъ русской революціи мывсе находимъ усиленную работу международнаго капитала въ его стремленіи уничтожить послѣднюю сопротивляемость Россіи противъ атакъ, на нее ведомыхъ со стороны „Тройственнаго Союза“, т. е. Центральныхъ Державъ, революціоннаго интернаціонала и самого интернаціональнаго капитала.

И дѣйствительно, это было болѣе, чѣмъ германскій заговоръ, это былъ — міровой заговоръ сперва противъ Россіи, а въ дальнѣйшемъ противъ христіанской цивилизаціи въ широкомъ смыслѣ слова. Нижеслѣдующіе два документа особенно оттѣняютъ существо этого зловѣщаго предпріятія:

I.

„Копенгаагенъ 18-го іюня 1917 года.

Господину Руфнеру. Гельсингфорсъ.

Милостивый Государь.

Настоящимъ предупреждаемъ Васъ, что со счета Дисконто-Гезельшафтъ переведено по при-

казу Синдиката на счетъ г. Ленина въ Кронштадтъ 315000 марокъ. Просимъ полученіе подтвердить: Ниландвей 98 Копенгаагенъ.

В. Ганзенъ и К. — Свенсенъ."

II.

„Стокгольмъ 21 сентября 1917 г.

Господину Рафаель Сколанъ, Гапаранда.

Дорогой товарищъ. Контора банкирскаго дома М. Варбургъ, вслѣдствіе телеграммы отъ предсѣдателя Рейнско-Вестфальскаго Синдиката, открыла текущій счетъ для предпріятія товарища Троцкаго. Довѣренный закупилъ оружіе и организовалъ его отправку и сдачу въ Лулео и Варде на имя конторы Эссенъ и Сынъ въ Лудео, получатели и лицо, уполномоченное получать деньги по указанію товарища Троцкаго.

I. Фюрстенбергъ*."

Должно упомянуть, что Фюрстенбергъ, носившій также имя Ганецкаго, вмѣстѣ со своимъ еврейскимъ другомъ Радекомъ, т. е. Собельсономъ, позднѣе сталъ виднымъ членомъ совѣтскаго правительства. Въ мартѣ 1917 г. Фюрстенбергъ принялъ живѣйшее участіе въ пропагандѣ пораженчества въ Россіи, а также черезъ его посредство Россіи была авансирована та часть денегъ, которая была предназначена германо-австрійскими банкирами для главарей по разрушенію цивилизаціи. Вышеприведенные документы доказываютъ намъ участіе международныхъ банковыхъ организацій

* „Германо-большевистскій заговоръ" издано Комитетомъ Публичной Информаціи Вашингтонъ, Д. Ц. стр. 27 октябрь 1918 г. Вышеприведенные документы не были никогда опровергнуты ни Дисконто-Гезельшафтъ, ни Рейнско-Вестфальскимъ Синдикатомъ.

въ „предпріятіи товарища Троцкаго“. „Дисконто Гезельшафтъ“, „Рейнско-Вестфальскій Синдикатъ“, международный банкирскій домъ Варбурговъ, многочисленныя вспомогательныя отдѣленія въ Скандинавіи, какъ наприм., „Новый банкъ“ (Nya Banken) всѣ они въ гармоничномъ согласіи работали съ красными предводителями всемірной революціи. Это былъ „великій союзъ“, цѣлью котораго являлось совершенное разрушеніе, если возможно, уничтоженіе „Святой Руси“, краеугольнаго камня европейскаго христіанскаго міра.

Только теперь, послѣ ужасныхъ событій послѣднихъ трехъ лѣтъ, стало возможнымъ вполнѣ оцѣнить ту правильную информацію, которую въ своемъ секретномъ докладѣ Государю Николаю II, помѣченномъ 3 января 1906 года, представилъ бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Ламсдорфъ по поводу интернаціональнаго характера перваго взрыва революціи въ Россіи въ 1905 году.

Нѣкоторыя выдержки изъ его доклада настолько поразительны, что мы считаемъ необходимымъ привести ихъ полностью: „Событія, которыя разразились въ Россіи въ теченіе 1905 г. и которыя обострились въ началѣ послѣдняго октября, когда, послѣ цѣлаго ряда забастовокъ, они привели къ вооруженному выступленію въ Москвѣ, а также въ другихъ городахъ и мѣстностяхъ Имперіи, совершенно очевидно указываютъ, что революціонное движеніе въ Россіи помимо своихъ болѣе широкихъ, внутреннихъ соціально-экономическихъ и политическихъ причинъ носитъ опредѣленно интернаціональный обликъ . . . Самыми рѣшительными указаніями, подтверждающими этотъ выводъ, являются тѣ факты, что русскіе революціонеры имѣютъ въ своемъ распоряженіи большое количество оружія, которое ввезено изъ-за границы, а также денежныхъ средствъ, потому что нѣтъ ника-

кого сомнѣнія въ томъ, что вожаки революціи уже истратили на наше противуправительственное движеніе, включая сюда организацію всякаго рода забастовокъ, значительныя суммы. Въ виду этого должно быть указанно, что поддержка, оказанная революціонному движенію путемъ присылки оружія и денегъ изъ заграницы, едва ли можетъ быть приписана иностраннымъ державамъ (съ особымъ исключеніемъ, какъ напримѣръ, Швеціи, поддерживавшей революціонное движеніе въ Финляндіи, и Австріи, которая помогала полякамъ), что заставляетъ прійти къ заключенію, что существуютъ *иностранныя финансовыя организаціи,* которыя заинтересованы въ поддержкѣ нашего революціоннаго движенія. Исходя изъ вышеприведеннаго вывода — должно его сопоставить съ явно выраженнымъ характеромъ движенія, заключающагося въ томъ, что всѣ иноплеменныя народности Россіи — армяне, грузины, латыши и эстонцы, финны, поляки и др., одна за другой возстали противъ Императорскаго Правительства... Если ко всему этому добавить, что доказано, и при томъ безъ всякаго въ этомъ сомнѣнія, что существеннѣйшую роль среди этихъ иноплеменныхъ играютъ евреи, которые персонально, какъ вожаки въ другихъ организаціяхъ, а также черезъ свои собственныя организаціи (Еврейскій Бундъ въ западныхъ губерніяхъ) всегда выдвигаются, и, притомъ, какъ самый воинствующій элементъ революціи, мы можемъ взять на себя смѣлость утверждать, что вышеуказанная иностранная поддержка революціонному движенію въ Россіи исходитъ изъ еврейскихъ финансовыхъ круговъ. Въ этомъ отношеніи не слѣдуетъ забывть послѣдующей согласованности въ фактахъ, которая приводитъ къ дальнѣйшимъ выводамъ, а именно, что революціонное движеніе не только *поддерживается,* но и направляется до извѣстной степени изъ-за границы. Съ

одной стороны, забастовка разразилась съ особенною силою и распространилась по всей Россій, ни ранѣе, ни послѣ октября, т. е. именно въ то время, когда наше правительство было озабочено реализаціей значительнаго иностраннаго займа, въ которомъ принимали участіе Ротшильды, какъ разъ во время, дабы затормозить осуществленіе этой финансовой операціи; паника, которая была вызвана у покупателей и держателей Россійскаго Займа, не могла не дать добавочные барыши еврейскимъ банкирамъ и капиталистамъ, которые открыто и сознательно спекулировали на паденіи русской валюты... Болѣе того, очень характерные факты, которые были отмѣчены также въ прессѣ, совершенно убѣждаютъ въ очевидной связи революціоннаго движенія въ Россіи съ иностранными еврейскими организаціями. Такъ, напримѣръ, вышеуказанный ввозъ оружія, который, согласно указаніямъ нашихъ агентовъ, былъ сдѣланъ изъ Европы черезъ Англію, должнымъ образомъ останавливаетъ на себѣ вниманіе, если мы примемъ во вниманіе, что уже въ іюнѣ 1905 г. въ Англіи совершенно открыто соорганизовался англо-еврейскій комитетъ для сбора денегъ съ цѣлью вооруженія боевыхъ дружинъ изъ русскихъ евреевъ и что хорошо извѣстный руссофобскій пуолицистъ Люсьенъ Вольфъ былъ предсѣдателемъ этого комитета. Съ другой стороны, въ виду того, что печальныя послѣдствія революціонной пропаганды затронули самихъ евреевъ, въ Англіи соорганизовался другой комитетъ изъ еврейскихъ капиталистовъ, возглавленный лордомъ Ротшильдомъ, который собралъ значительное количество средствъ изъ сборовъ въ Англіи, Франціи и Германіи для официально назначенной цѣли — помощи русскимъ евреямъ, пострадавшимъ отъ погромовъ. Наконецъ, евреи въ Америкѣ, не считая нужнымъ формально раздѣлить обѣ вышеуказанныхъ цѣли,

собираютъ деньги и для пострадавшихъ отъ погромовъ и для вооруженія еврейской молодежи*."

Согласно даннымъ Лондонской „Еврейской Хроники", сборъ денегъ интернаціональнаго еврейства на революціонное дѣло въ Россіи въ 1905 году достигъ суммы 874.341 ф. ст.**.

Нечего удивляться тому, что г. Джоржъ фонъ-Ленгерке Мейеръ, бывшій посланникомъ Соединеныхъ Штатовъ въ Россіи во время Русско-Японской войны въ оффиціальномъ письмѣ къ г. Елиху Руту, являвшемуся въ то время Государственнымъ Секретаремъ, отъ 30 декабря 1905 г. указываетъ:

„Безъ сомнѣнія, евреи въ значительной степени внесли ума и энергіи въ революцію по всей Россіи***."

Тѣмъ не менѣе революціонный заговоръ въ 1905 г. провалился. Успѣхъ его осуществленія въ 1917 г. обязанъ не только тому, что были вложены значительно большія суммы для его проведенія въ жизнь, не только потому, что усилія распропагандировать и развратить русскую толпу были умѣло направляемы германскимъ главнымъ командованіемъ; — но главнымъ образомъ, благодаря общей экономической разрухѣ, которая явилась слѣдствіемъ нестерпимой тяготы міровой войны. Въ 1917 г. „Тройственный Союзъ" воспользовался благопріятствовавшимъ его цѣлямъ факторомъ, не имѣвшимъ мѣста въ 1905 г., а именно: *національною истеричностью*, которая доминировала среди русскаго народа. Напря-

* Полный текстъ доклада былъ напечатанъ въ „Американскій Іудей" и „Еврейскій Мэссенжеръ" въ выпускѣ 13 іюля 1918 г.

** См. А. Селяниновъ „Тайная сила массонства" стр. 261 С.-Петербургъ 1911 г.

*** „Джорджъ фонъ Ленгерке Мейеръ, его Жизнь и Общественная Дѣятельность" Маркъ Антоній де-Вольфъ Хоовъ. Стр. 239 Доддъ, Мыйдъ и К. Нью-Іоркъ. 1920 г.

женіе было черезъ-чуръ велико, почти невыносимо. Нація въ ея цѣломъ была лишена равновѣсія. Война нанесла тяжелый ударъ, произведшій внезапный сдвигъ народной морали. Волевые центры находились въ состояніи паралича. Механическія перемѣщенія народныхъ массъ, вызванныя безпрерывными колебаніями фронта, перевернули и перемѣшали условія жизненнаго обихода, чуть ли, не одной трети всего народонаселенія Россіи. Механическія причины привели къ психологическимъ слѣдствіямъ. Матеріальный безпорядокъ, нарушенное нравственное равновѣсіе, безпредѣльное горе, моральная неудовлетворенность — всѣ эти факторы вмѣстѣ подготовили благодарную почву зловѣщей работѣ тройственнаго заговора. Нельзя также отрицать того, что недостаточная способность правительственнаго аппарата устранять терніи съ пути народнаго значительно углубляла общій кризисъ. Колейдоскопическія смѣны министровъ стали угрожающими; она стала показателемъ тяжкаго недуга распада, который постепенно овладѣвалъ правительствомъ. Въ существѣ же военные виды были весьма благопріятны для Россіи, не смотря на то, что пораженіе Румыніи стало серьезнымъ факторомъ въ комбинаціи Антанты. Не смотря на непротивленіе примирительной пропаганды, состоаніе боевыхъ частей было совершенно удовлетворительно. Въ концѣ концовъ, такъ называемая германская интрига въ средѣ придворныхъ круговъ была черезъ-чуръ ограничена въ своемъ вліяніи, дабы привести Россію къ сепаратному миру съ Центральными Державами*.

* Обвиненіе Россійскаго Императорскаго Дома въ томъ, что онъ виновенъ въ подчиненіи германскому вліянію, было возведено Временнымъ Правительствомъ въ 1917 году. Въ связи съ этимъ во Франціи былъ опубликованъ весьма поучительный докладъ по дѣлу слѣдствія слѣдственной комиссіей подъ заглавіемъ: „Правда о русской Царской Семьѣ и тем-

Указанные переговоры между Протопоповымъ и Варбургомъ въ дѣйствительности имѣли мало значенія на военное положеніе. Армія была въ рѣшимости довести войну до побѣднаго конца. Болѣе того, возвышенныя стремленія Императора Николая II служить интересамъ Россіи, которые въ то время были неразрывно связаны съ интересами Антанты, — было внѣ всякихъ подозрѣній, не только у русскаго народа, но и у союзниковъ. Тѣмъ не менѣе союзныя державы начали отшатываться отъ Россіи задолго до того, какъ Россія начала дѣлать то же самое по отношенію къ нимъ. Финансовыя затрудненія Россіи были чрезвычайно тяжки. Съ самаго начала войны между Россіей и Великобританіей произошло соглашеніе, по которому послѣдняя должна была оказывать финансовую помощь во всѣхъ расходахъ Россіи, связанныхъ съ войной. Тѣмъ не менѣе, уже въ 1916 г. Англія стала странно воздержана въ своихъ дальнѣйшихъ затратахъ, предназначенныхъ для Россіи. Трагическая и таинственная смерть лорда Китченера, одной изъ благороднѣйшихъ личностей во время міровой войны, оказалась трагичной не только для Англіи, но и для Россіи. Предположенная миссія лорда Китченера въ Россію имѣла главной цѣлью установить болѣе тѣсныя сношенія и духъ дружественности между обѣими Имперіями. Предполагалось также, что лордъ Китченеръ рѣшительно положитъ конецъ двухсмысленной политикѣ сера Джорджа Бьюкенена, посла

ныхъ силахъ." Парижъ изданіе Е. Широнъ 1920 г. Этотъ документъ приведенъ В. М. Рудневымъ, провинціалнымъ адвокатомъ, принимавшимъ участіе въ слѣдственной комиссіи по назначенію Временнымъ Правительствомъ. Слѣдствіе дало неопровержимое доказательство ложности большинства слуховъ, распространяемыхъ о Царской Семьѣ и нѣкоторыхъ отвѣтственныхъ русскихъ должностныхъ лицахъ въ дѣлѣ германской интриги.

Великобританіи въ Россіи. Было совершенно ясно, что Британской имперіи не подобало вмѣшиваться и принимать участіе во внутреннихъ политическихъ дѣлахъ Россіи. Независимо отъ того, питали ли руководящіе государственные дѣятели Англіи симпатію къ старому режиму въ Россіи, или нѣтъ, — было непростительно имъ поддерживать радикальные элементы Государственной Думы, что явно клонило къ расколу господствовавшаго въ Россіи политическаго единенія. Заигрываніе Британскаго посольства съ кадетами, особенно съ Милюковымъ, оффиціально признаннымъ лидеромъ оппозиціи, было одинаково какъ близорукой, такъ и измѣннической игрой по отношенію къ Россіи.

Въ Петроградѣ надѣялись, что непосредственное общеніе лорда Китченера съ Императоромъ парализуетъ эту интригу и дастъ русскому правительству ту необходимую моральную поддержку, въ коей оно такъ усиленно нуждалось.

Однако, лордъ Китченеръ нашелъ смерть у береговъ Шотландіи, въ тотъ моментъ, когда онъ выѣхалъ въ Россію. Это событіе породило печальныя послѣдствія въ отношеніяхъ между Англіей и Россіей.

Съ большимъ трудомъ было завершено Англо-Русское соглашеніе отъ 15 іюля 1916 г. Этотъ договоръ предусматривалъ дальнѣйшую финансовую помощь Россіи со стороны Англіи, главнымъ образомъ по отношенію къ тѣмъ грандіознымъ военнымъ заказамъ которые были сдѣланы Россійскимъ Императорскимъ Правительствомъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ дѣйствительности, однако, новое соглашеніе устанавливало не много помощи Россіи. Для тѣхъ, кто внимательно и близко наблюдалъ дипломатическія сношенія между обѣими союзными державами, было очевиднымъ, что Великобританія выискивала возможные пути, всякимъ способомъ, уравнять шансы въ

приготовленіяхъ Россіи къ побѣдоносному наступленію въ 1917 г. Миссія лорда Мильнера, имѣвшая мѣсто непосредственно передъ началомъ революціи, ничего не выполнила. Вмѣсто того, чтобы укрѣпить положеніе русскаго правительства, она скорѣе ослабила его. Не смотря на то, что лордъ Бальфуръ въ Палатѣ Общинъ на запросъ г. Диллона заявилъ, что: „Лордъ Мильнеръ во время своего недавняго посѣщенія Россіи не пытался вмѣшиваться, ни прямо, ни косвенно, во внутреннюю политику Россіи", однако, ходили настойчивые слухи, что вредоносная политика сера Джорджа Бьюкенена встрѣтила поддержку со стороны высокаго Британскаго посланца.

Одно несомнѣнно ясно: Британская миссія не только доказала свою неспособность сгладить шероховатости въ отношеніяхъ между Петроградомъ и Лондономъ, но даже не ознакомилась въ должной степени съ матеріальными нуждами русской арміи и слѣдовательно британская казна имѣла дѣло съ двумя оцѣнками въ требованіяхъ, съ одной — исходящей отъ русскаго главнаго командованія, и съ другой — отъ комиссіи лорда Мильнера. Послѣдняя носила въ своихъ заключеніяхъ всѣ признаки подозрѣнія и недовѣрія къ рѣшимости Императорской Россіи довести войну до побѣднаго конца. Британское казначейство использовало докладъ лорда Мильнера, какъ удобный предлогъ урѣзывать смѣты предназначеннаго для Россіи снабженія, въ то время, какъ британское адмиралтейство часто отказывалось назначать достаточный тоннажъ для его транспорта. Иногда тренія между обоими правительствами столь обострялись, что, казалось, нѣтъ основанія для совмѣстнаго сотрудничества въ дальнѣйшемъ. Подъ вліяніемъ революціонной болтовни и неосновательныхъ слуховъ о германофильской наклонности Императорскаго Правительства, британскіе руководящіе политическіе круги отвернулись

отъ Россіи, той Россіи, которая была всецѣло вѣрна Англіи и которая на своихъ плечахъ вынесла главныя тяготы міровой войны. Возможно, что послѣ двухъ лѣтъ вынужденной дружбы съ Россіей, Англія начала полагать, что вновь настало для нея время возстановленія старыхъ дипломатическихъ традицій Пальмерстона и Дизраели, которыя всегда старались представить передъ глазами британской публики русскую проблемму, какъ угрозу британскимъ владѣніямъ на Востокѣ. Можетъ быть Англія уже съ 1916 г. начала лелѣять мечту, что міровая война могла бы быть направлена такими путями, которые бы оставили едва живыми, полумертвыми, какъ Германію, такъ и Россію, что въ свою очередь означало бы, что Великобританія одна останется побѣдительницей, всѣ же другія страны, какъ союзныя, такъ и враждебныя, сдѣлались бы жертвами всемірной катастрофы. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что расчетливая дипломатія Англіи уже въ то время начала работать надъ осуществленіемъ такихъ условій, при которыхъ Великобританія могла бы играть руководящую роль на будущей мирной конференціи, оставляя Францію, Италію и Россію безмолвными передъ всемогущей волей Британскаго Льва.

Тѣмъ или другимъ способомъ, сознательно или безсознательно, Англія способствовала своей моральной поддержкой дѣлу внутренняго разрыва Россіи, и ея двуличная, лицемѣрная роль по отношенію къ русскому Царскому Правительству дало громадный толчекъ къ нелойяльнымъ, дѣйствительно измѣнническимъ поступкамъ лидеровъ революціоннаго движенія Россіи.

Они рѣзко распались на два лагеря. Милюковъ, Винаверъ, Гучковъ и князь Львовъ — оффиціальные представители кадетской партій, съ Государственной Думой во главѣ. Предсѣдатель Думы Родзянко представлялъ изъ себя правое крыло Думской коалиціи

въ то время, какъ Керенскій являлся представителемъ лѣваго — служа связующимъ звеномъ между болѣе умѣренной группой революціонеровъ и антинаціональными, антисоціальными и явно разрушительными элементами соціалистической партіи. Тѣ, кто приняли тяжелую отвѣтственность въ организаціи переворота, въ эпоху народнаго бѣдствія, въ большинствѣ своемъ были люди мелкаго калибра, преданные нѣкоторымъ догматическимъ вѣрованіямъ въ несокрушимость парламентскаго строя и которые съ другой стороны не имѣли рѣшительно ничего общаго съ дѣйствительными вождѣленіями русскаго народа. Они были искренно убѣждены, что достаточно имъ получить министерскіе портфели, и всѣ сомнѣнія автоматически разрѣшатся: производство увеличится, транспортная система исправится на слѣдующій день, тысячи школъ будутъ открыты по всей странѣ и что для просвѣщеннаго русскаго народа не останется ничего другого, какъ спокойно двигаться къ урнамъ для того, чтобы въ парламентарномъ видѣ выражать свое довѣріе и преданность благословенной кадетской партіи. Должно памятовать, что конституціонные демократы были всегда въ нѣкоторомъ страхѣ передъ „угрозами слѣва“, но въ то же время они боялись „угрозъ справа“. Они сидѣли между двухъ стульевъ, стараясь вручить оливковую вѣтвь обоимъ крайнимъ крыльямъ; въ результатѣ ихъ ненавидѣли какъ радикальные, такъ и монархическіе элементы въ большей степени нежели какую-нибудь другую фракцію Думы. Нѣкоторые лидеры русской революціи были хорошіе профессора. пни могли поучать собранія часами по академическимъ ѣредметамъ, однако, они выказали глубокое невѣжество въ практическихъ методахъ государствовѣдѣнія. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ наприм., Милюковъ, были историками, въ совершенствѣ знавшими міровую хронологію, но чего они не знали вовсе, это былъ

духъ ихъ собственной національной исторіи. Въ своихъ анализахъ русскихъ историческихъ событій они всегда были склонны выговаривать кому-нибудь за его, яко бы, ошибочную политику, и они доходили до того, что почитали всю исторію Россіи глубокой исторической ошибкой. Нѣкоторые изъ нихъ были прекрасные адвокаты, однако, они пользовались своимъ знаніемъ права, главнымъ образомъ, для цѣлей его нарушенія и умаленія самаго представленія о русской законности. Большинство изъ нихъ были очень занимательными и неутомимыми говорунами, остроумными критиками стараго режима, но остроты ихъ не носили слѣдовъ мудрости. Они находили суть въ политической болтовнѣ, какъ таковой, въ то время, какъ не досмотрѣли того факта, что ораторская истерія, рѣшающимъ образомъ одна изъ самыхъ отвратительныхъ чертъ парламентскаго строя, какъ такового. Помимо всего они выказали недостатокъ храбрости, и никому не удалось сдѣлаться Дантономъ или даже Мирабо отъ русской революціи. Они прекрасно позировали въ своемъ революціонномъ пафосѣ подъ защитою стальныхъ штыковъ Императорскаго режима. Въ то время они выставляли себя крайними радикалами, восторженными поклонниками благодати революціонной бури, но чуть только раскаты ея приближались, они первые умоляли власть защитить ихъ имѣнія и „святую собственность."

Таковы были люди, которые взяли на себя задачу „протянуть Россію до конца", и съ нѣкоторыми изъ которыхъ союзники вели переговоры въ то время, какъ Брусиловскія пушки открывали путь потрясающему наступленію въ Галиціи.

ГЛАВА IV.

15-го марта 1917 г. Императоръ Николай II отрекся отъ Престола Россійскаго за Себя и за Сына Своего. Шесть дней спустя за № 371 былъ изданъ начальникомъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго генераломъ Алексѣевымъ нижеслѣдующій приказъ по арміи: „Императоръ Николай II, отрекшійся отъ Престола, прежде оставленія своего прифронтовой полосы, обратился къ войскамъ съ нижеслѣдующими прощальными словами:

„Въ послѣдній разъ обращаюсь Я къ вамъ, мои горячо любимыя войска. Послѣ отреченія за себя и за Сына моего отъ Престола Россійскаго, власть передана Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему.

Да поможетъ ему Богъ вести Россію по пути славы и благоденствія.

Да поможетъ Богъ вамъ, доблестныя войска, отстоять нашу Родину отъ злого врага. Въ продолженіе двухъ съ половиною лѣтъ вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сдѣлано усилій и уже близокъ часъ, когда Россія, связанная со своими доблестными союзниками однимъ общимъ

стремленіемъ къ побѣдѣ, сломитъ послѣднее усиліе противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной побѣды.

Кто думаетъ теперь о мирѣ, кто желаетъ его — тотъ измѣнникъ Отечеству, его предатель. Знаю, что каждый честный воинъ такъ мыслитъ. Исполняйте же вашъ долгъ, защищайте доблестную Родину нашу, повинуйтесь Временному Правительству, слушайтесь вашихъ начальниковъ.

Помните, что всякое ослабленіе порядка службы, — только на руку врагу. Твердо вѣрю, что не угасла въ вашихъ сердцахъ безпредѣльная любовь къ нашей Великой Родинѣ. Да благословитъ васъ Господь Богъ и да ведетъ васъ къ побѣдѣ Святой Великомученикъ и Побѣдоносецъ Георгій. Николай."

Характерно было для вновь испеченныхъ правителей то, что тотчасъ послѣ отданія этого приказа по арміи штабу главнокомандующаго первымъ министромъ временнаго правительства Гучковымъ была послана телеграмма, запрещающая распространеніе этого документа въ дѣйствующей арміи. Такимъ образомъ даже для нѣкоторыхъ командующихъ арміями самое существованіе ея осталось неизвѣстнымъ. Повидимому, новый режимъ боялся умершаго прошлаго, даже его тѣней. Старая эра завершилась. Едва ли въ исторіи новѣйшаго времени было событіе столь великаго значенія, какъ русская революція. Широкіе размѣры ея, масса людей, запутанныхъ въ нее, колоссальная механическая пертурбація, произведенная расчлененіемъ доселѣ стойкаго національнаго организма — одни являлись достаточными для нарушенія европейскаго равновѣсія. Кромѣ того, русская революція оказала особое психопатологическое вліяніе на весь остальной міръ, тѣмъ, что дала полную свободу всѣмъ разрушительнымъ разлагающимъ элементамъ. Въ дальнѣйшемъ нашемъ анализѣ мы часто будемъ возвра-

щаться къ этому странному соціальному явленію. Здѣсь же мы будемъ имѣть дѣло только съ двумя прямыми послѣдствіями, вытекшими изъ революціи, а именно: съ военнымъ кризисомъ и съ перемѣной общаго политическаго вида.

I. Военное значеніе.

Съ узко военной точки зрѣнія, русская революція, въ первую очередь наносила серіозный ударъ успѣшности германской блокады. Стратегическая политика Антанты до сихъ поръ заключалась въ томъ, чтобы окружить желѣзнымъ кольцомъ непрерывной блокады Центральныя Державы, цѣлью которой было совершенно отрѣзать центрально-европейскія воюющія силы отъ внѣшняго міра и тѣмъ не дать имъ возможности получать продукты питанія и сырые матеріалы, необходимые для производства вооруженія. Болѣе того, теорія блокады не ограничивалась однимъ экономическимъ давленіемъ, но была расчитана на подготовленіе возможно одновременнаго центростремительнаго союзнаго наступленія, вынудивъ такимъ образомъ центральныя Державы „распылить“ свои боевыя силы. Хотя блокада Германіи никогда не была полная, ибо была всегда возможность просачиваться по направленію къ Скандинавіи, тѣмъ не менѣе — въ общемъ — Британскому флоту удавалось оттирать германскій коммерческій флотъ отъ открытыхъ морей; съ другой стороны Западный фронтъ во Франціи и Фландріи, Южный на Балканахъ — совмѣстно съ группой Антанты, оперировавшей въ Дарданеллахъ и, наконецъ, Восточный фронтъ отъ Балтійскаго до Чернаго морей, все это вмѣстѣ являлось совершенно достаточнымъ для возможности крѣпко держать континентальную блокаду.

Послѣ революціи въ Россіи, положеніе рѣзко измѣнилось. Новѣйшія войны носятъ такого рода харак-

теръ, который требуетъ величайшаго напряженія, какъ политическаго, такъ и экономическаго аппаратовъ. Каждое усиліе, которое направляется не прямо для выигрыша войны, — уже вредоносно. Каждое движеніе, которое въ противорѣчіи цѣлямъ войны — родитъ бѣдствіе. При тепершнихъ условіяхъ невозможно вести успѣшныхъ военныхъ дѣйствій съ сильнымъ и Новѣйшая война, прежде всего, войнахорошо организованнымъ врагомъ, если народъ пораженъ внутреннимъ несогласіемъ военнаго снабженія. Армія, которая лучше снабжена легкой и тяжелой артиллеріей, имѣющая большее количество аэроплановъ и воздушныхъ машинъ для сбрасыванія бомбъ и вообще большинство техническаго снабженія, способна побѣдить. Однако, техническая подготовленность требуетъ непрерывнаго процесса производства и его распредѣленія на войнѣ. Экономическій механизмъ націй, ведущій войну, долженъ дѣйствовать точно. Колесо экономической машины должно двигаться плавно и въ полной гармоніи. Снабженіе армій на фронтѣ должно находиться въ соотвѣтствіи съ колебаніями военныхъ дѣйствій. только при такихъ условіяхъ національная сопротивляемость можетъ быть достаточною.

Если, однако, такая большая страна, какъ Россія, начинаетъ бунтовать, то немедленно вся экономическая техника начинаетъ трещать, послѣдствіемъ чего является то, что дѣйствующая армія остается предоставленной самой себѣ, а тонкій механизмъ контролированія армій, безнадежно терпитъ крушеніе. Паденіе военной дисциплины, только постепенный процессъ. Солдаты, которые мѣсяцами и годами воспитывались въ повиновеніи своимъ старшимъ и въ выполненіи ихъ приказаній, будутъ нѣкоторое время поддерживать дисциплину на основаніи закона инерціи, однако, дѣйствіе этого закона всегда ограничено.

Когда въ Россіи совершенно неожиданно началась

революція, вся нація бросила работу для обслуживанія войны и бросилась на грандіозное всеобщее митингованіе. Революція началась всеобщею забастовкою, которая, разъ начавшись никогда не прекращалась. Политическая болтовня замѣнила политическую работу, экономическая дезорганизація — экономическую организованность, пущенная пораженческая формула „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“ — военную подготовленность. Революціонное настроеніе оказало немедленно на войну такого рода дѣйствіе, что военное побѣдное наступленіе было отмѣнено. Съ другой же стороны, германцы, воспользовавшись нарушеннымъ спокойствіемъ въ Россіи, сразу начали снимать одну дивизію за другой съ Восточнаго фронта и перебрасывать ихъ на западъ, автоматически усиливая свое давленіе на Францію и Великобританію. Далѣе, когда послѣ двухъ или трехъ мѣсяцевъ яростной агитаціи на всемъ русскомъ фронтѣ, духъ дѣйствующей арміи былъ совершенно подорванъ, и братаніе съ врагомъ стало обыденнымъ явленіемъ, эффектъ отъ блокады Центральныхъ Державъ былъ значительно умаленъ. Нужно сознаться, что Германія не получила отъ Россіи всего того добра и сырыхъ матеріаловъ, которые позднѣе были обозначены въ Брестъ-Литовскомъ договорѣ и въ дополнительныхъ соглашеніяхъ. Тѣмъ не менѣе, на основаніи оффиціальныхъ цыфръ германскаго военнаго зерно-транспортнаго департамента, ввозъ изъ Украины только Германіи, Австро-Венгріи, Болгаріи и Турціи достигъ 113421 тоннъ пищевыхъ продуктовъ, каковое количество Центральными Державами было получено съ начала ноября 1917 г. включительно до заключенія мира. Въ добавленіекъ этому австрійская центральная закупочная компанія въ тотъ же періодъ времени закупила наюгѣ Россіи 172,349.556 килограммовъ различныхъ товаровъ, включая сюда скотъ и лошадей, имѣвшихъ приблизительную цѣн-

ность 450,000.000 австрійскихъ кронъ. И въ самомъ дѣлѣ, это было не только экономическое, но и военное преимущество, полученное Центральными Державами, какъ результатъ революціи въ Россіи. Если, въ концѣ концовъ, Гинденбургу не удалось побѣдить союзниковъ, то это случилось не вслѣдствіе небольшого значенія выхода Россіи изъ войны, но благодаря громадному военному значенію военнаго выступленія Америки.

Съ военной точки зрѣнія русская революція достигла еще другого многозначительнаго результата, который обыкновенно забывается. Въ то время, какъ первая фаза міровой войны постепенно привела къ центростремительной стратегической политикѣ союзниковъ, вторая — автоматически привела къ торжеству такъ называемой „теоріи Западнаго фронта", которая вылилась въ одно изъ самыхъ разрушительныхъ событій въ міровомъ конфликтѣ. Эта теорія, главнымъ образомъ, привела, вслѣдствіе выхода Россіи изъ войны, къ тому, что стало настоятельно необходимымъ сосредоточить всѣ усилія стратегіи Антанты исключительно на Западномъ фронтѣ. Задолго до того, какъ Россія фактически окончательно развалилась и пала подъ игомъ Ленина и Троцкаго, въ то время, когда она еще фактически оставалась союзною силою, политики Антанты вычеркнули Россію изъ своей памяти и отказались даже сдѣлать попытку укрѣпленія Восточнаго фронта, для завершенія молніеноснаго пораженія. Вступленіе Америки въ войну, безъ преднамѣреннаго умысла, повлекло за собой усиленіе торжества этой теоріи, горячими защитниками коей являлись, повидимому, какъ генералъ Першингъ, такъ и секретарь Бейкингъ. Въ дѣйствительности эта политика дала только мѣстное преимущество союзникамъ на Западномъ фронтѣ, въ конечномъ же результатѣ Германіи было нанесено лишь половинное пораженіе. Именно

это поставило Парижскую Мирную Конференцію передъ задачей разрѣшить неразрѣшимое.

Правда, что нѣкоторые изъ французскихъ военачальниковъ, включая сюда маршала Фоша, не были склонны къ тому, чтобы совершенно убрать Восточный фронтъ съ военнаго горизонта Антанты. Нѣкоторые изъ французскихъ публицистовъ, въ особенности Андрей Шерадамъ, чутьемъ чувствовали опасность теоріи Западнаго фронта. Къ сожалѣнію, однако, ихъ предупрежденія явились слишкомъ поздно (въ 1918 г.); кромѣ того, самая сущность этихъ предупрежденіи была черезъ-чуръ удалена отъ правильныхъ представленій о регулярномъ способѣ веденія войны, походя болѣе на любительскіе методы типа кондотьеровъ Мексиканскаго повстанничества. Къ числу этихъ предположеній принадлежитъ извѣстное предложеніе г. Шерадама снабдить славянство центральной Европы автоматическими пистолетами и перевести ихъ черезъ вражескія линіи на нѣсколькихъ тысячахъ аэропланахъ Антанты*.

Кромѣ того, во всѣхъ планахъ такого рода Россія неизмѣнно забывалась. Большія надежды возлагались на возможную революцію въ одной изъ славянскихъ областей, находившейся въ границахъ Габсбургской Имперіи; однако такія революціи, если бы онѣ и имѣли мѣсто, являлись черезъ-чуръ поздно и имѣли мало значенія для военнаго положенія.

Дипломатія Антанты была совершенно глуха ко всѣмъ взываніямъ русскихъ государственныхъ людей, появлявшихся время отъ времени въ связи съ нетерпящей отлагательства надобностью укрѣпленія Восточнаго фронта. Безошибочные признаки дезорганиза-

* Сравни статью г. Шерадама въ „Атлантическомъ Мѣсячникѣ“ „Западный фронтъ и политическая стратегія“ іюнь 1918 года.

зацій русскаго военнаго аппарата оставлялись западными политиками безъ вниманія, ибо они были ослѣплены ошибочнымъ представленіемъ того, что битвы за Западѣ приведутъ къ окончательному пораженію Германіи.

Русскіе военнопл[illegible]ные были очень откровенны въ своихъ публичныхъ заявленіяхъ о крайней серьезности военнаго положенія. Такъ Верховный Главнокомандующій русскими арміями, генералъ Корниловъ во время Всероссійскаго Національнаго Съѣзда въ Москвѣ въ августѣ 1917 г. заявилъ:

„Состояніе фронта таково, что мы, благодаря развалу арміи, потеряли цѣлую Галицію, всю Буковину и всѣ плоды нашихъ побѣдъ прошлыхъ и настоящаго годовъ. Врагъ во многихъ мѣстахъ уже переступилъ границы и уже угрожаетъ нашимъ самымъ плодороднымъ областямъ юга. Врагъ уже дѣлаетъ попытки покончить съ сопротивленіемъ румынской арміи и поставить Румынію въ положеніе быть отрѣзанной отъ нашей помощи. Врагъ стучится въ ворота Риги, и состояніе нашихъ армій лишаетъ насъ надежды удержать въ своихъ рукахъ побережье Рижскаго залива, открывая такимъ образомъ пути къ Петрограду.

Въ наслѣдство отъ стараго режима свободная Россія получила армію, организація коей имѣла значительные недостатки, однако, тѣмъ не менѣе, эта армія была стойка, отважна и готова къ самопожертвованію. Цѣлымъ рядомъ законодательныхъ мѣръ, изданныхъ послѣ революціи, не понимавшихъ духа арміи, эта армія была обращена въ дикую толпу, не щадящую ничего, кромѣ собственной жизни. Были моменты, когда отдѣльные полки выражали желаніе заключить миръ съ германцами, и были уже готовы возвратить врагу тѣ области, которыя были захвачены у непріятеля, и

возмѣстить имъ военные убытки изъ разсчета по 200 рублей за каждаго солдата*."

Союзники пренебрегали этими предостереженіями, Союзническая Интервенція, о коей столь часто упоминали, если бы когда-либо до этого дошло, должна была бы быть осуществлена тотчасъ послѣ мартовской революціи 1917 г., когда бы еще представлялось возможнымъ поддержать духъ русской арміи путемъ присылки на русскій фронтъ пяти или шести союзническихъ отборныхъ дивизій, вокругъ которыхъ вѣрныя русскія части смогли бы объединиться. Это не было сдѣлано. Вмѣсто этого Кабинеты союзниковъ отправляли одну за другой дипломатическія миссіи, при чемъ каждая „восхваляла" „удивительный революціонныхъ духъ" русскаго народа и заигрывала съ вожаками крайней лѣвой, льстя безотвѣтственной толпѣ. Французская миссія, возглавленная Альбертомъ Тома, оказала особенно зловѣщее вліяніе на ходъ политическихъ событій въ Россіи.

Когда большевики захватили власть, положеніе стало еще болѣе сложнымъ. Русскій фронтъ къ тому времени фактически растаялъ, и начались Брестъ-Литовскіе переговоры. Однако, даже въ началѣ 1918 г. не была исключена возможность спасти хотя бы часть Восточнаго фронта путемъ междусоюзнической интервенціи. Русскій народъ, какъ таковой, никогда не считался съ Брестъ-Литовскимъ договоромъ. Громадное большинство Россіи понимало постыдность сдѣлки, заключенной между Кайзеромъ и Троцкимъ. Поэтому междусоюзническая интервенція въ Россіи была все еще возможна, съ тѣмъ однако, чтобы она была проведена съ рѣшимостью открытой враждебности къ совѣтскому правительству. Но выжидательная поли-

* „Зарожденіе Русской Демократіи" стр. 447 и 448, Русское Информаціонное бюро. Нью-Іоркъ Сити 1918 годъ.

тика принца Гамлета была, повидимому, ключемъ и руководящимъ принципомъ всего поведенія Антанты по отношенію ко всей Россіи вообще и къ русскому военному положенію въ частности.

Къ тому времени все было сказано и всѣ объясненія даны союзнымъ правительствомъ касательно того, что изъ себя представляла большевистская власть. Европейское и американское общественное мнѣніе было отлично освѣдомлено о томъ, что совѣтскіе главари были куплены Германіей, что большинство изъ нихъ являлись не болѣе, какъ агентами Германіи, которые выполняли въ Россіи политическую программу, диктуемую изъ Берлина. Не было также недостатка въ освѣдомленіи въ отношеніи безсилія совѣтскаго режима установить національное правительство, и тѣмъ не менѣе союзники колебались между дѣйствіемъ и бездѣйствіемъ, между „быть или не быть."

Полные не домыслія эксперименты междусоюзныхъ интервенцій въ Сибири и въ раіонѣ Архангельска явились, безспорно, слишкомъ поздно. Кромѣ того, цѣль этихъ экспедицій не была ясна для тѣхъ, кто распорядился ихъ произвести. Никто не могъ понять задачу, которую должны были выполнить тѣ небольшія союзные отряды, которые были посланы въ Россію. Должны ли они были возстановить Восточный фронтъ? Или они предназначались для попытки бороться съ красной арміей? Было ли это намѣреніемъ союзниковъ принять участіе въ возстаніи русскаго народа противъ большевиковъ? Или же цѣль отправленія экспедиціонныхъ силъ заключалась въ поддержаніи порядка и гражданскаго мира въ Россіи? Можетъ быть междусоюзническое предпріятіе предполагало дискредитировать въ умахъ русскаго народа самую мысль о союзной помощи Россіи? Или же, наоборотъ, оно заключало въ себѣ серіозное желаніе

помочь русскимъ для разработки какой-нибудь національной политики въ противовѣсъ совѣтскому режиму? Эти, и подобные имъ вопросы не получили отъ Антанты ни опредѣленія, ни отвѣта на нихъ, и результатомъ такой туманной, невдумчивой, лицемѣрной и трусливой политики экспедиціонные эксперименты рушились одинъ за другимъ, не возоудивъ среди русскихъ ни симпатіи къ ихъ появленію, ни сожалѣнія къ неудачѣ, постигшей ихъ. Одно несомнѣнно, что союзная военная интервенція принесла больше вреда, чѣмъ пользы и ни въ какой степени не измѣнила общее военное положеніе. Да и по существу предпріятія она не могда возстановить Восточный фронтъ. Путанность въ цѣляхъ интервенціи союзныхъ группъ была столь велика, что въ то время, какъ японцы въ Сибири одно время оказывали адмиралу Колчаку, бывшему главѣ Омскаго правительства, активную военную помощь, части генерала Грейвсъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ активно поддерживали большевиковъ, соціалъ-революціонеровъ и другіе революціонные элементы, которые сражались съ Колчакомъ въ тылу.

Полковникъ Мидлсекскаго полка Джонъ Уордъ, находившійся для связи при союзныхъ частяхъ въ Сибири, далъ безстрастный отзывъ о губительной и руссофобской политикѣ, принятой въ экспедиціонной части Соединенныхъ Штатовъ подъ командой генерала Грейвсъ. Въ немъ мы знакомимся съ тѣмъ, что американскіе офицеры, которые были, очевидно, отправлены въ Сибирь для противодѣиствія безпорядку и поддержанія порядка, вмѣсто этого установили своего рода „entente cordiale“ съ красными частями, дѣйствовавшими въ тылу Омскихъ армій. Имъ было также указано, что онъ: „не могъ вѣрить тому, что Америка пришла въ Сибирь чтобы затруднить задачу адмирала Колчака“. Однако съ другой стороны было

мало поводовъ для оптимизма. „Шла общая молва“, заключаетъ полковникъ Уордъ, „что между командованіемъ красной арміи и генераломъ Грейвсомъ была... устроена встрѣча, не состоявшаяся вслѣдствіе того, что представитель Верховнаго Правителя на Дальнемъ Востокѣ лично объявилъ генералу Грейвсу, что предположенная имъ встрѣча съ врагами русскаго правительства будетъ почитаться, какъ враждебный актъ.“ Ничего также не было успокоительнаго въ томъ, что „изъ шестидесяти офицеровъ для связи и переводчиковъ въ американскомъ штабѣ болѣе пятидесяти были русскіе евреи, нѣкоторые изъ нихъ были высланы изъ Россіи за политическія и другія преступленія, теперь же возвратились, какъ американскіе подданные, имѣющіе возможность вліять на американскую политику въ направленіи, несвойственномъ американскому народу*.“

Было бы грубой несправедливостью свалить всю вину за пораженіе арміи адмирала Колчака и за измѣнническую смерть самого Колчака на дружественную большевикамъ политику экспедиціонныхъ силъ Соединенныхъ Штатовъ. Генералъ Жаненъ, высокій представитель Франціи въ Сибири, принявшіе главное командованіе надъ Чехо-словаками, болѣе, вѣроятно виноватъ, чѣмъ какой-либо другой представитель союзниковъ при Омскомъ правительствѣ, за позорный финалъ сибирской эпопеи. Забудетъ ли когда-нибудь русскій народъ, проститъ ли когда-либо поведеніе французскаго генерала, который послѣ даннаго адмиралу Колчаку честнаго слова, гарантировавшаго ему личную свободу и безопасность, предалъ его Иркутскимъ соціалъ-революціонерамъ, достойнымъ партнерамъ большевиковъ. Простятъ ли русскіе то, что, не-

* Полковникъ Джонъ Уордъ „Съ Безсмертными въ Сибири“ стр. 276 и 277 Дж. Х. Доренъ Компанія. Нью-Іоркъ 1920 г.

смотря на гарантію безопасности, которая была представлена знаменами пяти Великихъ Націй — Америки, Великобританіи, Франціи, Италіи и Японіи, онъ былъ хладнокровно убитъ революціонной толпой, чуть ли не подъ самыми ихъ знаменама. Это былъ, путь, который союзники избрали для укрѣпленія Восточнаго фронта. Суммируя всѣ данныя русской революціи въ отношеніи военнаго положенія, мы должны вспомнить слѣдующую выдержку изъ мемуаровъ барона Людендорфа:

„Въ Россіи, такъ же, какъ и у насъ, армія составляла часть націи и потому Армія и Нація являлись однимъ цѣлымъ. Сколь часто надѣялся я на взрывъ революціи, который бы облегчилъ нашу военную тяготу. Однако, мое желаніе было ни что иное, какъ воздушный замокъ. Теперь же она пришла совершенно неожиданно. Я испыталъ ощущеніе, какъ-будто бы тяжесть спала съ моей груди... Революція была серьезнымъ ударомъ для Антанты, въ виду того, что она несла съ собою обязательное уменьшеніе боевой способности Россіи, а съ этимъ значительно облегчала наше крайне затруднительное положеніе, въ которомъ мы находились. Для главнаго командованія прежде всего это выразилось въ сбереженіи войскъ и ихъ снабженія на Востокѣ, а также — въ смѣнѣ потрепанныхъ дивизій Западнаго фронта и замѣнѣ ихъ свѣжими частями съ Востока, что было выполнено въ широкомъ масштабѣ. Было дано распоряженіе начать пропаганду для организаціи широкаго движенія въ русской арміи въ пользу скорѣйшаго заключенія мира*.“

Кромѣ того, перенесеніе центра тяжести военнаго напряженія съ Восточнаго фронта на Западный выдвинуло теорію Западнаго фронта, что въ свою оче-

* „Собственная Исторія Людендорфа“ т. VII, стр. 13 и 14.

редь привело къ тому, что Россія была покинута союзниками какъ разъ въ то время, когда ихъ помощь могла бы спасти Россію и привести къ полному пораженію Центральныя державы.

II. Политическое значеніе.

Такимъ же образомъ, какъ генералъ Людендорфъ ощутилъ „что тяжесть спала съ его груди“, когда началась въ Россіи революція, — германскій народъ единодушно радовался по поводу этого событія, имѣвшаго великое политическое значеніе. 17 и 18 марта 1917 г. останутся надолго памятными днями въ сердцахъ германцевъ. Толпы народа запрудили улицы Берлина, шествуя съ національными флагами и съ патріотическими пѣснями въ честь великаго событія. Происходили внушительныя демонстраціи „Unter den Linden“ и передъ дворцомъ Кайзера. Нѣмцы поняли, что осуществилась ихъ старая мечта и что крушеніе Россіи наноситъ серьозный ударъ всѣмъ планамъ Антанты. На самомъ дѣлѣ, легко понять „урра“ германцевъ по поводу русской революціи, какъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что они апплодировали гибели Россіи.

Однако, едва ли объяснимо, что побудило радоваться по поводу происшедшей въ Россіи революціи союзниковъ, особенно ихъ оффиціальныхъ представителей.

Съ первыхъ же дней россійскаго бунта союзныя страны, главнымъ образомъ Англія и Соединенные Штаты, выразили странное возбужденіе, граничившее съ энтузіазмомъ, по поводу той трагедіи, которая постигла Россію. Еще не замерли отголоски послѣднихъ выстрѣловъ въ Петроградѣ, еще не погребли тысячи павшихъ жертвъ, когда оффиціальные ораторы Антанты начали извергать фонтаны рѣчей, возславляющихъ россійскую революцію и восхваляющихъ событіе,

которое означало собою развалъ одного изъ ихъ союзниковъ. Языки этихъ господъ неожиданно развязались и туманныя безсодержательныя фразы о торжествѣ свободы, благословеніи братства и побѣдѣ демократіи начали вдругъ бурно литься, какъ вздувшіеся отъ весенняго солнца горные потоки.

Теперь, послѣ тѣхъ полныхъ трагичности годовъ, которые испытала Россія, послѣ тѣхъ несказанныхъ страданій, которыя пережилъ русскій народъ, не лишне возстановить въ памяти нѣкоторыя выдержки изъ оффиціальныхъ и полуоффиціальныхъ обращеній, которыя были сдѣланы союзными странами тотчасъ же послѣ начала русской революціи.

Въ своемъ обращеніи, помѣченномъ 25 марта 1917 г., къ князю Львову-премьеръ-министру Временнаго Правительства, Ллойдъ Джорджъ говоритъ: „Свобода является условіемъ мира, и я не сомнѣваюсь, что установленіе стойкаго конституціоннаго правительства въ своихъ естественныхъ границахъ приведетъ къ тому, что русскій народъ напряжетъ всѣ свои усилія для того, чтобы добиться, чтобы тиранія на континентѣ Европы была совершенно раздавлена, и что свободные народы всѣхъ странъ смогли бы соединиться для того, чтобы укрѣпить для себя и для своего потомства олагословеніа братства и мира.“

На митингѣ въ честь русской революціи въ Залѣ Королевы въ Лондонѣ виконтъ Брійсъ въ своей рѣчи I-го апрѣла 1917 г. замѣтилъ: „Мы присутствуемъ при замѣчательномъ событіи, — событіи, которое которое можетъ быть однимъ изъ величайшихъ въ исторіи Европы. Мы собрались въ странѣ, которая потихоньку и исподволь пятисотлѣтнею борьбою заработала конституціонную свободу, для того чтобы послать привѣтствіе той странѣ, которая получила конституціонную свободу въ пять дней — закончила однимъ ударомъ тѣ мечты и пожеланія, которыя одно время ка-

зались неисполнимыми, но коимъ всегда симпатизировалъ британскій народъ."

Г. Асквитъ, восхваляя русскую революцію въ Палатѣ Общинъ 23-го марта 1917 г., воскликнулъ:

„Мы не должны забывать того, что однимъ изъ результатовъ, и при томъ величайшимъ изъ результатовъ этой войны должно явится то, что свободныя установленія окажутся въ состояніи пережить напоръ военнаго деспотизма и мы не можемъ не радоваться возможности осуществленія надежды, что въ концѣ міровой войны всѣ союзныя державы окажутся подъ водительствомъ правительствъ, представляющихъ свой народъ."

Интересно отмѣтить, что мистеръ Асквитъ былъ, по всей вѣроятности, въ числѣ первыхъ, которые первоначальныя ясныя опредѣленія цѣлей войны замѣнили тѣми туманными понятіями, которыя позднѣе были вложены въ формулу Вильсона.

Лордъ Шеффильдъ въ своей рѣчи въ пользу комитета защиты евреевъ на многолюдномъ собраніи, бывшемъ 25 марта 1917 г. въ Кампардоунъ Домѣ, Уайтчаппель Лондонъ, сказалъ нижеслѣдующее:

„Русской революціи не предстоитъ встрѣтиться съ тѣми опасностями, съ которыми столкнулась французская революція. Россія была объединена, какъ дома, такъ и въ войнѣ съ самыми либеральными теченіями Европы и ея эмансипація не останется безъ вліянія даже на тѣхъ нѣмцевъ, которые, именуясь соціалъ-демократами, покорно подчинились волѣ автократическаго милитаризма и феодальной олигархіи. *Россія, шедшая до сихъ поръ позади, какъ мы это полагали, можетъ служить теперь для насъ блестящимъ примѣромъ.*"

Лордъ Шеффильдъ описалъ также тѣ трагическія событія, которыя были имъ названы какъ „славныя вѣсти изъ Россіи".

Мы не собираемся отвѣчать на вопросы, были ли вышеприведенныя или имъ подобныя восхваленія не болѣе, какъ проявленія поражающаго невѣжества въ истинной сути россійскаго бунта, или же они составляли часть сознательнаго и обдуманнаго расчета ввести европейское общественное мнѣніе въ заблужденіе.

Несомнѣнно одно — всѣ эти проявленія были въ трогательной гармоніи съ царящими въ „Западной Части“ Нью-Іорка настроеніями. Въ статьѣ газеты „Нью-Іорскій Зовъ“ отъ 16 марта 1917 г. подъ заглавіемъ „Торжества ‚Западной Части‘ по поводу паденія Царя“ положеніе описывается нижеслѣдующимъ образомъ:

„Вѣсти о революціи въ Россіи взволновали вчера „Западную Часть“ и преслѣдуемые русскіе эмигранты этой секціи веселились весь день и ночь.“

Въ то же время въ редакторской статьѣ „Впередъ“, еврейской ежедневной газетѣ, издаваемой въ Нью-Іоркѣ, читаемъ:

„Революція совершилась. Сегодня мы получили единственныя отрадныя вѣсти за все время послѣднихъ трехъ лѣтъ кровавой міровой войны. Сердце каждаго рабочаго и работницы наполняется радостью и удовольствіемъ при этой вѣсти. Николай низложенъ. Дума взяла управленіе въ свои руки и нынѣ правитъ либеральное правительство. Ура.“

Авраамъ Каганъ, издатель вышеуказанной газеты, разбирая значеніе революціи въ Россіи указываетъ:

„Онъ считаетъ, что революція — побѣда еврейства, каковое мнѣніе преобладаетъ въ „Западной Части“, гдѣ ликованію не было границъ.“

„Мы почувствовали“, добавляетъ г. Коганъ, „что это событіе-великое торжество для дѣла еврейства. Юдофобскій элементъ въ Россіи всегда отождествлялся съ противореволюціонною партіею. Евреи

всегда занимали высокое положеніе въ революціонныхъ совѣтахъ и вся наша нація неразрывно связана съ оппозиціею правительству въ своемъ существѣ*."

Съ точки зрѣнія политической основою заблужденія, въ которое впало еврейское и американское мнѣніе по отношенію къ сущности русской революціи, являлось то, что ее, прежде всего, приняли за событіе политическаго значенія. Было принято полагать, что русскій народъ находился подъ гнетомъ стараго режима, что Императорское Правительство было неискреннимъ въ своей политикѣ, а также склоннымъ къ германофильству, въ то время, какъ, наоборотъ, русскому народу приписывалось, вѣнцомъ его стремленій, желаніе сражаться сѣ Германіей до послѣдняго исчерпанія своихъ способностей. Такимъ образомъ дѣлали выводъ, что Россія, прежде всего, низложила Царя для смѣны автократическаго образа правленія-демократическимъ и, во-вторыхъ, для того, чтобы укрѣпить политику „выигрыша войны".

Здѣсь было бы умѣстно подчеркнуть то обстоятельство, что пресса годами и десятилѣтіями систематически вводила въ заблужденіе общественное мнѣніе Европы и Америки о характерѣ стараго режима въ Россіи Императорское Правительство обрисовывалось, какъ страшный механизмъ гнета, какъ чудовище, единственною цѣлью котораго было держать народъ въ цѣпяхъ рабства для вящей славы „Царей". День за днемъ ложь распространялась безчисленными періодическими изданіями, въ большинствѣ своемъ преслѣдующими враждебные Россіи интересы, распространяющими сказки о тѣхъ невыносимыхъ условіяхъ, въ которыхъ жилъ русскій народъ, передавая драматическіе эпизоды о преслѣдованіи различныхъ не

* См. „Нью-Іорскій Зовъ" 17 марта 1917 г. статья, озаглавленная „Возстаніе въ Россіи — борьба за свободу".

русскихъ элементовъ среди иноплеменнаго народонаселенія бывшей Имперіи Россійской. Большинство простодушныхъ европейцевъ и американцевъ, познанія о Россіи коихъ не шли далѣе книги Джона Кеннана, были серьезно убѣждены въ томъ, что почти каждый россійскій обыватель былъ кандидатомъ для ссылки въ Сибирь, а что сама Россія была ничѣмъ инымъ, какъ обширной тюрьмой, въ которой толпы россіянъ держались взаперти. Воспитывать легковѣрнаго человѣка — недостойно цивилизованныхъ странъ. По окончаніи школы, въ которой учатъ четыремъ правиламъ арифметики, народъ черпаетъ свои познанія главнымъ образомъ со столбцовъ повседневной прессы, являющейся убогимъ средствомъ для развитія умственныхъ познаній. У Россіи было мало друзей на земномъ шарѣ. Пресса же, кажется, была въ числѣ ея заклятѣйшихъ враговъ. Нынѣ Западный Міръ постепенно освобождается отъ несправедливаго своего воззрѣнія на старую Россію. Въ этомъ отношеніи интересно привести мнѣніе г. Джорджа Питтъ Риверса, который, будучи англичаниномъ, едва ли можетъ быть заподозрѣнъ во враждебныхъ чувствахъ къ своей родинѣ:

„... Это въ Англіи, родной для евреевъ странѣ“, говоритъ г. Питтъ Риверсъ, „гдѣ систематически клеветали на Царское Правительство, въ теченіе многихъ лѣтъ выставляя его ввидѣ чернѣйшаго очага величайшей въ мірѣ тираніи и принужденія. Несмотря на это были англійскіе писатели, какъ наприм., г. Стефанъ Грэхамъ, которые давно выѣхали въ Россію жить потому, что они считали Россію самой свободной страной въ Европѣ. Она, понятно, была страною съ наименьшимъ развитіемъ промышленности, въ то время какъ Англія, являясь одною изъ самыхъ промышленныхъ странъ міра, столь любитъ и поддерживаетъ евреевъ и, слѣдовательно, не видитъ за-

слугъ въ *простомъ земледѣльческомъ существованіи.* Не должно также удивляться тому, что, вслѣдствіе безграничнаго развитія промышленности и ея послѣдствіямъ — все увеличивающимся въ своемъ ростѣ фабричному и городскому населенію, царитъ свободная коммерческая эксплоатація со стороны всякаго рода среднихъ людей, ростовщиковъ, евреевъ; со всѣмъ же этимъ-переводъ всяческихъ цѣнностей — въ денежную, при каковой можетъ бытъ осуществлень тотъ идеалъ личнаго равенства, вынужденной нивеллировки и посредственности личности, при которомъ она процвѣтаетъ подъ именемъ Либерализма и Демократіи. Можетъ же Англія съ ея трехсотлѣтнею традиціею еврееобильному чревоуглодію, лавочничеству, пуританизму и своему неудержному промышленно-городскому развитію все-таки признавать и болѣе здоровый идеалъ деревенской простоты и отческаго управленія, которые несмотря на очевидные промахи со стороны его преемника, являлись идеаломъ Александра III*."

Не однимъ путемъ, такъ другимъ, систематическая, враждебная Россіи агитація явилась могущественнымъ факторомъ, какъ въ подготовленіи общественнаго мнѣнія Европы къ воспріятію убѣжденія, что революція нужна для Россіи, такъ и въ подготовленіи благопріятнаго впечатлѣнія по поводу ея цѣлей.

Это являлось самымъ легкимъ способомъ подыскать примѣрное объясненіе таинственному значенію одного изъ самыхъ сложныхъ событій, когда-либо бывшихъ въ исторіи Европы.

Въ числѣ прочихъ блестящихъ чертъ, которыя демократія развила въ процессѣ текущей исторіи,

* Джорджъ Питтъ-Риверсъ „Міровое Значеніе Русской Революціи" съ предисловіемъ д-ра Оскара Леви, стр. 20 и 21 Василій Блэквеллъ. Оксфордъ 1920 г.

находится одна чрезвычайно печальная наклонность, заключающаяся въ томъ, чтобы все приводить къ общепринятому торговому знаменателю, который искусственно упрощаетъ и сглаживаетъ самые сложные импульсы мысли. Демократическая философія, на самомъ дѣлѣ, въ высшей степени удобна въ повседневномъ обиходѣ. Она снабжаетъ публику съ удобопріемлимымъ моральнымъ кодексомъ, который хорошъ постольку, поскольку того требуютъ обстоятельства, благо они не доводятъ до крайности; онъ содержитъ въ себѣ нѣсколько ходячихъ истинъ, являющихся, однако, лишь полуистинами, поверхностно и легко скользящими въ умахъ. Такимъ образомъ весьма возможно, что какъ Виконтъ Брійсъ былъ совершенно серьезно убѣжденъ въ томъ, что русскій народъ жаждалъ только конституціонной свободы и что онъ былъ въ состояніи завершить свое желаніе „однимъ ударомъ“ и „въ пять дней“ такъ и остальное общественное мнѣніе Европы вѣрило тому, что русская революція означала простую перемѣну образа правленія, что Царь спокойно уѣдетъ, а его мѣсто займетъ должнымъ порядкомъ избранный президентъ. Менѣе легкомысленные мыслители были склонны сдѣлать нѣкоторыя добавленія къ этой черезъ-чуръ мирной перспективѣ. Они были готовы допустить, что революція внесетъ временныя тренія въ національной жизни, что они, однако, будутъ пересилены „лояльнымъ духомъ революціоннаго народа“ и что это только вопросъ времени, въ теченіе котораго русскіе закрѣпятъ свое внутренне положеніе. Люди отказывались видѣть въ развивающемся событіи соціальное, всесокрушающее потрясеніе. Не приняли во вниманіе также того, что идеалы западной демократіи неприложимы къ укладу русскаго народа. Страннымъ было видѣть, что самые просвѣщенные публицисты, касаясь революціонныхъ событій

въ Россіи, неизмѣнно упускали изъ виду то обстоятельство, что сама демократія не только сѣть политическихъ установленій, которую можно свободно перемѣщать изъ страны въ страну, безъ надобности принимать во вниманіе то качество почвы, на коей новыя установленія должны быть пересажены. Г-нъ П. Кестеръ замѣчаетъ:

„Демократизмъ, такъ же, какъ и христіанство, являющееся лишь инымъ способомъ выраженія того же понятія, есть совершенная и полная философія жизни, даже болѣе, чѣмъ теорія управленія... Въ Америкѣ прежде всего наша демократія обязана нашей счастливой наслѣдственности и нашему удачному мѣстоположенію. Англія дала намъ въ наслѣдство личное упрямство къ свободѣ, которая черезъ столѣтіе не смогла быть согнута или сломлена. Изъ Шотландіи, Уэлльса и Ирландіи достались намъ любовь къ независимости, одинаково сильная какъ въ своихъ стремленіяхъ, такъ и въ проявленіяхъ. Изъ низменныхъ странъ, изъ долины Рейна, пришли къ намъ мужчины и женщины въ поискахъ свободы. Изъ Франціи — храбрая толпа Гугенотовъ. Компанія большая, странно перемѣшанная, однако, неизмѣнно объединенная общимъ горячимъ желаніемъ умственной и политической свободы*."

Другими словами, обсолютно необходимы для установленія твердой и творческой демократіи два элемента: во-первыхъ, — специфическій подборъ народонаселенія, стремящійся къ политической власти, и во-вторыхъ, — длительный историческій процессъ, который приводитъ разнообразные и, зачастую, смѣшанные элемены населенія къ тому политическому совершеннолѣтію, когда они въ состояніи самоуко-

* Павелъ Кестеръ „Консервативная Демократія" стр. 1 и 2. Бобсъ-Мерриллъ и К. Индіанополисъ 1919 г.

водствоваться и управляться. Именно эти два условія были совершенно чужды національному развитію Россіи. Въ этой странѣ вообще всегда особенно ощущалось отсутствіе интереса къ политическимъ вопросамъ. Народъ рѣшительно не отдавалъ должнаго вниманія ни вопросамъ дня, ни великимъ политическимъ событіямъ національной жизни. Борьба между централистическими тенденціями Московскаго Княжества, возглавлявшагося Великими Князьями, ставшими позднѣе Царями, и между свободными республиками сѣвера Россіи закончилась полной побѣдой Москвы въ то время, какъ народности сѣвера съ радостью сдали свои позиціи независимости и стали вѣрноподданными растушей царской силѣ. На зарѣ исторіи Россіи случилось замѣчательное событіе, бывшее чрезвычайно показательнымъ для всей психологіи русскаго народа. Въ девятомъ столѣтіи народъ такъ непримиримо возсталъ противъ самоуправленія, какъ такового, будучи окончательно неспособенъ къ нему, что онъ направилъ къ Варяжскимъ князьямъ пословъ, смиренно прося ихъ притти и править ими. Посланцы заканчивали свое обращеніе слѣдующими замѣчательными словами:

„Страна наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ. Приходите и правьте нами.“

Варяги пришли и правили почти 800 лѣтъ почти безъ перерыва.

Опять въ 17-мъ столѣтіи, послѣ десятилѣтней внутренней распри и гражданской войны, народъ единодушно пришелъ къ заключенію, что онъ не можетъ существовать безъ человѣка, который бы автократично управльялъ имъ. Кромѣ того, Михаилъ Романовъ, который былъ единогласно изоранъ Царемъ Всероссійскимъ, принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы отклонить царство, и дѣйствительно, народу стоило большого труда уговорить его принять власть.

Въ дальнѣйшемъ, въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, русскіе, какъ нація, оставались совершенно безразличными къ политической жизни. Томы были напрасно исписаны предубѣжденіями историками, старавшимися обрисовать русское революціонное движеніе, какъ національное явленіе, и какъ нѣчто основательное, берущее начало въ первомъ періодѣ XIX вѣка. Въ дѣйствительности же, революціонная агитація до 1905 г. ограничивалась небольшой группой безнадежныхъ мечтателей и иностранцами-фанатиками, которымъ удалось, въ концѣ концовъ, убить десятокъ русскихъ высшихъ сановниковъ и одного Царя, а именно Александра II, котораго русскій народъ назвалъ Царемъ Освободителемъ. До начала XX столѣтія русское революціонное движеніе ограничивалось въ своей работѣ Швейцаріею и Уайтчапель, омъ. Революціонныя идеи затерялись въ мрачномъ подпольѣ западной цивилизаціи. Правда, что революціонеры-интернаціоналисты, которые работали надъ крушеніемъ Россійской Имперіи, производили громадное количество прокламацій періодическихъ изданій и брошюръ, въ которыхъ было вложено много энергіи для чисто талмудическихъ споровъ по поводу малозначащихъ революціонныхъ техническихъ терминовъ и по поводу толкованія и значенія каждой запятой и точки въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“ Маркса. Однако, ничто изъ этой литературы, сколь обширна она ни была, не достигало русскаго народа. И дѣйствительно, вся она имѣла столь же малое значеніе на его развитіе, какъ „Novum Organum“ лорда Бекона, или же, какъ теорія относительности Эйнштейна.

Вѣками русскій народъ развивалъ свою собственную особенную психологію, свою собственную мистическую философію, свою собственную мораль, которыя во многихъ отношеніяхъ не согласовались съ лозунгами западно-демократическихъ идеаловъ. Вѣками

русскій народъ мечталъ о высшемъ, но туманномъ представленіи о Правдѣ, которая въ его умѣ иногда сливалась съ идеей о Богѣ и религіи, но которая иногда приводила къ отрицанію какъ Бога, такъ и религіи. Умы старой Россіи занимала моральная, а не политическая проблема. Русскій народъ, который никогда не проходилъ черезъ капитализмъ, мало понималъ о классовой борьбѣ, которую опредѣлилъ и конспирировалъ интернаціональный соціализмъ. Благодаря преобладанію нравственныхъ идеаловъ, они глубоко проникли въ принципы соціальной правды и соціальной справедливости. К. Михайловскій, вѣроятно, единственный изъ русскихъ революціонеровъ правильно подмѣтившій психологію русскаго народа, опредѣлилъ это туманное и въ то же время настойчивое соціальное стремленіе въ характерномъ изреченіи: „Правда-разумъ, естъ правда-справедливость."

Русскій мужикъ, который есть и былъ всегда пасынкомъ страны никогда не былъ противъ Царя и никогда не относился доброжелательно къ революціонерамъ. Весь — въ абстрактной морали онъ былъ независимымъ отъ обоихъ. Онъ имѣлъ очень любопытныя понятія о томъ, что значила соціальная справедливость, однако, неизмѣнно представленіе о ней связывалось въ его умѣ съ представленіемъ о землѣ. Во многихъ отношеніяхъ русскій мужикъ былъ болѣе свободенъ, болѣе независимъ, чѣмъ любой поселянинъ въ мірѣ. Однако, была одна кардинальная вещь, которая поглощала весь остатокъ его скудности наклонностей и вѣрованій — это была земля. Такъ называемые вожаки русскаго революціоннаго движенія никогда не могли понять, почему русскій мужикъ, будучи свободенъ, какъ орелъ, въ то же время оставался рабомъ своей мечты о землѣ, которая во всѣ времена была границею его политическаго, соціальнаго и нравственнаго кругозора.

Представленіе о землѣ, однако, никогда ясно не опредѣлалось въ умѣ у мужика. Когда бы ни затронули аграрнй вопросъ, онъ всегда представляетъ нѣкоторые догматическіе аргументы, которые для внѣшняго міра ничего не говорятъ, но которые, тѣмъ не менѣе, имѣютъ глубокое практическое значеніе для самого мужика. „Земля Божья“, „Земля принадлежитъ тому, кто ее обрабатываетъ“, „Земля — великая мать“ и тому подобныя нормы едва ли могутъ много помочь въ экономикѣ.

Однако, крестьянинъ основательно понимаетъ ихъ умомъ своимъ, считаетъ ихъ неразрывнымъ цѣлымъ соціальной справедливости. Въ противорѣчіи съ современнымъ представленіемъ либеральной мысли крестьянинъ отказался возстать противъ Царя лишь потому, что онъ отказался вѣрить тому, что Царь былъ „орудіемъ принужденія“. Съ другой стороны, въ противоположность принципамъ кодекса Наполеона, единогласно принятымъ всѣмъ западнымъ міромъ, русскій крестьянинъ ни мало не питалъ уваженія „священной собственности“, особенно когда это была собственность помѣщика, или имѣніе русскаго дворянина. Это, однако, ничуть не оказало содѣйствія работѣ соціалистовъ, въ виду того, что это неуваженіе къ чужой собственности не было обязано склонности крестьянина ни къ коммунизму, ни, еще въ большей степени, къ теоріи Маркса, а лишь тому вѣрованію, что вся земля должна принадлежатькрестьянину, какъ вопросъ отвлеченнаго принципа и соціальной нравственности.

Если бы Императорское Правительство располагало бы достаточнымъ количествомъ времени для осуществленія Столыпинской аграрной реформы 1907 г., цѣлью которой была продажа всей обрабатываемой земли крестьянамъ, то все революціонное движеніе въ Россіи провалилось бы оконча-

тельно*. Столыпинъ, одинъ изъ величайшихъ людей Россіи, пришелъ къ твердому убѣжденію, что единственнымъ выходомъ болѣзненному аграрному вопросу въ Россіи являлось установленіе сельскохозяйственной системы, покоющейся на правѣ частной собственности. Онъ объявилъ свою программу, заключавшуюся въ обще-государственномъ переходѣ отъ коммунальнаго или общиннаго землевладѣнія къ единоличному на основахъ частной собственности. Крестьянина не принуждали порывать съ общиною если онъ предпочиталъ ея придерживаться, но всякая община, желавшая перейти къ новому способу владѣнія, была вправѣ это сдѣлать. Крестьянамъ былъ всячески облегченъ этотъ переходъ, безъ всякихъ съ ихъ стороны затратъ, согласно правительственной программѣ. Тѣмъ крестьянамъ, которые, напримѣръ, должны были сносить свои постройки для перенесенія на отрубные участки, оказывалась денежная помощь. Съ другой стороны, были приняты широкія мѣры для воздѣйствія на крупныхъ земледладѣльцевъ продавать ихъ имѣнія государству. Пріобрѣтенная этимъ путемъ земля немедленно перепродавалась крестьянамъ.

Несмотря на яростную оппозицію этому мѣропріятію со стороны партіи ка-де и элементовъ, стоявшихъ лѣвѣе ихъ, Столыпинская реформа достигла блестящаго успѣха. Въ продолженіе первыхъ двухъ или трехъ лѣтъ послѣ проведенія этого государственнаго мѣропріятія приблизительно одна треть русскаго

* Авторъ здѣсь ошибается: извѣстный законъ, котораго такъ боялись всѣ разрушительные элементы, Россіи и противъ котораго рѣзко возставали, носящій названіе Столыпина былъ изданъневъ 1907 г., а 9 ноября 1906 г. Сущностьего-не въ продажѣ всей обрабатываемой земли крестьянамъ, а въ свободномъ выходѣ изъ общины и въ сведеніи ихъ черезполосицъ въ отруба. Примѣчаніе переводчика.

крестьянства стали единоличными собственниками, а переходъ съ общиннаго на частное владѣніе закончился въ полномъ порядкѣ. Соціалисты, радикалы, иноземные и анархическіе элементы возставали противъ Столыпинской реформы, потому что они понимали, что успѣхъ и завершеніе ея, вырвали бы изъ ихъ рукъ ихъ главное оружіе-революціонную агитацію. Самый легкій путь отдѣлаться отъ реформы былъ найденъ въ томъ, чтобы убрать самого Столыпина. Въ 1909 г. во время театральнаго представленія въ Кіевѣ Столыпинъ былъ убитъ выстрѣломъ анархиста, оказавшагося не русскаго происхожденія. Со смертью Столыпина порывъ аграрной реконструкціи былъ погашенъ и проблема страны осталась незавершенною.

Всѣ эти условія и факты, имѣвшіе необычайно глубокое значеніе для русскаго національнаго бытія, остались для Запада незамѣченными. Когда въ 1917 г. разразилась буря, она была разсмотрѣна подъ призмою западно-европейской демократіи, какъ-будто бы весь вопросъ сводился лишь къ тому, кто лучше способенъ управлять Россіею низложенный Царь или Керенскій. Каждая оффиціальная делегація, отправляемая западными державами въ Россію, была снабжена полнымъ демократическимъ кодексомъ, а само слово „демократія“ склонялось въ безчисленныхъ и повторяемыхъ комбинаціяхъ во всѣхъ привѣтствіяхъ, обращенныхъ къ „революціонному русскому народу.“

Истинное политическое значеніе русской революціи заключалось въ томъ, что, отразившись мало замѣтно въ политическомъ отношеніи, она повлекла за собой полнѣйшую политическую пертурбацію. Съ первыхъ же дней начала революціи стало очевиднымъ, что отреченіе Царя было ничѣмъ инымъ, какъ прологомъ къ колоссальному бунту, который, въ концѣ концовъ, потрясетъ самыя основанія не только Имперіи Россійской, но и вообще всей современной циви-

лизаціи. Одновременно съ установленіемъ Думскаго Правительства появилась новая власть — совѣтовъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, причемъ обѣ власти вмѣшивались, какъ въ дѣла военнаго аппарата, такъ и въ технику производства. Зародившаяся параллельная власть не имѣла ничего общаго съ демократіей или съ демократическими идеалами, однако, власть эта была реальною силою, деспотичной въ своихъ намѣреніяхъ, варварскою въ своей политикѣ, но логичною въ своихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ, безграмотною и демагогичною, — являясь звѣринымъ кулакомъ безъ намека на сожалѣніе, направленнымъ для удара по мозгамъ націи, активною силою безпринципнаго и преступнаго меньшинства въ противоположность пассивности и мягкотѣлости большинства; это было торжествующій подъемъ къ власти той посредственности, которую западный міръ ошибочно почелъ „достойнымъ партнеромъ въ Лигѣ Чести.“

ГЛАВА V.

Соціальный характеръ русской революціи съ первыхъ же шаговъ опредѣлился въ установленіи двухъ параллельныхъ правительствъ; законно соорганизовавшееся правительство думы, извѣстное подъ именемъ Временнаго Правительства, и правительство солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, законность коего никогда не была признана ни со стороны Думы, ни со стороны внѣшняго міра, обладавшее, однако, фактически гораздо большею властью, нежели первое. Исторія Временнаго Правительства въ сущности ничто иное, какъ исторія безконечныхъ компромиссовъ несуществующей, но законной власти съ существующею, но не законною властью.

Князь Львовъ былъ воплощеніемъ присущаго „кадетамъ“ мягкотѣлія, инертности, апатіи и отсутствія силы воли. Кадетская партія не могла бы выбрать лучшаго человѣка для представленія своей замѣчательной неосвѣдомленности и неумѣнія справиться съ тою тяжелою задачею, которую нужно было Россіи рѣшить. Князь Львовъ никогда не считался въ Россіи дѣловымъ человѣкомъ. Онъ былъ слабъ въ своей оппозиціи къ Императорскому Правительству.

Онъ былъ слабъ въ защитѣ принциповъ кадетской партіи, — онъ не могъ выказать ничего иного, какъ слабость передъ вырастающею силою промышленной черни, которая захватила руководство „Совѣтскими" организаціями.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что европейскіе государственные дѣятели были введены въ заблужденіе по отношенію къ сущности русской революціи, но само собой разумѣется, удивительно то, что князь Львовъ, одинъ изъ признанныхъ лидеровъ оппозиціи, златоустъ кадетской идеологіи, послѣ мартовской революціи, могъ заявить:

„Мы знали, что мы должны дѣлать. Мы пошли впередъ и сдѣлали это. И теперь, черезъ недѣлю послѣ начала революціи, — страна находится въ стройномъ порядкѣ. Бюрократическія преграды пали. Новая Россія передъ нами. Будущность представляется такой блестящей, что я даже боюсь заглянуть въ нее."

Нѣтъ надобности оправдывать русскій народъ въ томъ, что онъ возлагалъ большія надежды на пророческія способности князя Львова, ибо русскіе ихъ никогда не питали, но даже отъ кадетской партіи можно было бы ожидать чего-нибудь болѣе осмысленнаго, чѣмъ вышеприведенная поражающая своей ошибочностью мысль. Однако, подобнаго рода политическая болтовня, въ которой изощрялись демократы до и послѣ революціи, при Керенскомъ была возведена въ своего рода политическій культъ.

Пока князь Львовъ отдавалъ все свое время интервью русскимъ и европейскимъ репортерамъ, пока Милюковъ и вышеупомянутый Яковъ Шиффъ были заняты взаимными телеграфными поздравленіями по поводу торжества еврейскаго дѣла въ Россіи, совѣты солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ лихорадочно работали надъ организаціей дезорганизаціи, ширя анархическую агитацію, организовывая и обучая

красную гвардію, сражаясь на улицахъ съ смѣхотворною милиціею Временнаго Правительства, закладывая совѣтскія ячейки по всей странѣ отъ Владивостока до Петрограда и распространяя и углубляя другими путями ряды разрушительныхъ элементовъ. Устами своихъ неутомимыхъ ораторовъ Временное Правительство разглагольствовало о чудесныхъ завоеваніяхъ революціи, о демократіи, о предопредѣленіи революціоннаго народа свергнуть тиранію Гогенцолерновъ въ то время, какъ агенты послѣднихъ проводили въ жизнь велѣнія Циммервальдскаго Манифеста. Увы! Они, а не Вильсонъ, были первыми, которые еще въ 1915 году формулировали мирную программу „безъ аннексій и контрибуцій." Они первые старались обратить міровую войну въ міровую революцію.

„Пролетаріи! Въ началѣ войны", такъ гласитъ одна изъ выдержекъ Циммервальдскаго Манифеста, „мы отдали нашу трудовую силу, нашу энергію, нашу выносливость правящимъ классамъ. Нынѣ мы должны начать борьбу за наше дѣло, за священныя цѣли соціализма, за свободу угнетенныхъ людей и порабощенныхъ классовъ, путемъ классовой войны, которая не пойдетъ ни на какіе компромиссы."

Въ то время, какъ Временное Правительство было занято изданіемъ декретовъ политическаго характера, имѣвшихъ мало, или вовсе никакого значенія, отдавая свою ограниченную энергію разслѣдованіямъ предполагаемаго германофильства отрекшагося Императора, а также другихъ „жупеловъ" для революціи, „совѣты" обращались непосредственно къ пустому желудку народа, призывая его захватить помѣщичьи земли, запасы продуктовъ питанія, принадлежавшихъ буржуазіи, захватить драгоцѣнности, принадлежавшія государству, а также иными способами удовлетворить его низменные инстинкты. Другими словами, въ то время, какъ кадеты инсценировали

политическую революцію, Совѣты завершали соціальный переворотъ. Въ этомъ и заключалось существенное различіе обѣихъ группъ.

Далѣе, въ виду того, что кадеты, прежде всего, были политическими метафизиками, они являлись неспособными къ воспріятію сути развертывавшихся предъ ними событій. Уроки прошлаго были оставлены ими безъ вниманія. Обликъ революціоннаго движенія въ 1905 г. принялъ въ ихъ умахъ формы протеста противы „кровожаднаго царскаго режима", въ то время, какъ борьба происходила не между народомъ и Царемъ, а между анархически настроенными элементами изъ среды народа и между людьми соціальнаго порядка, имѣвшихъ собственность и въ ней видѣвшихъ основу такового. Ленинъ и Троцкій, ставшіе Церковными жрецами большевизма въ 1917 году, были также активными подстрекателями его въ 1905 г. такимъ же точно образомъ, какъ въ 1917 году борьба началась съ образованія самочиннаго правительства совѣтовъ на ряду съ законно установившимся, — въ 1905 г. революція фактически началась, когда Ленинъ и Троцкій захватили зданія Вольно-Экономическаго общества, гдѣ ими была образована штабъ-квартира перваго совѣта рабочихъ депутатовъ, сдѣлавшаго вызовъ графу Витте, въ то время бывшаго премьеръ-министромъ въ Россіи. Лозунгъ „захватъ земли" въ 1905 г. былъ тѣмъ боевымъ кличемъ революціи, который до ея окончательнаго подавленія развивался въ соціальный бунтъ, направленный противъ чужой собственности и противъ самаго принципа частной собственности.

Кадеты изучали исторію, но никогда имъ не удавалось „дѣлать" ее. Имъ никогда не приходило въ голову потрудиться на время покинуть тѣ удобныя кресла, въ коихъ они покоились, чтобы воочію ознакомиться съ происходящимъ въ предмѣстьяхъ или

отдѣльныхъ деревняхъ. Тамъ, среди самаго кипѣнія революціонной агитаціи, они бы убѣдились въ томъ, что массы русскаго народа были не только вѣрны, но и преданы Царю. Они бы убѣдились въ томъ, что агитаторы во многихъ случаяхъ пользовались именемъ Царя для того, чтобы понудить толпу заняться грабежемъ. И въ самомъ дѣлѣ, представленіе о Царѣ было одною изъ первоосновъ въ вѣрованіи народа, независимо отъ того, нравилось ли это кадетамъ или нѣтъ. Представленіе это являлось неразрывною частью психологіи русскаго человѣка, точно такъ же, какъ понятіе о землѣ было исходнымъ пунктомъ умственнаго кругозора. Когда кадеты объявили себя правителями Россіи, они не были въ состояніи повести національную политику, ибо ихъ политическое credo являлось ярко обозначеннымъ отрицаніемъ всего того, что было дорого для Россіи. Съ другой стороны, они боялись порвать совсѣмъ съ національными идеалами, ибо этотъ шагъ толкнулъ бы ихъ по пути сотрудничества съ большевиками. Союзъ Милюкова и Троцкаго не только потому былъ имъ непріемлемъ, что Европа бы нашла это грубымъ и отталкивающимъ, но также потому, что кадеты не могли согласиться съ принятіемъ программы большевизма, ибо они понимали, что подъ коммунистической властью ихъ собственной „священной собственности“ грозитъ тотъ же „потокъ и разграбленіе“, который постигнетъ добро ненавистнаго дворянства и Императорской Фамиліи.

Выполняя роли Мирабо и Робеспьеровъ, кадеты думали представлять идеологію средняго класса, какового въ дѣйствительности въ Россіи никогда не существовало. Въ отличіе отъ западно-европейской соціальной структуры, Россія не имѣла пролетаріата въ западномъ смыслѣ, ни буржуазнаго класса, подобнаго тому, который народился въ Америкѣ и Европѣ. Крестьянство въ Россіи составляло и до сихъ поръ

составляетъ подавляющее большинство населенія. Изъ 180,000.000 до-военнаго населенія Россійской Имперіи, едва ли 3,000.000 могло быть причислено къ среднему классу. Другими словами, въ Россіи были касты, но не было классовъ. Сами же касты не выявлявли кастовой сознательности.

Что же касается крестьянъ, то они не представляли изъ себя ни буржуа, ни пролетаріевъ, несмотря на то, что нѣкоторые были очень бѣдны, а другіе, наоборотъ, очень благосостоятельны. Они не подходили ни подъ какую категорію изъ классовыхъ подраздѣленій Маркса, составляя собственную группу съ своеобразными чертами и особенною психологіею.

Само существованіе этой абсолютной группы было очень непріятно, какъ для кадетовъ, такъ и для соціалистовъ. Русскій мужикъ, по мнѣнію этихъ обѣихъ партій, являлся историческимъ недоразумѣніемъ. Отъ соціалистовъ, по крайней мѣрѣ, не можетъ быть отнято то, что они поняли, что русскимъ крестьянствомъ нельзя пренебрегать и что можетъ статься, что они станутъ существеннѣйшимъ факторомъ въ русской соціальной революціи. Ленинъ и Троцкій отлично понимали, что крестьянство было не тѣмъ, чѣмъ бы они хотѣли его видѣть, благодаря тому, что оно не были совершенно нищимъ. Однако, благодаря ихъ революціонному опыту, они учли, что крестьянская масса можетъ быть ими использована, какъ могущественное оружіе, какъ только будетъ провозглашенъ лозунгъ захвата земли. Большевики надѣялись, что начало разрушенія помѣщичьей собственности повлечетъ уничтоженіе самаго принципа собственности. Хотя эти надежды были преувеличены, тѣмъ не менѣе для будущаго это явилось оправданіемъ тому, что они воспользовались помощью крестьянства для проведенія пролетарской революціи. Въ дѣйствительности больше-

вики мало придавали значенія тѣмъ способамъ, которыми они пользовались, лишь бы достигнуть осуществленія пролетарской революціи. Здѣсь были одинаково пригодны, какъ германское золото, такъ и мужицкій топоръ. Одинъ разъ Ленинъ замѣтилъ, что онъ согласенъ воспользоваться силами ада лишь бы устроить коммунистическій строй. Вожаки большевизма знали, что крестьяне могутъ стать, что въ дѣйствителности и случилось, самымъ опаснымъ врагомъ совѣтской власти и оказаться самымъ консервативнымъ элементомъ въ соціалистическомъ опытѣ надъ Россіею. До того момента же, когда это случится, разсуждали, захватъ земли по всей территоріи Россіи превратитъ крестьянство въ революціонную силу, которая будетъ служить блестящимъ примѣромъ для городского населенія, для того, чтобы оно ему послѣдовало.

Кадеты хотѣли представлять несуществующій соціальный факторъ, а именно средній классъ. Большевики же не старались представлять никого иного, какъ только чудовище современной цивилизаціи — толпу, которой они всегда принадлежали и вожаками которой они стали. Большевикамъ было совершенно безразлично изъ кого она должны состоять. Они, никогда не бывшіе чѣмъ-либо инымъ, какъ частью безотвѣтственной, безымянной, безличной массы, храбро отдали себѣ отчетъ въ томъ, что толпа, состоящая изъ профессоровъ, едва ли лучше толпы пролетаріевъ и крестьянъ.

Вначалѣ большевистскихъ выступленій въ Россіи совѣты объявили себя представителями двухъ главныхъ теченій, — городскихъ рабочихъ и взбунтовавшихся солдатъ. Позднѣе крестьяне были присоединены къ двумъ первоначальнымъ группамъ, а въ концѣ концовъ, руководители большевистскаго бунта признали нужнымъ включить въ совѣтскій аппаратъ каза-

ковъ. Такимъ образомъ, нынѣ полное наименованіе совѣтскихъ установленій гласитъ такъ: „Совѣтъ Рабочихъ, Крестьянскихъ, Красноармейскихъ и Казачьихъ Депутатовъ".

Понятно нѣтъ надобности полагать, что присутственныя мѣста центральнаго совѣта въ дѣйствительности представлены вышеупомянутыми группами. Это только указываетъ на стремленіе большевистскихъ лидеровъ перекрасить иноплеменные элементы народонаселенія въ организацію представляющую будто бы изъ себя духъ революціонной массы.

Ленинъ и Троцкій не могли не признать, что Россія еще не дозрѣла, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія теоріи Маркса, къ соціальной революціи. Высоко развитый капитализмъ не былъ извѣстенъ въ Россіи. Классовая сознательность очевидно отсутствовала. Городское населеніе составляло менѣе 18% всего народонаселенія. Пролетарская психологія еще не откристаллизовалась въ каку-юлибо специфическую программу, въ то время какъ самое представленіе о соціализмѣ было или ложно понято или сознательно ложно истолковано фабричными рабочими большихъ городовъ. Съ другой стороны политическое развитіе Россіи на столь низкой ступени, что на практикѣ оказалось невозможнымъ превратить Россійскую Имперію въ соціалистическое государство иначе, какъ совершенно разрушивъ все государство.

Идея коммунизма ошибочна въ самомъ существѣ своемъ, поэтому въ какой бы странѣ ни была сдѣлана попытка осуществить его на практикѣ-она неизмѣнно должна привести къ неудачѣ. Россія же изъ всѣхъ странъ въ мірѣ, включая сюда Китай, была менѣе всѣхъ подготовлена къ воспріятію коммунизма. Тѣмъ не менѣе, единственною формою государственнаго переворота, которая могла расчитывать на успѣшное завершеніе, являлась соціальная революція, не въ

ограниченномъ Марксистскомъ значеніи, а въ смыслѣ такого громаднаго масштаба соціальнаго сдвига, который привелъ бы къ лишенію одной части населенія всего достоянія его, отдавая его въ пользованіе другой. Движеніе подобнаго рода имѣло мало общаго съ тѣмъ соціализмомъ, какъ его представляютъ себѣ изящно одѣтые и модно причесанные соціалисты и большевики гостинныхъ Парижа и Лондона. Это было откровеннымъ „грабь награбленное“, согласно выраженія самого Маркса. Это было явнымъ разбоемъ на проѣзжей дорогѣ, который одна часть населенія производила надъ другою, такъ какъ крестьяне не захватывали земли и не брали движимость, принадлежащую дворянству съ цѣлью передать его соціалистическому отечеству, а съ единственнымъ умысломъ забрать все это въ свою пользу и исключительно для собственнаго обогащенія.

Точно также сознательно „товарищи“ захватили на фабрикахъ и заводахъ въ свои руки контроль надъ предпріятіями не для того, чтобы соціализировать экономическую жизнь Россіи, а для того, чтобы, какъ они надѣялись, получать жалованіе, не производя работы. Другими словами, принципъ частной собственности былъ нарушенъне для того, чтобы замѣнить его коммунистическимъ, а попросту изъ-за того, что большинство населенія захотѣло обогатиться за счетъ меньшинства. Это было опаснымъ дѣломъ, изъ-за него пролилось много крови, но это было именно то, что подразумѣвалъ Карлъ Марксъ въ своемъ „Коммунистическомъ Манифестѣ“, говоря, что „конечныя стремленія пролетаріата могутъ быть достигнуты только насильственнымъ переворотомъ всѣхъ существующихъ соціальныхъ условій“, каковое положеніе онъ закончилъ вѣжливымъ предупрежденіемъ:

„Нужно заставить задрожать правящіе классы при коммунистической революціи.“

Обыкновенно принято считать, что соціальная революція въ Россіи началась послѣ свержения Временнаго Правительства. Въ дѣйствительности же мартовская революція 1917 года являлась ничѣмъ инымъ, какъ началомъ соціальнаго переворота, который и принялъ болѣе конкретныя очертанія послѣ іюльскаго возстанія большевиковъ и окончательно кристаллизовался въ ноябрьскій переворотъ.

Любопытно отмѣтить, что въ продолженіе всего существованія Временнаго Правительства существеннѣйшіе вопросы, проистекающіе изъ политической революціи, особенно по отношенію къ составленію конституціи, казалось, ни разу не остановили общественнаго вниманія въ Россіи. Правда, что Керенскимъ были организованы бюрократическіе комитеты, имѣвшіе цѣлью выработать выборную систему для созыва Учредительнаго Собранія. Правда, также и то, что Керенскій неожиданно объявилъ Россію республикой, а себя самого — президентомъ. Но въ средѣ широкихъ массъ народа царила глубокая апатія по отношенію къ различнымъ политическимъ частностямъ и, казалось, никто не посвятилъ много энергіи тѣмъ чисто политическимъ вопросамъ, которые проистекли изъ отреченія Царя, а затѣмъ Великаго Князя Михаила. Понятно кадеты были очень огорчены тѣмъ отсутствіемъ „конституціоннаго инстинкта“, которое выявили массы русскаго народа. Они надѣялись, что русское общественное мнѣніе выкажетъ горячій интересъ къ вопросамъ административнаго законодательства и парламентской практикѣ. Вмѣсто этого русскій народъ началъ разрѣшать своими собственными, доморощенными, почти дикими способами вопросы соціальнаго неравенства.

И лишь въ декабря 1917 г. и въ январѣ 1918 г. большевики начали издавать серіи декретовъ о національзаціи банковскихъ учрежденій и промышленныхъ

предпріятій. Между тѣмъ банки сдѣлались добычей красной гвардіи, а промышленныя предпріятія оказались захваченными красными рабочими почти тотчасъ же, послѣ отреченія Царя. Такимъ же путемъ крестьяне отказались ждать, пока большевики опубликуютъ свой основной земельный законъ, начинавшійся съ извѣстнаго обращенія:

„Вся земля въ границахъ Россійской Республики, со всѣми нѣдрами, лѣсами и водами, отнынѣ объявляется достояніемъ народа".

Они начали захватывать земли, грабить имущество помѣщиковъ, присваивая ихъ скотъ и инвентарь. Такъ, въ то время, когда правительство Керенскаго было еще у власти, четыре или пять мѣсяцевъ послѣ начала мартовской революціи, земли уже были „націонализированы", а промышленность находилась подъ контролемъ рабочихъ. Большевики лишь „легализировали" совершившійся фактъ, приближаясь этимъ къ неограниченному коммунизму. Съ того момента, когда большевики захватили власть въ Россіи, эта страна стала міровой проблемой. Двѣ главныхъ причины породили ее:

Первая. Совѣтское правительство не является правительствомъ, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія государственнаго права. Три признака необходимы для того, чтобы правительство было признано таковымъ: а) власть для управленія страной должна быть признана, какъ законноучрежденная подавляющимъ большинствомъ народа; б) суверенность ея пріурочена къ точно установленнымъ государственнымъ границамъ; и в) эта власть можетъ быть признана другими государственными странами въ отношеніи представительства національной суверенности государства. Совѣтское правительство не соотвѣтствуетъ ни одному изъ этихъ трехъ признаковъ.

а) Съ ноябрьской революціи 1917 г. русскій народъ находился и все еще находится въ состояніи непрерывнаго возстанія противъ совѣтовъ. Слѣдующія возстанія являются наиболѣе важными этапами въ развитіи гражданской войны въ Россіи:

1. Армейское возстаніе подъ предводительствомъ Корнилова 1917—1918 годовъ.
2. Крестьянское возстаніе на Волгѣ весна 1918 г.
3. Возстаніе крестьянъ и казаковъ въ Сибири, лѣто 1918 г.
4. Чехо-словацкое возстаніе лѣто и конецъ 1918 г.
5. Крестьянское возстаніе Архангельскаго раіона, конецъ 1918 г.
6. Сибирь подъ Адмираломъ Колчакомъ 1919 г.
7. Наступленіе въ южной Россіи подъ ген. Деникинымъ 1919 г.
8. Военная экспедиція противъ Петрограда подъ ген. Юденичемъ 1919 г.
9. Движеніе генерала Врангеля въ южной Россіи 1920 г.
10. Крестьянское возстаніе въ Центральной Россіи 1920 г.
11. Возстаніе Бѣлоруссіи противъ совѣтовъ 1920 г.
12. Возобновленіе гражданской войны въ Сибири 1920 г.

Тотъ фактъ, что всѣ эти популярныя возстанія до сихъ поръ не смогли свергнуть совѣтскій режимъ, ни малѣйшимъ образомъ не подрываетъ увѣренности въ томъ, что въ массахъ русскаго народа царитъ широко распространенное недовольство. Точно также неудачи антибольшевистскаго движенія ничуть не доказываютъ силу совѣтской власти; они скорѣе указываютъ на слабость антибольшевистскаго движенія. Какъ бы то ни было, перечень противосовѣтскаго движенія и его стойкій характеръ указываютъ, что нація въ широкомъ смыслѣ слова, хотя и

находится подъ игомъ большевистской тираніи, — окончательно отказывается признать совѣтское правительство, какъ законную власть.

б) Большевики сами отказываются отъ идеи національной суверенности, ибо они утверждаютъ, что ихъ цѣлью является установленіе всемірной совѣтской рспублики съ диктатурой пролетаріата, какъ основою ихъ принципа интернаціональнаго владычества. Въ статьѣ, озаглавленной „Октябрьская революція и коммунистическій интернаціоналъ“ напечатанной въ коммунистическомъ официозѣ „Петроградская Правда“ Апфельбаумъ-Зиновьевъ заявляетъ: „Нашъ третій интернаціоналъ теперь уже представляется однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ въ европейской исторіи. И черезъ годъ или два коммунистическій интернаціоналъ будетъ владычествовать надъ цѣлымъ миромъ*.“

Одинъ изъ ораторовъ совѣтскаго правительства Бухаринъ еще болѣе пояснилъ это въ своей „Программѣ коммунистической партіи“, указавъ, что программа коммунистической партіи является программой не только лишь освобожденіемъ пролетаріата въ одной странѣ, — это программа освобожденія пролетаріата всего міра, ибо такова программа „интернаціональной революціи“ **.

Далѣе, Калининъ, предсѣдатель всероссійскаго центральнаго исполнительнаго комитета совѣтовъ, въ своихъ „Пожеланіяхъ къ 1920 году“ указалъ: „Западно-европейскіе братья въ предстоящемъ году должны низвергнуть капиталистическія правительства, должны соединиться съ русскимъ пролетаріатомъ и установить

* Смотри выпускъ 7. ноября 1919 года.

** Приводится въ „меморандумѣ большевистской или коммунистической партіи въ Россіи и ея отношеній къ коммунистическому интернаціоналу и къ совѣтамъ“. стр. 12. Государственный департаментъ. Вашингтонъ Д. К. 1920 г.

единую власть совѣтовъ, во всемъ мірѣ подъ протекторатомъ III интернаціонала "*.

в) Совѣтское правительство въ Россіи существуетъ болѣе трехъ лѣтъ и все-таки до сихъ поръ ни одна изъ цивилизованныхъ странъ не признала его, не только какъ законно возникшую власть, но даже, какъ фактическое правительство Россіи.

Такимъ образомъ, внѣшній міръ поставленъ лицомъ къ лицу со страннымъ состояніемъ, которое вовлекло Россійскую Имперію въ положеніе Мексики міра. Поставивъ соціальные вопросы ва-банкъ, Россія перестала быть національной державой въ обще принятомъ смыслѣ. Стало технически невозможнымъ сообщаться съ Россіей всему цивилизованному міру тѣми обще-признанными пріемами, которые выработала дипломатія. Эта невозможность значительно укрѣплялась самими представителями совѣтовъ. Такъ Апфельбаумъ — красный диктаторъ Петрограда и одинъ изъ вліятельныхъ членовъ коммунистической партіи, упоминая о предполагавшемся соглашеніи на Принкипо, сдѣлалъ нижеслѣдующее удивительное заявленіе: „Мы согласны заключить неблагопріятный для насъ міръ съ союниками... но это только лишь бы значило, что мы не придаемъ никакого значенія тому клочку бумаги, который мы подпишемъ. Это только будетъ значить, что мы обрѣтемъ этимъ ту необходимую передышку, которая намъ столь нужна для того, чтобы собраться съ силами для того, чтобы однимъ фактомъ продолженія существованія нащего правительства, поддерживать міровую пропаганду, которую совѣтская Россія ведетъ уже болѣе года."

Второе: Россія стала государствомъ не только безъ законно-возникшаго правительства, но даже, болѣе того, совѣты открыто объявили ее плацдармомъ

* Тамъ же.

міровой пропаганды, направленной для разрушенія всей современной цивилизаціи и всѣхъ ея началъ. Оставляя въ сторонѣ тѣ разрушительныя послѣдствія, которыя совѣтскій строй оставилъ по себѣ въ Россіи, — совѣтскій режимъ сдѣлался *міровою угрозою.* Касаясь этого не считающагося съ какими-либо границами признака государственный департаментъ Соединенныхъ Штатовъ такимъ образомъ суммируетъ свои выводы:

„Программа русской коммунистической партіи — программа міровой революціи, а коммунистическій интернаціоналъ является, какъ извѣстно центромъ, направляющимъ и координирующимъ революціонное движеніе, имѣющее цѣлью организаціи „Всемірной Совѣтской Республики". Невозможно дѣлать различіе въ отношеніи международной дѣятельности между Русской Коммунистической партіей, III или коммунистическимъ интернаціоналомъ и оффиціальнымъ совѣтскимъ правительствомъ, ибо признакъ „рука руку моетъ" присущъ всѣмъ тремъ" *.

Изо дня въ день совѣтское правительство разсылаетъ по всему міру радіо телеграммы, призывающія къ присоединенію къ интернаціоналу, развивающія классовую ненависть, внушающія необходимость классовой войны и практическіе планы низложенія законно существующихъ правительствъ, угрожающія всѣмъ основамъ цивилизаціи, подрывающія религіозныя вѣрованія и авторитетъ къ принципамъ права, порядка и нравственности. „Вооружайтесъ" таковъ кличъ, идущій изъ штабъ-квартиры въ Москвѣ. „Вооружайтесь" такъ отдается эхомъ въ потустороннемъ

* Приводится въ „Меморандумъ большевистской и коммунистической партіи въ Россіи и ея связи съ III или коммунистическимъ интернаціоналомъ и съ совѣтами" стр. 15. Государственный Департаментъ. Вашингтонъ, Д. К. 1920 г.

мірѣ *. Такимъ образомъ, въ конечномъ итогѣ, должна воцариться власть силы, которая не можетъ проявлять ничего иного, какъ грубое физическое насиліе толпы.

Старые утонченные методы государственности, при коихъ умственное развитіе и превосходство разума являлись доминирующими факторами въ направленіи міровой политики, быстро распадаются подъ напоромъ грубой, безчестной и уродливой пяты интернаціональнаго капитализма. Та борьба, съ которой міръ нынѣ столкнулся не есть разрѣшеніе спора между одной идеалогіею, которая постепенно пересиливаетъ другую; это не столкновеніе между моральными понятіями; это также не поединокъ между однимъ высокимъ принципомъ, который добивается преобладанія надъ другимъ. Человѣчество переживаетъ нынѣ борьбу на жизнь и смерть между мускулами и умомъ, между мечомъ и перомъ, между анархіею и закономъ. Кто побѣдитъ?

Сила постепенно стала источникомъ бытія. Исторія послѣднихъ десятилѣтій знаменуетъ собою методическое пониженіе моральныхъ устоевъ и медленнаго разложенія политическаго творчества и общественныхъ идеаловъ. Міровая война явилась первымъ доказа-

* Нью-Іорскій совѣтъ американской федеративной коммуны недавно издавалъ листокъ „Вооружайтесь“, который широко распространялся не только въ Нью-Іоркѣ, но и по всѣмъ Штатамъ. Это-призывъ къ вооруженію, обращенный къ „рабочимъ всѣхъ предпріятій“. Заключительный текстъ прокламаціи гласитъ: „...перестаньте быть смиренными, приниженными рабами. *Возстаньте* для войны, пока вы, которые *производите* жизненныя удобства *завладѣете и воспользуетесь* ихъ благами и тогда вы не будете больше имѣть войнъ и кровопролитія, ведомыхъ за капитализмъ, правительства и церкви; подкупная пресса прекратитъ тогда свое существованіе, а на ихъ (?) мѣстѣ будетъ царить новое общество братства, равенства и счастья — Анархическое Коммунистическое Общество.“

тельствомъ тому, что сила, а не право, руководитъ нынѣ современною цивилизаціею. Императоръ Вильгельмъ II передъ началомъ великой драмы первый объявилъ тотъ принципъ, что судьбы современной исторіи рѣшаетъ сила:

„Всякое колебаніе, всякая отсрочка являлась бы измѣною отечеству. Поэтому-впередъ! Къ оружію ... Поэтому-мечъ долженъ все рѣшить*!

Большевизмъ, какъ факторъ въ международной политикѣ, является лишь второю ступенью этого полнаго драматичности процесса. Далѣе мы увидимъ, что онъ самъ въ себѣ носитъ бациллъ разложенія. Такимъ же образомъ, какъ ученіе Гегеля устанавливаетъ знаменитую философическу тріаду: тезисъ, антитезисъ и высшій синтезисъ, — такъ же точно, мы въ настоящихъ условіяхъ видимъ, что принципъ силы, который въ себѣ заключаетъ отрицаніе мыслей — ума, постепенно эвольвируетъ въ слабость, каковая является антитезисомъ силѣ. Воинствующій большевизмъ ведетъ партизанскую войну не только съ буржуазной идеологіей, но совсякой идеологіей вообще. Въ теченіе трехъ лѣтъ совѣтскій режимъ въ Россіи уничтожилъ всѣ вѣками накопленныя наслѣдственныя богатства національной культуры. Это было абсолютное торжество физическаго творчества толпы, торжество, подъ развалинами коего весь мозгъ страны оказался погребенъ. Однако, уже скоро оказалось, что безъ интеллектуальнаго аппарата государство вовсе не можетъ функціонировать, и что національный организмъ, покоющійся исключительно на физической

* Изъ Манифеста Императора Вильгельма II германскому народу въ Берлинѣ 6. аугуста 1914. По вопросу того, что сила становится преобладающимъ въ Западной Цивилизаціи факторомъ см. главы IV и V труда Веніамина Киддъ'а „Наука и Власть“ стр. 107 до 158 Г. П. Путнамъ Сыновья. Нью-Іоркъ 1918 г.

силѣ, выявляетъ условія угрожающаго безсилія, что въ свою очередь приводитъ его къ состоянію полнаго паралича.

А въ то же время, большевизмъ, какъ чума, заразилъ весь міръ вообще. Событія послѣднихъ лѣтъ въ достаточной степени представили доказательствъ тому, что руководящіе верхи не только не были способны успѣшно противостоять демону разрушенія, но даже понять зловѣщее значеніе его работы. Въ виду этого является большимъ вопросомъ, достигнетъ ли наша современная степень развитія третьяго фазиса тріады — высшаго синтеза — или же человѣчество вернется къ варварству, къ царству зоологическихъ формацій, когда обезьянѣ еще разъ суждено будетъ сдѣлаться прообразомъ будущей человѣческой цивилизаціи.

ГЛАВА VI.

Великія событія всегда порождаютъ великія послѣдствія. Крушеніе Россіи ускорило вступленіе въ войну Америки. Не нужно было обладать значительною мудростью, чтобы предвидѣть, что съ фактическимъ выходомъ Россіи изъ войны дѣло Антанты было бы поставлено въ опасное положеніе. Европейскіе государственные дѣятели могли ошибаться по существу революціоннаго движенія въ Россіи, но союзные стратеги не могли имѣть сомнѣній въ томъ, что поднявшаяся политическая и соціальная буря въ Петроградѣ и Москвѣ непремѣнно должна была привести къ ослабленію, а въ концѣ концовъ — къ полному крушенію Западный фронтъ. Слѣдовательно, если въ началѣ войны Антанта удовлетворялась ролью Америки, которая выражалась въ ея нейтральности, въ то время, когда Америка представляла изъ себя коллосальную фабрику снабженія союзниковъ всѣмъ нужнымъ для войны, то послѣ русской революціи западные союзники удовлетвориться доктриною Монроэ уже не могли. Франція и Великобританія понимали, что шелъ вопросъ о ихъ національномъ быть или не быть и естественнымъ съ ихъ стороны являлось не соглашаться съ нейтралитетомъ Америки, который

президентъ Вильсонъ 18 августа 1914 года формулировалъ нижеслѣдующимъ образомъ:

„Соединенные Штаты въ эти дни, служащіе испытаніемъ человѣческой души, должны оставаться нейтральными фактически и номинально. Мы должны оставаться безпристрастными, какъ въ мысляхъ, такъ и въ дѣйствіяхъ, мы должны сдержать свои чувства во всякомъ проявленіи, которое могло бы быть истолковано, какъ предпочтеніе какой-либо изъ борющихся сторонъ."

Послѣ изреченія этихъ словъ случилось многое, испортившее отношенія между Соединенными Штатами и Германіею. Подводная война, которая была поведена адмираломъ Тирпицемъ не только съ государствами Антанты, но также и съ нейтральными, — потопленіе „Лузитаніи", „Арабика" и „Суссекса", поведшее къ гибели столь многихъ жизней американцевъ, значительно натянуло отношенія между Вашингтономъ и Берлиномъ. И дѣйствительно, послѣ потопленія „Арабика", 20 августа 1916 г. графъ Бернсторфъ отправилъ германскому министерству иностранныхъ дѣлъ телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Я боюсь, что на этоть разъ я не буду въ состояніи предотвратить разрывъ, если нашъ отвѣтъ по дѣлу „Арабика" не дастъ полнаго удовлетворенія; я совѣтую снабдить меня инструкціями, могущими немедленно ликвидировать все дѣло. Такимъ образомъ положеніе можеть быть спасено*."

* Графъ Бернсторфъ „Три года, проведенные мною въ Америкѣ" стр. 173 Чарльза Скрибнера сыновья Нью-Іоркъ 1920 г. Послѣ потопленія „Арабика" и „Суссека" Государственный Департаментъ отправилъ Германіи ноту, заключающую слѣдущій ультиматумъ: „Если Императорское Правительство немедленно не объявитъ и не проведетъ въ жизнь отмѣну нынѣшняго метода веденія войны направленнаго противъ пассажирскихъ и коммерческихъ судовъ, то Правительству

Это правда, что кампанія выборовъ президента, въ которой Вильсонъ выступилъ на общественной аренѣ, какъ чемпіонъ американскаго нейтралитета, какъ всемірный миротворецъ, значительно отсрочила неизбѣжный разрывъ между Соединенными Штатами и Центральными Державами. Даже послѣ того, какъ г. Вильсонъ вторично былъ избранъ, онъ все — таки продолжалъ придерживаться своей политики сидѣнія между двумя стульями. 22 декабря 1916 г. онъ совершенно неожиданно сдѣлалъ призывъ воюющимъ странамъ, побуждая ихъ высказаться о конечныхъ цѣляхъ войны, для того, чтобы найти пути къ преждевременному заключенію мира. Этотъ актъ былъ встрѣченъ съ чувствомъ возмущенія въ Англіи и, какъ германофильскій шагъ, — во Франціи.

Комментируя американское предложеніе, графъ Бернсторфъ обрисоваль его слѣдующимъ интереснымъ образомъ:

„Мистеръ Вильсонъ не могъ сдѣлать иного, какъ предать гласности наши планы о мирѣ, а поэтому во всей Америкѣ его шагъ былъ почтенъ, какъ германофильскій. Уже по этому одному онъ произвелъ сенсацію. На Нью-Іорской биржѣ послѣдовало паденіе бумагъ военной промышленности.“

Г. Бальфуръ, отвѣчая отъ имени правительства Его Величества на ноту Вильсона, напомнилъ правительству Соединенныхъ Штатовъ, что Германія и Австрія, посягнувъ на права маленькой націи, сдѣлали эту войну неизбѣжной и что ихъ первоначальныя побѣды явились результатомъ нарушенія соглашенія, гарантирующаго Бельгіи нейтральность.

Соединенныхъ Штатовъ не останется иного выбора, какъ совершенно порвать дипломатическія сношенія съ Германскою Имперіей.“

Отказъ Европы отъ посредничества ничуть не измѣнилъ отношенія Вильсона къ европейскимъ дѣламъ. И только лишь рѣзкая нота Германіи отъ 31 января 1917 г., возвѣстившая возобновленіе безпощадной подводной войны, подготовила окончательно почву для разрыва дипломатическихъ сношеній между Вашингтономъ и Берлиномъ. Г. Лешартье, въ своей интересной книгѣ „Дипломатическія интриги въ Вашингтонѣ“ справедливо отмѣчаетъ, что это было серьезнымъ намѣреніемъ президента Вильсона играть ту же роль въ европейскомъ конфликтѣ, какую Рузвельтъ сыгралъ въ Русско-Японской войнѣ*.

Другими словами, никто не былъ въ состояніи предвидѣть, по какой линіи сопротивленія пошли дѣйствія Америки, не будь бы сопротивленіе Россіи сломлено измѣною революціи. Однако, съ отъѣздомъ графа Бернсторфа въ Германію, главный фокусъ германофильскаго вліянія въ Вашингтонѣ испарился. Новая подводная программа, принятая Германіею, фактически заперла американскій торговый флотъ въ гаваняхъ. При этихъ обстоятельствахъ для Америки стало вопросомъ національной чести измѣнить свою нейтральную позицію, перейдя на сторону Антанты, какъ равный партнеръ въ борьбѣ за общее дѣло.

Долгожданное объявленіе войны Соединенными Штатами пришло лишь 2 апрѣля 1917 г. Обращеніе президента Вильсона въ соединенномъ засѣданіи обѣихъ Палатъ Конгресса было съ облегченіемъ принято прессою и вообще публикой, съ чувствомъ благодарности и удовлетворенія по поводу того, что Америка вошла въ войну, хотя и въ одиннадцатый часъ.

* Сравните Ж. Лешартье „Дипломатическія Интриги въ Вашингтонѣ (1914—1917) стр. 248. Плонъ-Нурри и К. изд. Парижъ 1919 г.

Публика не обратила большого вниманія на смыслъ, вложенный Вильсономъ въ слова объявленія войны потому, что было принято вѣрить тому, что главная суть была выполнена и что Китайская стѣна между Америкою и потустороннимъ міромъ пала.

Это было время великихъ надеждъ, розоваго оптимизма, безнадежнаго идеализма, великихъ словъ, которыя, какъ этому вѣрили, должны были претвориться въ великія дѣла. Увы! Торжественныя обѣщанія оказались забытыми, до великихъ дѣлъ не дошло никогда . . .

Если бы люди обратили болѣе вниманія на существо, заключавшееся въ объявленіи, они бы увидѣли, что въ самомъ поводѣ, благодаря коему Америка вступила въ воюющіе ряды, заключалось нѣчто по существу своему безнадежно неправильное; они бы убѣдились, что въ немъ содержатся, хотя и въ зачаточной формѣ, всѣ трагическія черты смѣшенія основныхъ понятій, которыя приняли чудовищные разѣмры въ Мирной Конференціи.

Въ этомъ историческомъ документѣ заключалось все, что дѣлало побѣду въ Европѣ невозможною и что должно было оставить Европу безъ мира, послѣ томительныхъ лѣтъ войны. Бациллы интернаціональнаго расчлененія были характерными его чертами. Ему былъ присущъ смертельный ядъ болѣзни, долженствующій подорвать твердыя основы политической структуры, а скрытъ онъ былъ въ складкахъ автократической тоги мірового диктатора, каковую роль претендовалъ въ своемъ тщеславіи разыгрывать Вильсонъ. Случайнаго въ его объявленіи не было ничего; стиль его совершененъ. Чувствуется, что каждое слово взвѣшено въ этомъ образцѣ политическаго краснорѣчія. Каждая мысль, въ немъ заключенная, явилась предметомъ глубокаго обдумыванія. Каждый вложенный въ него принципъ являлся пред-

намѣреннымъ отрицаніемъ твердо установившихся традицій и вѣрованій современной цивилизаціи. Мы должны вспомнить, что традиціи эти покоились на *національномъ* основаніи, въ противовѣсъ туманному понятію *интернаціонализма* и массонскаго представленія объ универсальномъ братствѣ.

Первый признакъ, который останавливаетъ вниманіе того, кто изучаетъ этотъ документъ, это то, что война не была объявлена Германіи. Вильсонъ зашелъ столь далеко, что увѣрялъ, что американскій народъ не имѣлъ *„никакой ссоры съ германскимъ народомъ“*, что онъ не питалъ *„никакого иного чувства къ нему, какъ только симпатіи и дружды.“* Это утвержденіе было діаметрально противоположно тѣмъ побужденіямъ, ради которыхъ взялись за оружіе Россія и Франція. У нихъ именно *ссора* была причиною вражды. Франція и Россія подпали чувству иноплеменнаго соціальнаго и политическаго иномыслія по отношенію къ германскому народу, но во всей многогранности переживаемыхъ ощущеній, несомнѣнно, отсутствовало одно, а именно — симпатіи и дружбы. Помимо всего прочаго, для Франціи и Россіи война съ Германіей была мѣрою національной защиты, національнымъ дѣломъ въ полномъ смыслѣ слова. Какъ Франція, такъ и Россія отлично понимали, что автократическую Германію поддерживаетъ не только вся напія, но и каждый нѣмецъ въ отдѣльности. Для тѣхъ государствъ, которыя были въ близкомъ контактѣ съ германскимъ царствомъ, никогда не приходилосъ сомнѣваться въ одной или другой партіи, правившей германской имперіей, ибо государства эти отлично знали, что любая, стоявшая во главѣ управленія страной, была факторомъ второстепеннаго значенія въ томъ курсѣ политики, которому слѣдовала германская нація въ широкомъ смыслѣ слова. Какъ Франція, такъ и Россія были

отлично освѣдомлены въ томъ, что каждый мужчина или женщина, начиная съ самого Кайзера и кончая самымъ скромнымъ членомъ соціалъ-демократической партіи, были дружно объединены общею программою мірового владычества, намѣченной германскими людьми науки, поддержанной германскими финансистами, которые въ свою очередь опирались на германскую армію, бывшую предметомъ восхищенія всего народа.

Въ глазахъ же г. Вильсона всѣ европейскіе раздоры сводились не далѣе, какъ къ недоразумѣнію двухъ образовъ правленія — демократическаго и автократическаго; какъ-будто бы весь германскій вопросъ могъ бы быть разрѣшенъ простымъ смѣщеніемъ Кайзера Вильгельма II, и замѣною его господиномъ Эбертомъ; какъ-будто бы національная психологія могла быть измѣнена одною лишь смѣною лицъ правящихъ. Въ этомъ то и заключается важная ошибочность, лежащая въ основѣ разсужденій Вильсона. Онъ былъ ослѣпленъ академическою, безжизненною теоріею, исходя изъ коей, онъ полагалъ возможнымъ разрѣшить европейскій вопросъ и даже міровой кризисъ.

Согласно представленіямъ Вильсона, достаточно установить республику въ Китаѣ, какъ на слѣдующій же день онъ перестанетъ быть таковымъ, забудетъ свои національныя традиціи и станетъ демократическою страною. Далѣе, согласно этой теоріи, все доброе и злое, что проявляется данною страною всецѣло обязано опредѣленному образу правленія. Подобное узкое одностороннее понятіе характерно для всей программы Вильсона.

Это убѣжденіе подтверждаетъ и дальнѣйшая выдержка изъ обращенія президента отъ 2 апрѣля 1917 г. Касаясь отношенія германскаго народа къ войнѣ, онъ говоритъ:

„Это не по его побужденію поступало его правительство, вступая на путь войны. Это произошло безъ предварительнаго ознакомленія его или одобренія."

Другими словами, если бы германскій Кайзеръ, ранѣе объявленія войны, посовѣтовался бы съ Рейхстагомъ, — то въ такомъ случаѣ германскій народъ могъ бы стать отвѣтственнымъ за возникновеніе европеиской катастрофы. Но, въ виду того, что единогласное голосованіе за войну, произведенное Рейхстагомъ, произошло на одинъ день позже объявленія войны, то германскій народъ перестаетъ нести отвѣтственность за преступленіе въ возникновеніи міровой войны.

Это ошибочное представленіе въ дальнѣйшемъ получило послѣдующее развитіе со стороны г. Вильсона, когда онъ заявилъ:

„Намъ тѣмъ легче является возможность стать воюющею стороною, въ высокомъ сознаніи правоты и чистой совѣсти, ибо мы дѣйствуемъ не въ возбужденіи и враждебности по отношенію къ народу и безъ жеданія принести ему вредъ или невыгоду, но въ одномъ сознаніи — противустать во всеоружіи безотвѣтственному правленію, которое идетъ очертя голову, позабывъ всѣ условности человѣчности и права."

Въ этихъ утвержденіяхъ узкая политическая точка зрѣнія затемняетъ широкую историческую и національную перспективу. Въ дѣйствительности весь смыслъ Вильсоновыхъ изреченій сводится къ тому, что Америка будетъ принимать участіе въ міровой войнѣ и оставаться „однимъ изъ чэмпіоновъ по защитѣ правъ человѣчества" лишь до тѣхъ поръ, пока германскій Кайзеръ останется у власти. Если бы онъ отрекся на слѣдующій, послѣ обращенія Вильсона день, Америка была бы обязана отказаться отъ

чэмпіоната по защитѣ правъ человѣчества. То обстоятельство, что весь вопросъ, согласно умозаключенію Вильсона, является не болѣе, чѣмъ простымъ политическимъ недоразумѣніемъ, подтверждается другимъ замѣчательнымъ параграфомъ того же обращенія:

„Прочное сообщество для достиженія мира можетъ быть достигнуто не иначе, какъ при томъ условіи, что оно будетъ состоять изъ демократическихъ народовъ. Никакому автократическому правительству въ его средѣ не можетъ быть оказано довѣрія или предоставлено право договориться."

Гдѣ факты, которые бы подтверждали это утвержденіе. Не была ли автократическая Россія вѣрна договору, установившему союзъ съ Франціей. Не была ли автократическая Японія вѣрна въ соблюденіи своего соглашенія съ Англіею, когда она вступала въ войну въ рядахъ Антанты. И не была ли Императорская Россія также „однимъ изъ чэмпіоновъ по защитѣ правъ человѣчества", когда она принесла на алтарь общаго дѣла Антанты семь милліоновъ русскихъ жизней. На этотъ послѣдній вопросъ Вильсонъ далъ удивительный отвѣтъ. Касаясь революціонныхъ событій въ Россіи, президентъ, прибѣгнувъ къ выявленію высшаго ораторскаго пафоса, воскликнулъ:

„Не чувствуетъ ли каждый американецъ увѣренность, прибавившуюся къ нашей надеждѣ на будущій всеобщій миръ тѣми чудесными и воодушевляющими событіями, которыя случились за послѣднія недѣли въ Россіи . . . Автократія, возглавлявшая вершину своей политической структуры, за время своего существованія, въ ужасной силѣ, которой она въ дѣйствительности обладала, — не имѣла ни русскаго происхожденія, ни характера ни намѣренія, — теперь се стряхнули и великій, благородный русскій народъ

прибавился, во всемъ своемъ наивномъ величіи и мощи къ силамъ, которыя сражаются нынѣ за свободу міра, за право и за миръ. Это дѣйствительный членъ Лиги Чести."

Вышеприведенное утвержденіе достойно уровня политической мудрости князя Львова и Керенскаго; тѣмъ не менѣе, это догматическое убѣжденіе въ дальнѣйшемъ руководило отношеніемъ Вильсона въ его позиціи по русскому вопросу. Весь хаосъ, въ отношеніяхъ Антанты къ Россіи, во время Мирной Конференціи и послѣдовавшее послѣ ея, явились слѣдствіемъ той ложной теоріи Вильсона, также сильно поддержанной Ллойдъ Джорджемъ, что демократіи родятся изъ пепла революціоннаго разрушенія, что онѣ являются результатомъ анархическихъ толчковъ скорѣе, чѣмъ процессъ возникновенія на основаніи политической эволюціи. Для профессора исторіи, каковымъ былъ Вильсонъ, допущеніе такой ошибки едва ли объяснимо.

Возможно, что г. Вильсонъ не впалъ бы въ такую ошибку, если бы онъ не былъ склоненъ къ ней однимъ изъ его еврейскихъ совѣтчиковъ, который могъ не имѣть вражды къ германскому народу, но который непремѣнно питалъ таковую къ русскому народу. Необходимо вспомнить, что въ то время Бѣлый Домъ былъ наводненъ такими господами, какъ Бернардъ Борухъ, Юстъ Брандейсъ, Людвигъ Маршаллъ, Варбурги и другимъ американскимъ и интернаціональнымъ еврействомъ. Возможно также, что подъ ихъ вліяніемъ г. Вильсонъ пренебрегъ національной платформой, промѣнявъ ее на туманные интернаціональные идеалы. Война, имъ объявленная, не была войною противъ Германіи; это была битва съ Кайзеромъ который, однако, былъ не болѣе отвѣтственъ за возникновеніе европейскаго конфликта,

чѣмъ его министры, его соціалисты, его офицеры арміи, его священники, его ученые.

Г. Вильсонъ не желалъ также видѣть побѣду, какъ конечный итогъ міровой распри, хотя въ своемъ обращеніи въ соединенномъ засѣданіи обѣихъ Палатъ онъ не употребилъ прямо фразы: „миръ безъ побѣды", однако, онъ прибѣгъ къ словамъ, носившимъ едва прикрытую разницу этого лозунга:

„Мы рады; видя теперь факты безъ ихъ лицемѣрнаго прикрытія, сражаться такимъ образомъ за конечный миръ всего свѣта, *за свободу его народовъ, включая сюда и германскій народъ,* за права національностей малыхъ и большихъ и за привилегію людей повсемѣстно строить свою жизнь, согласно ихъ желанію. Свѣтъ долженъ стать охранителемъ развитія демократіи; его миръ долженъ покоиться на испытанныхъ основахъ политической свободы ... Мы не хотимъ завоеваній, ни владычества. Мы не ищемъ возмѣщенія убытковъ для самихъ себя, ни матеріальной компенсаціи за тѣ жертвы, которыя мы несемъ со свободной душой. Мы только являемся однимъ изъ чэмпіоновъ по защитѣ правъ человѣчества.

Какъ французскій „poilus", такъ и русскій казакъ были бы чрезвычайно озадачены, если бы кто-нибудь попытался ихъ убѣдить въ томъ, что они сражались за свои родныя земли, не ради защиты ихъ родины, и не за цѣлость своихъ семей, а за свободу германскаго народа. Если бы президентъ потрудился ознакомится съ тѣмъ непреклоннымъ духомъ, который царилъ въ то время въ средѣ окопныхъ бойцовъ, онъ бы убѣдился, что среди нихъ, дѣйствительно дѣлающихъ исторію, жертвующихъ своими жизнями, въ общемъ дѣлѣ Антанты, не было ни малѣйшаго желанія сражаться за свободу германскаго народа, а наоборотъ, было страстное стремленіе сокрушитъ германскую націю со всѣми ея Кайзерами, Эбертами,

соціалистами и банкирами, со всѣми ея успѣхами на поприщѣ „культуртрегерства“, однимъ изъ высшихъ проявленій коего являлось разрушеніе Лувена и Реймскаго собора. Французъ, русскій, англичанинъ, воюя съ Германіей, сражался съ рѣшимостью добиться компенсаціи, стремась къ завоеванію и владычеству. Въ ихъ психологическихъ переживаніяхъ отсутствовало стремленіе къ универсальному братству.

Несмотря на всю автократическую властъ, которую Императоръ Николай II проявилъ въ августѣ 1914 г., несмотря на всю преданность демократическимъ принципамъ, которую Франція проявляла до и послѣ возникновенія европейской войны, это бы явилось невозможнымъ какъ для Царя Россіи, такъ и для президента Франціи понудить свои народы взяться за оружіе для свободы народовъ всего міра „включая сюда и германскій народъ.“

Было бы совершенно невозможно этимъ *національнымъ правителямъ* пойти столь далеко, чтобы требовать отъ своихъ гражданъ и подданныхъ подвергнуться безконечнымъ лишеніямъ для того, чтобы помочь демократически устроиться народу Гаити. Эти автократическіе и демократическіе правители въ добрыя старыя времена, прежде всего, были правителями *національными*. Никто бы изъ нихъ не имѣлъ достаточно смѣлости понудить своихъ соотечественниковъ рисковать цѣлостью ихъ страны для того, чтобы „охранить демократію“ міра.

Когда въ 1849 г. Императоръ Николай I отправилъ небольшія экспедиціонныя силы для подавленія бунта въ Венгріи противъ Габсбурговъ, его дѣйствія единодушно и горько раскритиковалъ самъ русскій народъ.

Идея интернаціонализма можетъ быть прекраснымъ моральнымъ или политическимъ понятіемъ, но она была совершенно чужда умамъ воюющихъ наро-

довъ. Тотъ странный способъ, какимъ Америка вошла въ войну, тотъ сомнительный путь, который она избрала по отношенію ко всѣмъ воюющимъ, одинаково относящимся какъ къ Антантѣ, такъ и къ Германской группѣ, радикально измѣнилъ весь обликъ войны, бросая фальшивый свѣтъ на коренныя національныя стремленія тѣхъ, кто оказался втянутъ въ конфликтъ. Въ. „II-мъ часу“ Америка неожиданно взяла на себя роль мірового арбитратора, не справившись даже о мнѣніи истекающей кровью Европою и не раздѣливъ всѣ тяготы міровой войны.

Возможно, что если бы Россія не была подорвана революціей и, если бы весеннее наступленіе 1917 г. было бы проведено такъ, какъ было задумано русскимъ главнымъ командованіемъ, и если бы вступленіе Америки въ войну съ стратегической точки зрѣнія не было необходимо, — то воюющіе союзники не согласились бы съ тѣми условіями, которыя были имъ внушены президентомъ Вильсономъ. Но союзники были истощены, крушеніе Россіи было неминуемо, людской составъ во Франціи былъ совершенно использованъ, подводная же война значительно ухудшила условія Англіи, денежные и валютные рынки Антанты были поколеблены и возможность закупокъ въ Америкѣ становилась все затруднительнѣе для союзниковъ. И въ самомъ дѣлѣ, Европѣ не было иного выхода, какъ принять американскія условія въ томъ видѣ, въ какомъ представилъ должнымъ образомъ избранный ея президентъ.

Идеи иногда болѣе заразительны, чѣмъ бациллы чумы. Иногда достаточно объявить идею ложною и зловредною въ своемъ существѣ, но которая подходитъ потревоженному уму человѣчества, чтобы весь свѣтъ началъ проповѣдывать ошибочную идею, не вникая даже въ ея настоящее значеніе, не стараясь осознать ея истиннаго значенія и разрушительныя

послѣдствія, изъ нея вытекающія. Психологія удѣлила много вниманія этой особенной разновидности массоваго помѣшательства; было найдено, что эта болѣзнь поражаетъ человѣческія массы въ эпохи лишеній, физическихъ и моральныхъ страданій, которыя выводятъ изъ равновѣсія какъ нервную систему, такъ и умственныя способности человѣчества. Эта болѣзнь опредѣленно принадлежитъ къ числу заразительныхъ. Мозгъ индивидума-носитель бациллы; отсюда болѣзнь темными лучами распространяется съ одного индивидума на другого, съ одной людской группы на другія отдаленныя группы, поражая, иногда, въ значительной степени идеологію доселѣ здравыхъ умственно и физически людей.

Идеи, провозглашенныя Вильсономъ, носили всѣ зародыши вышеприведенной болѣзни. Народы Европы и Америки приняли его формулы чисто телепатическимъ образомъ, безъ того, чтобы подвергнуть испытанію или провѣркѣ здравость ихъ политическаго значенія или исторической цѣнности.

И дѣйствительно, въ чемъ же состояло внутреннее значеніе или практическая цѣнность столь много остановившаго на себѣ вниманія названія „демократія“. Демократія, какъ и всякая другая форма соціальной структуры, принимаетъ различныя формы и теченія въ своемъ развитіи. Демократическіе идеалы Америки имѣютъ весьма мало общаго съ демократическими привычками Франціи. Патріархальныя формы Швейцарской демократіи совершенно чужды агрессивнымъ имперіалистическимъ цѣлямъ британской демократіи. И даже среди одной расовой группы, демократическія теоріи и привычки весьма различны. Если провести параллель между структурой австрійскаго обычнаго права, главнымъ образомъ являющагося промышленнымъ демократизмомъ, и съ другой стороны между чисто британскими представленіями о

парламентаризмѣ, — то безъ сомнѣнія выяснится, что оба идеала находятся не только въ гармоніи между собой, но, вѣроятно, — значительно разнятся. Такимъ образомъ формула „свѣтъ долженъ стать охраной демократіи“ въ дѣйствительности является ничѣмъ инымъ, какъ безсодержательной фразой, не имѣющей ни историческаго, ни политическаго вѣса. Но формула эта является, однако, лозунгомъ, разъ она способна заставить слѣдовать за собой и убѣдить необразованныхъ людей въ томъ, что возможно найти объединяющее вселенную знамя, подъ сѣнью котораго возможно разрѣшить безчисленныя затрудненія, которыя возникли изъ экономическихъ потрясеній и умственныхъ броженій, господствующихъ вовсѣхъ странахъ. Поверхностный умъ вдохновляется идеей возможности изобрѣтенія универсальной панацеи и ея установленія, которое бы простымъ, однообразнымъ и удобнымъ способомъ разрѣшило бы важнѣйшія задачи текущаго дня. Далѣе, эта безжизненная и по существу своему антидемократическая формула, ибо она не принимаетъ во вниманіе врожденныхъ психологическихъ воззрѣній, историческихъ особенностей и специфическаго „я“ различныхъ націй, которыя призваны воспринять универсальную панацею. Она искусственно сокращаетъ блестящее развертываніе индивидуальности, что есть жизнь, и внѣ которой лишь небытіе и холодящія судороги смерти. Съ высоты своего Олимпа Вильсонъ стремился установить политическую теорію, предположенную удовлетворить массы, а въ то же время, ихъ разсматривали не болѣе, какъ стадо овецъ, весь же комплексъ ихъ соціальныхъ переживаній, ихъ національнаго темперамента былъ сознательно отброшенъ и преднамѣренно оставленъ въ пренебреженіи. Со страннымъ упрямствомъ Вильсонъ цѣплялся за свое рѣшеніе навязать свою автократическую волю всему остальному свѣту, со-

вершенно не считаясь съ тѣмъ, къ какому бы отсутствію спокойствія это привело все человѣчество.

Подчиненіе всѣхъ націй одному знамени, выброшенному Вильсономъ заключало въ себѣ очевидный умыселъ предотвратить войны въ будущемъ. Или, другими словами, въ установленіи вѣчнаго мира. Это было стремленіемъ маніака, ибо идея вѣчности, приложенная къ человѣческому общенію, сама по себѣ безнадежно ошибочна. Несмотря ни на какіе договоры, несмотря на установленіе различныхъ лигъ и союзовъ, не зависимо отъ того, какія разъясненія имъ преданы — жизнь беретъ свой собственный независимый путь, который покоится на совокупности основъ исторіи, психологіи, механики и экономики. Кромѣ того, какъ правильно отвѣчаетъ профессоръ Чарльзъ Саролеа, было заблужденіемъ утверждать, что: „Прочное сообщество для достиженія мира можетъ быть достигнуто не иначе, какъ при томъ уловіи, что оно будетъ состоять изъ демократическихъ народовъ.“

Касаясь этого тезиса, профессоръ Саролеа сказалъ:

„Большинство демократій извѣстны тѣмъ, что они болѣе и, во всякомъ случаѣ, не менѣе агрессивны, чѣмъ монархіи. Французская демократія 1793 г. была, конечно, не менѣе агрессивной, чѣмъ монархія Людовика XV. Германская демократія 1848 г. была не менѣе задорна, чѣмъ монархія Фридриха Вильгельма IV; вѣдь первымъ вопросомъ Франкфуртскаго парламента являлось не о свободѣ, а объ аннексіи Шлезвигъ-Гольдштейна. Русская революція текущихъ дней, конечно, не идетъ рука объ руку съ мирнымъ сожительствомъ“ *.

Можно добавить, что миролюбивая автократія Александра III была значительно менѣе агрессивной,

* Чарльзъ Саролеа Р. Д. „Европа и Лига Націй“, стр. 118, Дж. Бэллъ и С. изд. Лондонъ 1919 г.

чѣмъ воинственное поведеніе Британской Имперіи, которая столѣтіями добивалась мірового владычества и гордостью коей было то обстоятельство, что въ ея границахъ солнце никогда не заходитъ. Польская демократія, созданная на дрожжахъ Парижской Мирной Конференціи, понятно, лелѣетъ болѣе имперіалистическіе замыслы, чѣмъ таинственный Китай, который, находясь въ продолженіи болѣе, чѣмъ десяти столѣтіи, подъ властью автократическихъ правителей, поддерживалъ, даже болѣе, чѣмъ Америка, основные принципы доктрины Монрое.

Ошибочность существа предпосылокъ, положенныхъ въ основаніе всей постройки Вильсона, состоитъ въ томъ, что эволюціонно-историческій принципъ замѣненъ догматомъ, который не подтверждается фактами и удѣльнымъ вѣсомъ конкретной дѣйствительности. Въ конечномъ анализѣ принциповъ Вильсона, они могутъ быть отнесены къ невысокому понятію его личнаго политическаго вкуса, съ каковымъ не гармонируетъ его персональная любовь къ монархической структурѣ европейскихъ государствъ, столь различная отъ республиканскаго идеала Америки. Однако, какъ монархія, такъ и республика, имѣютъ свои хорошія и дурныя черты. Одна монархія не всегда схожа съ другой, точно такъ же, какъ то же можное сказать и про республики. Было бы пустой тратой времени обсуждать относительное преимущество одной политической формы правленія передъ другой. Даже въ томъ случаѣ, если бъ универсальная панацея теоретически и была бы возможна, то все-таки мудрая политика скорѣе бы приспособилась къ національнымъ особенностямъ, какъ средству, которымъ надобно воспользоваться, чѣмъ къ тѣмъ элементамъ, которые служатъ началомъ, сокращающимъ особенности чуждыхъ по національному духу племенъ.

Какъ бы туманно ни было формулировано Вильсономъ его credo въ обращеніи отъ 2 апрѣла 1917 г., тѣмъ не менѣе психологическое его воздѣйствіе на весь міръ неоспоримо.

Народы Европы приняли Вильсоновъ догматъ не потому, что они обдуманно разстались со своими національными идеалами, но лишь на основаніи одного предположенія, что формула „міръ долженъ стать охраной демократіи“ приведетъ къ концу ихъ страданію. Когда въ дальнѣйшемъ его воззрѣнія были развиты въ его „Четырнадцати Пунктахъ“, распространились слухи, что отвѣственные круги союзныхъ странъ остались ими разочарованы. Графъ Чернинъ особенно останавливаетъ свое вниманіе на этомъ въ своихъ мемуарахъ:

„Отправленная ко мнѣ изъ странъ Согласія секретная информація оказалось подтверждала, что „Четырнадцать Пунктовъ“ были составлены безъ соглашенія съ Англіей, Франціей и Италіей*.“

Первая заповѣдь морали гласитъ:

„Пункты мирнаго договора должны быть заключены явно, послѣ заключенія каковыхъ, навѣрное, прекратятся частныя или правительственныя международныя дѣйствія всякаго рода, кромѣ продолженія открытыхъ и въ публичныхъ интересахъ дѣйствій дипломатіи“, — что являлось открытымъ отказомъ отъ всѣхъ международныхъ соглашеній, заключенныхъ до сихъ поръ воюющими державами. Лондонскій договоръ 26 апрѣля 1915 г., о каковомъ уже было упомянуто раньше, этимъ былъ также обезцѣненъ и цѣли войны Италіи были также поставлены на карту. Съ другой стороны, условія, заключенныя въ пунктѣ пятомъ, касаясь „свободнаго, открытаго и абсолютно безпри-

* Графъ Чернинъ „Въ Міровой Войнѣ“, стр. 211, Гарнеръ и бр., Нью-Іоркъ, 1920 г.

страстнаго урегулированія всѣхъ требованій колоній", если разсматривать его, какъ практическое основаніе будущаго мирнаго рѣшенія, то оно не можетъ быть оцѣнено иначе, какъ германофильскій шагъ. Точно также призывъ къ устраненію всѣхъ экономическихъ барьеровъ, а также къ установленію равенства торговыхъ условій для всѣхъ націй, было разсмотрѣно, какъ козырь, данный германскимъ дипломатамъ въ будущемъ веденіи мирныхъ переговоровъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Центральныя Державы немедленно заявили о своемъ согласіи съ американскимъ мирнымъ предложеніемъ и основными принципами, заключенными въ „Четырнадцати Пунктахъ". Въ концѣ концовъ, поэтому нечего удивляться, что Германія оказалась болѣе на сторонѣ Виьсона, чѣмъ сама Америка.

Несмотря на все казуистическое превосходство „Четырнадцати Пунктовъ", опытные государственные умы, какъ напримѣръ, Клемансо и Орландо, не могли не примѣтить серьезную опасность, если бы имъ пришлось быть осуществленными. Италія, можетъ быть, болѣе, чѣмъ какая бы то ни было другая страна, имѣла оправданія въ принятіи своей серьезной позиціи къ „Четырнадцати Заповѣдямъ". Неопредѣленность, выказанная по отношенію къ этой странѣ и къ исправленію ея границъ, „долженствующихъ быть проведенными по ясно опознаннымъ національнымъ чертамъ", по существу своему ровно ничего не значила. Въ то же самое время, первый изъ „Четырнадцати Пунктовъ" не могъ быть иначе разсмотрѣнъ, какъ открытый вызовъ, направленный къ рѣшеніямъ Лондонскаго договора. При такихъ обстоятельствахъ было совершенно невозможно избѣжать тѣ спорныя противорѣчія между Вильсономъ и Орландо, которыя возникли на Мирной Конференціи. Пусть Лондонское соглашеніе было несправедливо,

пусть требованія Италіи были чрезмѣрны, но во взякомъ случаѣ они были совершенно ясно опредѣлены, въ то время, какъ термины: „ясно опознанныхъ чертъ національности“ грозили вызвать безконечныя недоразумѣнія по отношенію къ будущему установленію національныхъ границъ Италіи.

Для Клеманско вся программа Вильсона, цѣликомъ, имѣла значеніе или цѣну постольку, поскольку она непосредственно касалась судьбы Франціи. Основное условіе Вильсона-въ установленіи Лиги Націй — никог да — не было любимымъ дѣтищемъ Клемансо. Правда, онъ согласился съ нею, какъ согласились съ нею и другіе государственные люди Франціи. Однако, согласіе на признаніе было лишь дано при тѣхъ условіяхъ, что, какъ подразумѣвалось, это будущее интернаціональное лицо дастъ гарантіи территоріальнаго невмѣшательства не „великимъ и малымъ государствамъ одинаково“, а Франціи и только Франціи. Пока имѣлась надежда, что договоръ Лиги Націй установитъ такія гарантіи, — Клемансо готовъ былъ присоединиться къ „интернаціоналу“ Вильсона. Съ того момента, однако, какъ эта надежда исчезла, Клемансо и французскій народъ въ широкомъ смыслѣ слова отвернулись отъ Лиги Націй, программы Вильсона и самого Вильсона. Смѣются надъ Ирландіей, что она никогда не знаетъ, чего она хочетъ, и никогда не можетъ стать счастливой, ибо всегда его (нѣчто) добивается. Ни въ коемъ случаѣ не можетъ это относиться къ Франціи: она всегда знаетъ, чего она хочетъ, и была права въ своемъ убѣжденіи, что она никогда не станетъ счастливой, пока не добьется своего. Вся философія міровой войны для Франціи заключалась въ главномъ вопросѣ, будетъ ли разбита Германія, или нѣтъ, будетъ ли ея пораженіе таковымъ, что третья Франко-Прусская война станетъ невозможной.

Вильсонъ смотрѣлъ на жизнь вообще, а на человѣческія отношенія въ частности черезъ призму академическаго идеализма. Иногда ему приходилось употреблять микроскопъ, иногда телескопъ, но никогда не рѣшался онъ столкнуться съ жизнью безъ помощи обоихъ. Франція была въ непосредственномъ соприкосновеніи съ Германіей; каждая страна знала другую до мельчайшихъ подробностей и ихъ взаимное познаніе другъ друга исключало возможность разрѣшить ихъ историческую ссору академическимъ путемъ.

Клемансо имѣетъ особенный умъ, его умственный кругозоръ скорѣе ограниченъ. Онъ отказывается парить въ абстрактныхъ высотахъ теоретическихъ высей. Его крестьянскій разумъ заставляетъ его terre à terre твердо придерживаться сырыхъ земель Великобританіи, но, что онъ знаетъ, то знаетъ это уже основательно . . Среди другихъ вещей, которыя онъ понималъ опредѣленно было то, что миръ безъ побѣды равнозначущъ побѣдѣ безъ мира, и, что копромиссъ съ Германіей, раньше или позже — скорѣе раньше, чѣмъ позже — приведетъ къ другому Франко-Прусскому конфликту, который можетъ оказаться фатальнымъ для Франціи. Онъ былъ вполнѣ въ курсѣ дѣла, что разрѣшить германскій вопросъ на половину, означаетъ не разрѣшить его вовсе. Для Вильсона былъ выборъ между Франціей и Германіей; для г. Клемансо такой дилеммы не существовало. Вильсонъ приготовился распространить свои симпатіи какъ на Францію, такъ и на Германію, ибо, въ концѣ концовъ, онъ не питалъ любви ни къ одной, ни къ другой. Для Клемансо любовь къ Франціи была столь же естественна, какъ ненависть къ Германіи. И потому, что онъ точно зналъ, чего онъ хочетъ и чего онъ не хочетъ, — его отношеніе къ „Четырнадцати Пунктамъ“ и ко всей философіи Вильсона, вообще, было всегда подозрительнымъ.

Что касается Великобританіи, то ея позиція въ міровомъ конфликтѣ и ея отношеніе къ способамъ его разрѣшенія были нѣсколько иными. Въ то время, когда конечный итогъ былъ уже достижимъ, новая сила выросла въ ея средѣ — сила организованнаго труда. Съ самаго начала войны Ллойдъ Джорджъ льстилъ Уайтчапель'у, расточая хвалы ручному труду. Онъ всегда подчеркивалъ, что побѣда Англіи въ полной зависимости отъ британскаго труда. Англійскіе рабочіе были достаточно собразительны, чтобы при случаѣ воспользоваться подходящей политической обстановкой для использованія ея въ своихъ цѣляхъ. Организація „тройственнаго союза", который является смѣшанной организаціей шахтеровъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ, причастныхъ къ другимъ видамъ транспорта, возглавляемаго Смиллай'емъ заключала въ себѣ дѣйствительную угрозу британскому народу въ широкомъ смыслѣ слова. Онъ сталъ государствомъ въ государствѣ, сталъ силою, которая распространяла свое вліяніе не только на дѣла, касающіяся положенія рабочихъ, но также на англійскую внѣшнюю политику Люди безъ историческихъ традицій, безъ какой-нибудь созидательной программы, выплыли поверхъ въ политической жизни Англіи. Они диктовали свою собственную политику, ими изобрѣтенную. Принципы радикализма и индустріализма столкнулись съ принципами порядка старо-принятаго парламентаризма. Консервативныя традиціи британскаго трэйдъюніонизма прежнихъ временъ были оставлены, строжайшее присоединеніе британскаго труда къ національной платформѣ и длительный путь здраваго смысла, которому онъ слѣдовалъ были принебрежены, которые онъ замѣнилъ дешевыми лозунгами интернаціональнаго братства, которые стали основою интернаціонализма въ его „правомъ" развѣтвленіи.

Цѣли войны Британскаго Труда, принятыя въ

особой Національной Рабочей Конференціи 28 декабря 1917 г., во многихъ отношеніяхъ сходны съ деклараціей президента Вильсона. Уже одинъ тотъ фактъ, что Британскій Трудъ имѣлъ свои собственныя цѣли, отличныя отъ всей остальной націи, являлся показателемъ соціальнаго положенія, преобладающаго въ Англіи. Знаменательно, что почти тѣ же пункты, которые были подняты президентомъ Вильсономъ въ его обращеніи къ Конгрессу 8 января 1918 г., были перечислены въ деклараціи Британскаго Труда. Даже текстуально англійскій документъ практически одинаковъ. Такъ, касаясь формулы о демократіи, Трудовая Конференція объявила:

„Какія бы ни были причины, изъ — за которыхъ началась война, коренное намѣреніе Британскаго Трудового Движенія, поддерживающаго продолженіе борьбы, состоитъ въ томъ, что *міръ отнынѣ долженъ сдѣлаться охраной демократіи.* Изъ всѣхъ цѣлей войны ни одна не имѣетъ такой важности для народовъ въ мірѣ, какъ та, что отнынѣ на землѣ не должно быть болѣе войнъ. Кто бы ни восторжествовалъ, народы только потеряютъ, если не изобрѣтется какая-нибудь дѣйственная система для предотвращенія войнъ. Какъ мѣру для достиженія желаемаго Британское Рабочее Движеніе возлагаетъ значительныя надежды на *полную демократизацію всѣхъ странъ;* на открытый отказъ отъ всякихъ формъ имперіализма; на уничтоженіе тайной дипломатіи и на подчиненіе иностранной политики, такъ же, какъ и внутренней, всенародно избраннымъ законодательнымъ органамъ . . .“

Поражающее сходство терминовъ о заключеніи мира, высказанныхъ Вильсономъ, съ указанными Британскимъ Трудомъ станетъ еще болѣе яснымъ, если мы убѣдимся, что одно и то же разрѣшеніе было предложено въ двухъ документахъ также касательно

различныхъ національныхъ вопросовъ. Вызовъ Вильсона, сдѣланный Лондонскому Договору, былъ также сдѣламъ и въ трудовой деклараціи:

„Британское Рабочее Движеніе высказываетъ свои живѣйшія симпатіи народамъ италіанскимъ по крови и рѣчи, которые были оставлены за стѣснительною и не гарантирующею защиты границею, установленною для королевства Италіи, какъ результатъ дипломатическихъ соглашеній въ прошломъ, — поддерживаетъ ихъ требованія быть соединенными съ людьми, общими ихъ расѣ и языку... но совершенно не сочувствуетъ притязательнымъ, завоевательнымъ стремленіямъ Итальянскаго Имперіализма и вѣритъ, что всѣ законныя нужды могутъ быть сохранены безъ надобности исключенія признанія подобныхъ же нуждъ другихъ, или аннексированія территорій чужихъ народовъ."

Знаменитый принципъ Вильсона о самоопредѣленіи былъ также совершенно ясно затронутъ Британской Рабочей Конференціей, а именно:

„Британское Рабочее Движеніе полагаетъ, что единственный путь утвердить длительное соглашеніе-въ установленіи принципа, дающаго возможность каждому народу по своему устроить свою судьбу".

Артуръ Гендерсонъ, одинъ изъ вожаковъ британскаго рабочаго движенія, говоря въ томъ же духѣ о послѣвоенной трудовой экономической политикѣ, чистосердечно присоединился и дословно повторилъ „Вѣрую" Вильсоновской политической программы:

„Трудъ", сказалъ Гендерсонъ „убѣжденъ въ томъ, что повсемѣстный миръ, широко покоющійся на выраженной волѣ свободныхъ демократій, не можетъ сопровождаться временной или постоянной экономической борьбой. Также тотъ міръ, который недостаточно считается съ естественными экономическими правами

всѣхъ народовъ, не будетъ ни демократическимъ, ни длительнымъ*".

Другими словами, во всѣхъ этихъ британскихъ размышленіяхъ ясно слышалась старая Вильсоновская пѣсня той доктрины, которой удалось произвести въ умахъ невѣжественныхъ массъ колоссальное смущеніе, безъ того, чтобы представить малѣйшій способъ въ разрѣшеніи ихъ настоятельныхъ нуждъ.

Однако, что еще болѣе важно, это то, что программа эта отвлекла вниманіе воюющихъ отъ достаточнаго изученія ихъ собственныхъ національныхъ вопросовъ и повернула всѣ конечные итоги на путь, ведущій въ царство абстрактнаго интернаціонализма. Въ этомъ смыслѣ можно утверждать, что эта доктрина стала поддержкою для „интернаціонала". Нельзя сказать, что воинствующій большевизмъ, подъ бомбометательнымъ управленіемъ Троцкаго, краснаго генералассимуса отъ всемірной революціи, былъ бы въ полномъ согласіи, со всѣми его разрушительными цѣлями, съ рахитичными, хилыми, пустыми принципами всеобщаго мира и универсальнаго братства, провозглашеннаго Гендерсонами и Вильсонами. Однако, оба теченія, какъ бы они ни разнились въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ, въ трогательномъ единеніи мечтали подорвать единственный принципъ, который имѣетъ опредѣленную неоспоримую цѣнность — принцинъ *національность*. Это было искреннее утвержденіе со стороны американской соціалъ-демократической лиги и еврейской соціалистической лиги, когда въ ихъ соединенномъ воззваніи, озаглавленномъ „Дѣло союзниковъ — дѣло соціалистическаго интернаціонализма", они признались:

* Приводится въ „Документы Американской Ассоціаціи для международнаго примиренія, 1918 годъ" стр. 76. Нью-Іоркъ Сити 1919 г.

„Для насъ, американскихъ соціалистовъ, нѣтъ другихъ способовъ лучше послужить дѣлу интернаціонализма, чѣмъ поддерживая всѣми нашими моральными и матеріальными силами блестящія усилія президента Соединенныхъ Штатовъ".

Само собой разумѣется, виды Британскаго Труда не совпадали въ широкомъ смыслѣ слова съ британскимъ общественнымъ мнѣніемъ. Среди криковъ ура въ честь интернаціонализма и міровой демократіи раздавались голоса, громко предостерегавшіе отъ той волны безумія, которая, начала заливать весь міръ. Помимо всего, самые здравомыслящіе англичане сознавали, что нѣкоторые изъ тѣхъ принциповъ, которые были возвѣщены Бѣлымъ Домомъ и поддержаны на родинѣ Смилляй, заключали въ себѣ серьезную угрозу цѣлости и единству Британской Имперіи. Такъ одно изъ условій Вильсоновской программы о мирѣ было предоставленіе народностямъ Австро-Венгріи:

„Свободнѣйшая возможность автономнаго развитія" (пунктъ X).

Хотя этотъ параграфъ касался спеціально народностей бывшей Габсбургской Имперіи, тѣмъ не менѣе принципъ, заключенный въ нихъ, необходимо долженъ былъ отразиться въ болѣе широкомъ распространеніи на человѣческія отношенія вообще. Если автономія, которая въ этихъ случаяхъ означала независимость, должна была быть предоставлена чехамъ, венграмъ, словакамъ и другимъ національнымъ группамъ, составлявшимъ часть прежней Двуединой Монархіи, если, далѣе, принципъ обдуманнаго расчлененія одного государства былъ допустимъ, то почему же этотъ же принципъ въ одинаковой степени являлся недопустимымъ для Великобританіи, этнографическая структура которой была столь схожа съ бывшей Австро-Венгріей. Если самоопредѣленіе являлось правильнымъ лѣкарствомъ, долженствующимъ исцѣлить Габсбургскій

имперіализмъ, то почему же это же лѣкарство не пригодно для излѣченія Британскаго имперіализма. Съ точки зрѣнія этнографической и исторической Ирландія, Египетъ, Южная Африка и Индія имѣютъ не меньшія права въ требованіи самоопредѣленія, нежели Чехо-Словакія, Венгрія и Польша.

Вильсонъ приложилъ не мало старанія, чтобы дать ясно всѣмъ понять, что онъ является арбитромъ высшихъ идеаловъ правосудія и справедливости. Въ своемъ Нью-Іорскомъ обращеніи 4 марта 1919 г., говоря о томъ нарушенномъ равновѣсіи, которое онъ встрѣтилъ въ Европѣ, онъ воскликнулъ:

„Нынѣ сердце міра проснулось и сердце міра должно быть удовлетворено".

Касаясь далѣе соціальныхъ вожделѣній народовъ Европы, онъ сказалъ:

„... они говорятъ, должна быть какая-нибудь коренная причина для этого, а эта коренная причина, которую они начинаютъ познавать, состоитъ въ томъ, что націи стояли одинокими, или маленькими завистливыми группами другъ противъ друга, воспитывая себя въ предразсудкахъ, скорѣе увеличивая опасность возникновенія войны, чѣмъ измышляя способы ея предотвращенія, и если правда и справедливость существуютъ на землѣ, то нѣтъ никакого основанія разъединять націи для поддержки этой справедливости".

Поэтому, если самоопредѣленіе должно разсматриваться, какъ политическое средство для завершенія міровой справедливости, то почему же тогда это средство не можетъ быть одинаково приложено ко всѣмъ народамъ, къ великимъ или къ малымъ, къ обѣимъ воюющимъ группамъ, къ Антантѣ или къ Центральнымъ Державамъ.

Разъ принципъ расчлененія доселѣ единыхъ политическихъ величинъ былъ объявленъ, то онъ не могъ не затронуть международныхъ отношеній вооб-

ще. Не было никакой логики, оправдывающей отклоненіе Ирландской самостоятельности, если одновременно съ этимъ поддерживалась самостоятельность Чехо-Словакіи. Какъ бы ни были отталкивающи цѣли и способы движенія Синъ-Фейнеровъ, однако, съ точки зрѣнія доктрины Вильсона, едва ли есть что-либо, противъ чего можно возразить въ объявленіи Ирландіею независимости, происшедшаго 21 января 1919 г. Заключительный параграфъ этой декларації гласитъ:

„Отъ имени Ирландскаго народа, мы смиренно ввѣряемъ свою судьбу Всемогущему Богу, который далъ отцамъ нашимъ храбрость и рѣшимость столѣтіями противустоять жестокой тираніи, и укрѣпленные въ справедливости того дѣла, которое они намъ передали, мы призываемъ Его божественное благословеніе на этотъ послѣдній актъ борьбы, которую мы поручились довести до свободы."

Вышеприведенное, — логическій выходъ того, что Вильсонъ обозначилъ какъ „причина міровой справедливости". Ирландія стремилась къ самоуправленію со времени извѣстнаго „ленточнаго движенія"; однако толчкомъ Ирландской революціи, и что еще болѣе важно, узаконившему ее явились „Четырнадцать пунктовъ" и теорія Вильсона о всемірномъ самоопредѣленіи государствъ. Въ одномъ Синъ-Фейнерскомъ меморандумѣ, принятомъ Дэйль Ейреаннъ для представленія Мирной Конференціи и озаглавленномъ „Ирландскій вопросъ о независимости", находимъ слѣдующую высокаго историческаго значенія выдержку:

„*Полное освобожденіе Ирландіи необходимо должно воспослѣдовать, если примѣнимъ принципы президента Вильсона.* Оно исходитъ не изъ одного изустнаго принятія этихъ принциповъ; и утвержденіе таковыхъ заключается въ отказѣ признать право Ирландіи къ самоуправленію. Изъ числа принциповъ,

объявленныхъ президентомъ Вильсономъ до и послѣ вступленія Америки въ войну и принятыхъ оффиціальными ораторами всѣхъ главныхъ союзныхъ силъ мы приводимъ слѣдующіе: „Никакой миръ не можетъ быть обезпеченъ на политическихъ или экономическихъ ограниченіяхъ, представляющихъ выгоды однимъ народамъ и затрудняющихъ и уродующихъ другіе". „Миръ долженъ покоиться не на правахъ правительствъ, а на правахъ народовъ, великихъ и малыхъ, слабыхъ и могущественныхъ; на ихъ равныхъ правахъ къ свободѣ, безопасности и самоопредѣленію, на ихъ участіи на равныхъ основаніяхъ въ экономическихъ возможностяхъ во всемірномъ ходѣ вещей*."

Повторяемъ, что въ Англіи предугадывали, что изъ догматовъ Вильсона, поддержанныхъ доморощенными политиками и покровительствуемыхъ международнымъ капиталомъ, возникнетъ въ результатѣ цѣлая серія внѣшнихъ осложненій, изъ коихъ Ирландское явится лишь однимъ изъ ея звеньевъ.

Такимъ образомъ, отношеніе Англіи къ условіямъ мирнаго соглашенія выдвинутыхъ Америкою, не могло быть иное, какъ двусмысленное. Государственные люди Англіи всецѣло раздѣляли мысль о расчлененіи Европы, особенно Россіи; говорятъ много о томъ, что Ллойдъ Джорджъ неоднократно хвасталъ, что „Англіи удалось однимъ выстрѣломъ сразу убить двухъ зайцевъ — Германію и Россію". Не мѣшаетъ также припомнить, что сэръ Джорджъ Бьюкененъ поддерживалъ дѣло революціи въ Россіи, каковое являлось ча-

* „Почему Ирландія — республика? Неоффиціалгный отчетъ, изготовленный для представленія Мирной Конференціи" Лоренса Джинелля стр. 4 и 5, изданное Друзьями Ирландской Свободы, Нью-Іоркъ 1919 г. Приведенный документъ — оффиціальная декларація заключающаяся въ цѣломъ рядѣ неоффиціальныхъ меморандумовъ, составляющихъ содержаніе вышеприведенной книги.

стью плана для сверженія Русскаго Великана и, такимъ образомъ, могло завершить еврейско-британскую дипломатическую задачу, придуманную Дизраэли.

Съ другой стороны, однако, всегда учитывалась опасность полнаго расчлененія Западной Европы, ибо въ такомъ случаѣ весь міръ могъ быть выведенъ изъ равновѣсія, что въ конечномъ итогѣ могло бы больно отразиться на единствѣ самой Великобританіи. Боялись того, что красный призракъ интернаціонализма, будучи разъ выпущенъ на полную свободу, распространился бы по всему свѣту, и что летящія во всѣ стороны искры факела революціи могутъ воспламенить и обратить въ пожаръ Индію, Египетъ и Ирландію.

Касаясь подобной возможности, Урбэнъ Гохіэ, въ своей замѣчательной статьѣ „La Russie redevenue Asiatique“ (Россія, вновь ставшая Азіатской) указываетъ:

„Британскій посолъ (Бьюкененъ) въ Петроградѣ всѣми имѣющимися у него средствами поддерживалъ революціонеровъ и помогалъ имъ стать на ноги. Однако, Англія сегодняшнихъ дней поняла, что она своими собственными руками выпустила себѣ же на голову врага, гораздо болѣе опаснаго, чѣмъ Россія, а именно еврейскую власть, которая разрушитъ ея универсальную Имперію*.“

Исполнится ли пророчество Гохіэ — остается пока еще открытымъ. Однако, одно неоспоримо, что работа Мирной Конференціи вмѣсто того, чтобы привести къ „длительному и демократическому миру“, ввергнула міръ въ повсемѣстные раздоры и войну, лишила побѣдителей плодовъ побѣдъ, а народы

* „La Vieille-France“ (Старая Франція) № 196 отъ 4 ноября 1920 г., стр. 10., Парижъ.

Европы — ихъ чаяній, вырвала у національныхъ государствъ краеугольные камни ихъ бытія, способствуя дѣлу мірового неспокойствія и поощряя распространеніе самаго отвратительнаго и дикаго проявленія зловѣщаго явленія, извѣстнаго подъ именемъ „интернаціонализма“.

Не мѣшаетъ, однако, замѣтить, что имѣлась одна сила, которая, какъ казалось, искренно была на сторонѣ Вильсона, и это была Германія. Въ то время, какъ вплоть до октября 1918 г. ея военная партія старалась доказать внѣшнему міру непріемлемость для германскаго народа основаній мирныхъ условій, возвѣщенныхъ Вильсономъ, ея гражданскіе носители власти открыто старались достигнуть частнаго соглашенія съ Бѣлымъ Домомъ, явно идя на встрѣчу безусловной капитуляціи демократическимъ началамъ. 24 октября 1918 г. былъ изданъ приказъ по германской арміи, подписанный фельдмаршаломъ Гинденбургомъ, который призывалъ солдатъ оказать противодѣйствіе предложеннымъ условіямъ мира. Этотъ замѣчательный документъ гласитъ: „Для ознакомленія всѣхъ войсковыхъ частей: Въсвоемъ отвѣтѣ Вильсонъ говоритъ, что онъ готовъ предложить союзникамъ вступить въ переговоры о перемиріи, но что оно должно поставить Германію въ такое беззащитное положеніе, что она не будетъ уже вновь въ состояніи поднять оружіе. Онъ хочетъ вести съ Германіей переговоры о мирѣ лишь въ томъ случаѣ, если она согласится на всѣ условія союзниковъ и Америки, касающіеся внутренняго устройства Германіи; другими словами, нѣтъ другого выбора, какъ безусловная сдача.

„Отвѣтъ Вильсона является запросомъ о безусловной капитуляціи. Такимъ образомъ для насъ, солдатъ, онъ непріемлемъ. Это доказываетъ, что нашъ врагъ, начавъ войну въ 1914 г. для нашего уничто-

женія, до сихъ поръ не отказался отъ своей мысли. Далѣе, это подтверждаетъ, что наши врати, пользуясь фразою: „справедливый миръ“, хотятъ насъ обмануть и сломить наше сопротивленіе. Такимъ образомъ, отвѣтъ Вильсона для насъ, солдатъ, является ничѣмъ инымъ, какъ вызовомъ къ продолженію нашего сопротивленія совсѣми имѣющимися у насъ силами. Когда наши враги узнаютъ, что никакія жертвы съ нашей стороны не поколеблютъ германскій фронтъ, то тогда они пойдутъ на такой миръ, который обезпечитъ будущее нашей родины для широкихъ массъ нашего народа.

Фронтъ 24. X. П. М. (подпись)
фонъ-Гинденбургъ.“

Будучи взятъ особо отъ другихъ документовъ Германіи этого періода, онъ можетъ быть разсмотрѣнъ, какъ искреннее намѣреніе военной партіи довести войну до конца. Однако, если его сравнить съ другими оффиціальными данными, то все положеніе оказалось бы въ совершенно иномъ освѣщеніи.

Переговоры между нѣмцами и Вильсономъ начались 5 октября 1918 г. когда принцъ Максиміліанъ Баденскій, бывшій въ то время Императорскимъ Германскимъ Канцлеромъ, въ своемъ обращеніи къ Рейхстагу ясно намѣтилъ серьезнѣйшее желаніе Имперскаго Правительства согласиться съ любой демократической формулой, какая бы ни исходила отъ Бѣлаго Дома. Принцъ Максиміліанъ былъ, несомнѣнно, лучшимъ дипломатомъ, нежели Вильсонъ. Онъ зналъ, что въ Вашингтонѣ произойдетъ безграничное ликованіе, если онъ употребитъ въ своей рѣчи „предъ должнымъ образомъ избранными отъ германскаго народа“, — тѣ же выраженія, которыми одинаково пользовались и злоупотребляли въ оффиціальныхъ декларацiяхъ своихъ ораторы Антанты. Принцъ Макси-

миліанъ хорошо зналъ одну вещь, которая, повидимому, неизвѣстна Вильсону, а именно, что какія бы клички не придумывали, существо германскаго народа останется неизмѣннымъ и что воинственный духъ его будетъ преобладать въ Германіи, будетъ ли она оставлена подъ властью Гогенцолерновъ или же задрапирована въ демократическую тогу Эберта.

Главной задачей германской дипломатіи того момента являлось предотвратить торжественный маршъ союзныхъ армій черезъ Рейнъ въ Берлинъ, ибо одно это могло бы означать полную побѣду съ одной стороны и полное пораженіе съ другой. Германскіе дипломаты сознавали, что это ихъ стремленіе могло бы быть достигнуто лишь однимъ способомъ, а именно — открытымъ принятіемъ Вильсоновскихъ догматовъ. Они знали, что съ принятіемъ таковыхъ весь престижъ Америки и личное вліяніе Вильсона, которое было необычайно велико, обратилось бы на французское общественное мнѣніе, не давая ему возможности довести побѣду до конца, вырывая шпагу у фельдмаршала Фоша и замѣняя ее перомъ Вильсона.

Принцъ Максимиліанъ началъ свою историческую рѣчь съ утвержденія, которое само по себѣ было достаточнымъ, чтобы зародить сомнѣніе въ искренности его дальнѣйшихъ посылокъ; онъ заявилъ:

„Въ связи съ Императорскимъ Декретомъ отъ 30 сентября, въ германской имперіи произошло коренное измѣненіе въ ея политическомъ руководительствѣ.“

Любой внимательный наблюдатель нѣмецкой психологіи былъ бы пораженъ подобнымъ заявленіемъ. Кто бы могъ повѣритъ, что Кайзеръ Вильгельмъ сталъ вдругъ демократомъ. Тѣмъ не менѣе таково было утвержденіе Германскаго Канцлера. Онъ не задумался объявить, что Императорское Германское Правительство вдругъ крѣпко увѣровало во всѣ

принципы самоопредѣленій и другихъ подобныхъ политическихъ метафизикъ Вильсона. Касаясь мирныхъ цѣлей Императорскаго Германскаго Правительства, принцъ Максимиліанъ высказалъ: „Его особеннымъ стремленіемъ является немедленное насажденіе народныхъ представительствъ въ Прибалтійскихъ провинціяхъ, Литвѣ и Польщѣ. По этому безъ промедленія мы предпримемъ необходимыя предварительныя мѣры для введенія гражданскаго управленія. Всѣ эти страны организуютъ свое внутреннее устройство и свои отношенія къ сосѣдямъ безъ всякаго внѣшняго вмѣшательства."

Это звучитъ почти такъ же, какъ и у Вильсона или Ллойдъ Джорджа.

Въ заключеніе принцъ Максимиліанъ нарочито коснулся тѣхъ чувствъ сердечной симпатіи, которую Императорское Германское Правительство питало къ мыслямъ Вильсона, выраженнымъ въ его обращеніи въ Оперномъ Домъ Метрополитенъ 27 сентября 1918 г. Въ немъ онъ болѣе опредѣленно, чѣмъ когда-либо, выразилъ свое присоединеніе къ принципу интернаціонализма, воскликнувъ:

„Общая воля человѣчества замѣнилась частными интересами отдѣльныхъ государственныхъ образованій."

Беря это обращеніе президента въ основаніе германской политической метаморфозы, принцъ Максимиліанъ пояснилъ, что новая Германія находилась въ полномъ согласіи съ идеалами, выраженными такимъ образомъ и что новое германское правительство приняло американскія условія „въ основу для начатія переговоровъ". Германскій Канцлеръ совершенно ясно, такимъ образомъ, установилъ, что переговоры будутъ вестись не между Германіею и всѣмъ концертомъ союзныхъ націй, а лишь между Германіею и Вильсономъ единолично:

„Я рѣшился на этотъ шагъ", заявилъ Германскій Канцлеръ, „не только для спасенія Германіи и ея союзниковъ, но и всего человѣчества, которое изстрадалось за годы войны. Я рѣшился на него также потому, что вѣрю въ то, что мысли, высказанныя Вильсономъ по поводу видовъ на будущее благосостояніе націи, совпадаютъ въ главномъ съ тѣми идеалами, которые исповѣдуетъ новое германское правительство и подавляющее большинство нашего народа... Я надѣюсь... ради блага всего человѣчества, что президентъ Соединенныхъ Штатовъ приметъ наше предложеніе, какъ сдѣланное безъ всякихъ заднихъ мыслей. Въ такомъ случаѣ поднимется занавѣсъ къ скорому, почетному, справедливому миру и къ примиренію, какъ для насъ, такъ и для нашихъ противниковъ."

Такъ, почти за три недѣли до того, какъ фельдмаршалъ Гинденбургъ издалъ свой вышеприведенный приказъ по арміи, принцъ Максиміліанъ подготовилъ твердое основаніе для переговоровъ, закончившееся извѣстной нотой Германіи Соединеннымъ Штатамъ 13 ноября 1918 г., принимающей условія перемирія въ тотъ самый моментъ, когда военное сопротивленіе Центральныхъ Державъ было сломлено и когда побѣда могла легко быть обращена въ тріумфъ. Нота эта опять подчеркнула вѣру Германіи въ президента Соединенныхъ Штатовъ въ противовѣсъ другимъ союзнымъ странамъ и Франціи въ особенности. Германія вновь прибѣгла къ старому методу введенія въ заблужденіе общественнаго мнѣнія, вновь воспользовалась „divide et impera" Макіавелли, вбивъ клинъ между Америкою и остальною Антантою. Нота начиналась съ утвержденія:

„Убѣжденное въ общности цѣлей и идеаловъ демократіи, Германское Правительство само обратилось къ президенту Соединенныхъ Штатовъ съ просьбою

возстановить миръ. Этотъ миръ предположенъ былъ быть въ соотвѣтствіи съ тѣми принципами, которыхъ всегда придерживался президентъ“ . . .

Можно вывести отсюда заключеніе, что это лежало на обязанности Вильсона охранять интересы Германіи. То обстоятельство, что онъ былъ избранъ опекуномъ Тевтонской группы, не можетъ быть отрицаемо, послѣ ознакомленія съ нотою отъ 13 ноября 1918 года, заключающей слѣдующее:

„Германскій народъ поэтому, въ этотъ роковой часъ обращается опять къ президенту съ просьбой употребить свое вліяніе у союзниковъ для того, чтобы смягчить эти ужасныя условія.“

Это было началомъ той умной интриги, которая велась нѣмцами въ теченіе всего засѣданія Мирной Конференціи и которая не оставлена ими понынѣ, съ цѣлью умалить военное пораженіе Германіи и свести итоги міровой войны на нѣтъ.

Объявленія объ успѣхѣ германской революціи, расклеенныя на углахъ улицъ въ Берлинѣ, были приняты дипломатами изъ Бѣлаго Дома въ серьезъ.

„Настало свободное государство!

Императоръ и Кронпринцъ отреклись! . . .

Рабочіе, солдаты, граждане! Народъ одержалъ побѣду . . . Да здравствуетъ Германская Республика*!“

Въ такихъ выраженіяхъ исполнительный комитетъ соціалъ-демократической партіи въ Германіи объявилъ о результатѣ инсценированной революціи, которая своимъ великолѣпіемъ ослѣпила Вильсона и которая заставила его повѣрить, что одинъ изъ „соціалистовъ Его Величества“ Шейдеманъ говорилъ

* См. „Документы Американской Ассоціаціи Международнаго Примиренія“ 1919 г. т. I. стр. 540.

правду, когда онъ съ балкона Рейхстага въ послѣобѣденное время 9 ноября 1918 г. возвѣстилъ:

„Милитаризмъ капитулировалъ."

И въ самомъ дѣлѣ „восшествіе на престолъ" товарища Эберта произвело свое дѣйствіе. Двумя днями позже Вильсонъ положилъ конецъ войнѣ, устраняя этимъ возможность установить миръ. Двумя днями позже предварительное перемиріе было подписано и началась агонія „демократическаго" мира.

Послѣ битвы при Іенѣ, Наполеономъ были изданы слѣдующіе приказы по арміи: „Наумбургъ 18 октября. Король Пруссіи проситъ 6-ти недѣльнаго перемирія. Императоръ отвѣтилъ отказомъ, въ виду того, что послѣ побѣды нельзя давать возможность врагу оправиться."

„Галле 19 октября. Саксонія, Вестфалія и весь лѣвый берегъ Эльбы освобождены отъ пруссаковъ; ихъ армія послѣ 50 верстнаго преслѣдованія нынѣ лишена артиллеріи, обозовъ, офицеровъ и въ теченіе 8 дней сократилась на двѣ трети."

„Дессау 22 октября. Французскія колонны находятся въ пути къ Потсдаму и Берлину."

„Берлинъ 28 октября. Императоръ вчера вступилъ въ Берлинъ*."

Но вѣдь Наполеонъ такъ не популяренъ въ наши демократическіе дни!

* Приводистя въ „La Vieille-France" (Старая Франція) № 197 ноября II 1920 г. стр. 1 и 2.

ГЛАВА VII.

Америка до настоящихъ дней не имѣла собственной опредѣлившейся иностранной политики; три главныхъ фактора служатъ тому причиною: вопервыхъ, географическое положеніе Америки, защищающее ее отъ внѣшняго вторженія двумя океанами; вовторыхъ, — доктрина Монроэ и, втретьихъ, ея особенное внутреннее устройство, по которому федеральный законодательный органъ, а именно Сенатъ, имѣетъ право раздѣлять исполнительныя функціи президента.

Первый факторъ настолько ясенъ самъ по себѣ, что не нуждается въ поясненіи.

Что касается доктрины Монроэ, то здѣсь умѣстны нѣсколько пояснительныхъ замѣчаній. Среда американскихъ государственныхъ дѣятелей впитала въ себя традиціи невмѣшательства во внѣшнія дѣла, поскольку они непосредственно не имѣли касательства своихъ американскихъ отношеній; она также развила въ себѣ специфическую боязнь предъ „запутывающими союзами“, что, въ свою очередь, отчудило Америку отъ остального міра. Духъ доктрины Монроэ былъ очень ясно опредѣленъ Вильсономъ когда онъ сказалъ: „намъ

нѣтъ никакой надобности вступать въ союзы съ народами западнаго полушарія, въ виду того, что бы извнѣ ни одинъ человѣкъ, ни одно правительство или нація не пытались проявлять какое-либо превосходство или недолжное вліяніе на народы нашего континента". Однако, подобнаго рода особенная политическая психологія вытекла лишь изъ недостатка познаній всего комплекса этаповъ международнаго положенія и изъ дипломатическаго провинціализма. Вслѣдствіе неисчерпаемыхъ естественныхъ богатствъ и неограниченнаго финансоваго благосостоянія Америки, благодаря ея большому запасу людской силы и громаднымъ наслѣдственнымъ техническимъ запасамъ, а также за счетъ выхода Россіи изъ комбинацій Антанты — вхожденіе Америки въ войну дало ей немедленно преимущество стать руководящей силою въ средѣ воюшихъ. Въ ходѣ развитія міровыхъ событій у Америки, однако, было двѣ стороны медали — одна — чисто практическое вліяніе, которое она могла употреблять въ финансовыхъ операціяхъ въ связи съ военнымъ конфликтомъ; другая — на чисто политической подкладкѣ, касавшаяся условій мирнаго соглашенія. Первый элементъ являлся отрицательнымъ и разрушительнымъ, ибо цѣлью его было ускореніе пораженія Германіи и побѣды союзниковъ; второй — положительнымъ и созидательнымъ; онъ искалъ пути созданія новаго политическаго и соціальнаго порядка, согласно плану, намѣченному доктриною Вильсона. Въ то же время предоставленныя Америкѣ Европою полномочія не являли собою полную и безусловную сдачу своихъ позицій. Европа была готова слѣдовать за Америкою постольку, поскольку ея предначертанія приведутъ къ немедленному разрѣшенію всѣхъ европейскихъ докукъ. Неуспѣхъ претворенія этихъ надеждъ въ дѣйствительность былъ связанъ съ кореннымъ измѣненіемъ позиціи европейскихъ народовъ,

какъ ко всей идеалогіи Вильсона, такъ, возможно, и къ самой Америкѣ.

Было очевидно невозможнымъ разрѣшить всю сложность европейскихъ вопросовъ однимъ лишь объявленіемъ для руководства серіи заповѣдей морали или схоластическихъ принциповъ, какъ бы похвальны они не были. Помимо всего, для того, чтобы представить гибкія программы, по коимъ возможно было бы перекроить и пересоздать европейскія государства, являлось абсолютно необходимымъ пріобрѣсти глубокія познанія въ политической и соціальной исторіи Европы. Обширныя познанія въ политическихъ событіяхъ не могутъ зарождаться, какъ Венера, изъ всплеска морской волны; они достигаются скорѣе путемъ постояннаго принятія участія въ повседневной политической жизни различныхъ народностей, знакомство съ коею можетъ привести къ выработкѣ твердыхъ историческихъ традицій внѣшней политики. Америка никогда не имѣла этихъ традицій, слѣдовательно, она не могла имѣть той опытности, которая была необходима для поддержанія своего руководительства европейскими дѣлами.

Что касается взаимныхъ отношеній между президентомъ и сенатомъ, то слѣдуетъ напомнить, что статья II параграфа 2 Конституціи Соединенныхъ Штатовъ облекаетъ президента правомъ заключать договоры: *„при помощи и согласіи сената ... обезпеченнаго двумя третями наличныхъ сенаторовъ большинствомъ“*. Несмотря на то, что заключеніе договоровъ является частью исполнительной прерогативы и что президентъ осуществляетъ Верховную Исполнительную Власть — его права для вступленія въ договорныя отношенія ограничены вышеприведенной условною статьею. Государственные люди Европы знали объ этомъ ограниченіи, но въ широкихъ слояхъ Европы были незаинтересованы подобными техническими де-

талями Американской Конституціи. Вильсонъ предсталъ на европейскомъ континентѣ не только какъ Верховная Исполнительная Власть, но и какъ единственный ораторъ, говорящій отъ ея имени отъ Америки. Народы Европы были склонны вѣрить тому, что все, что бы онъ ни сказалъ, ни заявилъ или съ чѣмъ бы ни согласился, было абсолютно связано съ самими Соединнными Штатами. Это явилось большимъ разочарованіемъ для внѣшняго свѣта, когда противорѣчія между Вильсономъ и Сенатомъ постепенно раскрыли глаза на то, что президентъ Вильсонъ, не болѣе чѣмъ Сенатъ, не имѣлъ никакого полномочія вступать въ союзы съ европейскими народами, и что, какъ президентъ, такъ и Сенатъ, по отношенію къ созиданію договоровъ обладали равными правами, причемъ никто изъ нихъ не могъ дѣйствовать независимо другъ отъ друга.

Исполнительная власть Соединенныхъ Штатовъ въ Парижѣ была представлена персоной самого Вильсона, въ то время, какъ оппозиція къ ней оставалась въ заключеніи въ Вашингтонѣ Д. К. Однако, такъ случилось, что въ то время, какъ управленіе Вильсона было демократическимъ, — большинство Сената было республиканскимъ. Именно это должно было быть причиной того, чтобы Вильсонъ обезпечилъ крѣпкое республиканское представительство на Мирной Конференціи, ибо этимъ путемъ онъ избѣжалъ бы возникновенія всяческихъ недоразумѣній въ будущемъ. Однако, Вильсонъ никогда не почитался способнымъ психологомъ, во всѣхъ его политическихъ дѣлахъ отчетливо ощущался недостатокъ человѣческаго чутья. Сенаторъ Лоджъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ своей критики Мирной Конференціи могъ, быть можетъ, ошибаться, однако это не измѣняло дѣла по существу, и въ такомъ насущно важномъ дѣлѣ, какъ созданіе договора, республиканскій сенатъ понятно былъ въ

правѣ расчитывать, что передъ фактическимъ завершеніемъ соглашенія, его голосъ будетъ услышанъ въ Европѣ.

Борьба, которая возникла между Сенатомъ и президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, едва ли подняла престижъ послѣдняго; наоборотъ, она привела къ значительному осложненію его позиціи въ Европѣ. Государственные люди, собравшіеся въ Версалѣ, оказались лицомъ къ лицу передъ неоспоримымъ фактомъ, что Америка имѣла два внѣшнихъ политическихъ теченія, одно изъ коихъ защищалось президентомъ, а другое поддерживалось Сенатомъ. Подобное положеніе для европейской дипломатіи было бы немыслимымъ. У г. г. Орландо, Ллойдъ Джорджа и Клемансо по отношенію къ ихъ странамъ руки были развязаны въ то время, какъ Вильсонъ въ каждой своей затѣѣ, независимо отъ ея индивидуальной цѣнности былъ каждый разъ стѣсненъ. Въ теченіе нѣкотораго періода Вильсонъ въ глазахъ Европы былъ всемогущъ, однако, очень скоро онъ доказалъ свое безсиліе даже на родной почвѣ.

Американская делегація на Мирной Конференціи, возглавленная самимъ президентомъ Вильсономъ, состояла изъ людей различныхъ способностей, но прежде всего, едва ли знакомыхъ съ основными фактами европейской исторіи и съ тѣми психологическими факторами, которые поддерживали европейскія отношенія. Хотя, будучи хитрыми политиками, большинство изъ нихъ были признаны любителями государственныхъ дѣлъ, иногда даже не имѣя элементарнаго административнаго опыта, какъ напримѣръ, случай съ полковникомъ Хаусъ. Правда, въ продолженіе двухъ лѣтъ предшествующихъ перемирію, въ Вашингтонѣ была образована комиссія, работавшая надъ собираніемъ данныхъ для будущей Мирной Конференціи. Этотъ органъ успѣлъ накопить цѣлые тонны докладныхъ

записокъ, касающихся различныхъ національныхъ вопросовъ, но большинство добытыхъ такимъ путемъ свѣдѣній были явно ошибочными и безнадежно вводящими въ заблужденіе. Лица, которыя были сами совершенно несвѣдущи въ международныхъ дѣлахъ, запрашивались для представленія ихъ взглядовъ и для дачи ихъ „свѣдующихъ“ мнѣній по вопросамъ исключительной сложности. Работа этой комиссіи была чисто механической и поэтому велась безъ всякой связи. Кромѣ того, въ отношеніи Восточнаго вопроса, оказавшагося Ахиллесовой пятой въ Европейскомъ положеніи, свѣдѣнія, собранныя комиссіей, въ большинствѣ случаевъ исходили изъ семитическихъ источниковъ.

Не успѣлъ Вильсонъ провозгласить лозунгъ о самоопредѣленіи, какъ Вашингтонъ обратился въ домъ свиданій безчисленныхъ провозгласителей различныхъ, какъ на дрожжахъ вырастающихъ, государствъ, при чемъ всѣ они спѣшили завѣрить въ своей преданности Вильсоновскому догмату. Изъ всѣхъ этихъ новорожденныхъ украинскихъ, литовскихъ, чешскихъ, словакскихъ, латышскихъ, финскихъ, грузинскихъ, эстонскихъ, армянскихъ, бѣлорусскихъ, сіонскихъ и еще нивѣсть какихъ республикъ ни одна не минула столицу Америки, каждая представляла доказательства поддерживающія ихъ притязанія на независемость. Ихъ почтенные представители пользовались свободнымъ входомъ въ Государственный Департаментъ. Ихъ внимательно выслушивали, въ то время, какъ ихъ противорѣчивыя утвержденія тщательно добавлялись къ кипамъ бумагъ комиссіи полковника Хауса. И въ самомъ дѣлѣ это была оргія самоопредѣленія.

Касаясь личнаго состава американской делегаціи, достойно примѣчанія то, что даже имена ихъ, за исключеніемъ Лансинга и полковника Хауса, остались

для широкой публики вовсе неизвѣстными*. Делегаты были попросту поглощены особою Вильсона. Время отъ времени газеты касались новаго имени американской делегаціи, но это ничего не говорило ни душѣ, ни сердцу американскаго народа.

Полковникъ Хаусъ былъ слѣдующимъ за президентомъ Вильсономъ лицомъ, которое останавливало на себѣ вниманіе публики. Никто не зналъ ни кто онъ былъ, ни откуда онъ явился, ни какихъ взглядовъ онъ придерживался, и престижъ, которымъ онъ пользовался, значительно обязанъ той таинственности, которою онъ былъ окутанъ. Въ Парижѣ считали, что онъ имѣлъ громадное, почти неограниченное вліяніе на президента. И дѣйствительно, одинъ изъ ближайшихъ друзей полковника Хауса, Артуръ Д. Хоуденъ Смитъ, въ своей книгѣ „Настоящій полковникъ Хаусъ“ открыто заявилъ:

„Онъ обладаетъ силой, которую доселѣ внѣ службы не проявлялъ ни одинъ человѣкъ въ странѣ, силою, большею, нежели любая политическая шишка изъ членовъ кабинета. Онъ занимаетъ мѣсто, находящееся въ связи съ управленіемъ, что — анамалія, ибо подобнаго мѣста никогда не существовало, пока Вудрау Вильсонъ не сталъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ**.“

Говорили, что полковникъ Хаусъ придерживался очень радикальныхъ политическихъ взглядовъ, что онъ раздѣлялъ восхищеніе Вильсона „избраннымъ народомъ“, и былъ крайнимъ руссофобомъ. Въ добавленіе къ этому, было положительно извѣстно, что ранѣе вступленія Америки въ войну, онъ былъ посланъ

* Г. Генри Уайтъ и генералъ Таскеръ Г. Блиссъ были два другихъ члена делегаціи.

** „Настоящій полковникъ Хаусъ, интимная біографія“ Артура Д. Хоудена Смита стр. 14 изд. Джорджъ Г. Доранъ и К. Нью-Іоркъ. 1918 г.

президентомъ Вильсономъ въ Германію, однако до сихъ поръ цѣль его миссіи осталась невыясненной.

Мистеръ Кійнесъ въ своей удачной характеристикѣ участниковъ Мирной Конференціи, касаясь американской делегаціи и личности Вильсона, сказалъ:

„Его товарищи, уполномоченные, представляли изъ себя нѣмыхъ, и даже пользующійся довѣріемъ полковникъ Хаусъ съ его значительно большими познаніями людей и Европы, нежели у президента, отъ чьей чуткости столь много выигрывала глупость президента, стушевался въ ходѣ событій, отступивъ на задній планъ... Такимъ образомъ день за днемъ, недѣля за недѣлей онъ (Вильсонъ) допускалъ себя срамить и оставаться безъ поддержки и, зачастую въ одиночествѣ, не проявляя достаточной осторожности съ людьми гораздо болѣе остраго ума, чѣмъ у него самого, въ тѣхъ чрезвычайной сложности случаяхъ, когда для успѣха были нужны способность, знакомство во всѣхъ подробностяхъ и глубокія познанія*."

То, что члены американской делегаціи все время оставались нѣмыми, фактъ общепризнанный. Достаточно припомнить обстоятельства, сопровождавшія рѣшеніе Шантунгскаго вопроса. Въ своихъ показаніяхъ комитету иностранныхъ сношеній Сената, Лансингъ откровенно сознался:

„Президентъ Вильсонъ одинъ одобрилъ Шантунгское рѣшеніе, противъ котораго ни одинъ изъ членовъ американской делегаціи не возразилъ и въ которомъ одному президенту Вильсону было понятно, были ли даны Японіею гарантіи въ возвращеніи Шантунга Китаю."

То же можно сказать и о тонкомъ вопросѣ о Фіумѣ. Вильсонъ ни по одному вопросу не согласился

* Джонъ Майнардъ Кійнесъ К. Б. „Экономическія послѣдствія мира" стр. 45, Гаркоуртъ, Брэйсъ и Хэу, Нью-Іоркъ. 1920 г.

съ Орландо. Это было личное препирательство между президентомъ и полномочнымъ Италіи, и ни одинъ изъ членовъ американской делегаціи не принялъ участія въ спорѣ. Неожиданное рѣшеніе Вильсона аппелировать непосредственно къ итальянскому народу „черезъ Главу Правительства Италіи", какимъ бы актомъ безразсудства оно ни могло быть почитаемо, было предпринято совершенно независимо, въ то время, какъ остальные члены делегаціи, прочитавъ это обращеніе въ „Le Temps", были, вѣроятно, столь же изумлены, какъ и самъ Орландо.

По всякому вопросу международной важности президентъ дѣйствовалъ самостоятельно, не выслушавъ мнѣнія своихъ коллегъ. Если бы онъ совѣтовался съ ними предварительно, онъ избѣжалъ бы, вѣроятно, въ совершеніи многихъ ложныхъ шаговъ, въ томъ числѣ и въ вопросѣ рѣшенія о Фіумѣ. Все дѣло проистекало изъ неосновательныхъ слуховъ, обвинявшихъ Италію въ ея желаніи включить Фіуме въ Итальянское Королевство, вопреки рѣшенію Вильсона уступить этотъ городъ Югославіи. Если бы Лансингъ былъ запрошенъ, то ему бы, понятно, удалось обратить вниманіе Вильсона на то, что рѣшеніе превратить вопросъ о Фіумѣ въ международный скандалъ, должно было принести общему дѣлу мира тѣмъ болѣе ущерба, что это совпадало съ пріѣздомъ германской мирной миссіи.

По прибытіи Баруха въ Парижъ имъ была развита чрезвычайная дѣятельность въ созданіи финансовой политики союзниковъ, особенно же американской; и, въ виду того, что онъ являлся не только членомъ американской делегаціи, но и виднымъ лицомъ въ еврейской делегаціи, не исключено то обстоятельство, что онъ много повліялъ на ту особенную позицію, которую занялъ президентъ въ извѣстныхъ „Правахъ еврейскаго меньшинства."

Диллонъ, который былъ столь близко знакомъ со всѣми подробностями закулисныхъ сторонъ Мирной Конференціи, не задумался утверждать, что политика союзниковъ по отношенію къ требованіямъ Сіонистовъ была въ видѣ:

„Взгляда какъ на нѣчто, въ чемъ не заинтересованы."

Поясняя это Диллонъ добавляетъ:

„Къ сожалѣнію, это убѣжденіе послѣдовательно подкрѣплялось нѣкоторыми мѣропріятіями Высшаго Совѣта, предпринятыми имъ между апрѣлемъ и концомъ Конференціи. У нѣкоторыхъ делегатовъ зародились подозрѣнія, которыя съ перваго взгляда могутъ показаться столь чуждыми завоеваніямъ XX вѣка, что это могутъ считать выдумкой. Они боялись, что на основанія Вильсоновой политики оказывало вліяніе религіозная, нѣкоторые бы назвали ее расовой, склонность. Нѣкоторымъ читателямъ это можетъ показаться поразительнымъ, — однако это фактъ — что большое число делегатовъ вѣритъ тому, что на Англо-Саксонскіе народы на самомъ дѣлѣ было оказываемо семитическое вліяніе*."

Это замѣчаніе вполнѣ правильно, но только едва ли его можно отнести къ однимъ англо-саксонскимъ народамъ. Это правда, что политика Вильсона была все время ясно юдофильскою, и что близкое общеніе Ллойдъ Джорджа съ сэромъ Филиппомъ Сассунъ'омъ возбудило въ широкихъ кругахъ общества много толковъ. Нельзя также отрицать того, что британская политика, уже со времени декларації Бальфура, по Сіонитскимъ требованіямъ отъ 2 ноября 1917 г., развивалась подъ соединеннымъ давленіемъ гг. Руфа и Саакса, Людвига Намье, Монда и Монтэгью, изъ

* Е. І. Диллонъ „Внутренняя сторона Мирной Конференціи" стр. 496 Гарнеръ и Бр. Нью-Іоркъ 1920 г.

коихъ всѣ были евреи, выказывая чувство глубокой вѣрности дѣлу Израиля. Но почти каждый полномочный на Мирной Конференціи имѣлъ своего собственнаго еврея, который управлялъ имъ въ дѣлахъ международнаго значенія. Самъ Клемансо, слывшій весьма преувеличенно французскимъ „зубромъ, имѣлъ частнымъ секретаремъ г. Менделя, дѣйствовавшаго въ качествѣ посредника между Quai d'Orsay и биржей. Такимъ же путемъ итальянская политика въ значительной степени руководилась барономъ Соннино, министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ свою очередь германская мирная делегація носила слѣды такого явнаго преобладанія еврейскихъ банковскихъ интересовъ, что стала извѣстна подъ именемъ „Варбургской делегаціи", тогда какъ Конференція носила титутъ „Конференціи Гуго Стиннеса." Такимъ образомъ, замѣчаніе Диллона, будучи правильно по существу, должно быть разсматриваемо въ болѣе широкомъ масштабѣ, а именно, что евреи, какъ объединенная нація, оказали на Мирную Конференцію двустороннее воздѣйствіе: во-первыхъ съ точки зрѣнія международныхъ финансовъ, главной цѣлью коихъ было спасти Германію отъ экономическаго краха; и во-вторыхъ, вліяніемъ интернаціональнаго большевизма, который какъ правильно замѣчаетъ „Еврейская хроника": „во многихъ случаяхъ совпадаетъ съ сокровеннѣйшими идеалами юдаизма*."

Результатъ этого двойного воздѣйствія оказался самымъ бѣдственнымъ. Съ одной стороны германскій вопросъ остался неразрѣшеннымъ, въ то время, какъ съ другой, — былъ данъ колоссальный толчекъ поступательности повсемѣстнаго революціоннаго дви-

* Смотри „Еврейскую Хронику" № 2609 4-го апрѣля 1919 г. ст. 7 въ статьѣ, озаглавленной „Миръ, Война и Большевизмъ."

женія. Много прекрасныхъ статей и книгъ было написано обо всемъ происходившемъ на Мирной Конференціи, давая подробный отчетъ о событіяхъ въ Парижѣ. Поэтому едва ли надобно здѣсь повторять все то, что было сказано объ успѣхахъ дипломатіи и о самой Мирной Конференціи. Цѣлью настоящей книги является обрисованіе мірового кризиса, поскольку онъ касается международнаго положенія.

Совершенно правильно утверждаетъ Саролеа, говоря:

„Нынѣшнее соціальное потрясеніе должно разсматриваться только, какъ своенравный поступокъ и послѣвоенный розыгрышъ. Для будущихъ поколѣній война сама будетъ казаться лишь предисловіемъ къ той революціонной катастрофѣ, которая только что началась и которая распространяется на оба полушарія съ такой неумолимой настойчивостью. Мы до сихъ поръ находимся въ полномъ невѣдѣніи, какъ въ отношеніи ея значенія, такъ и по поводу ея будущихъ возможностей. Нынѣ мы можемъ только видѣть, что пока она не растратила своихъ силъ, безцѣльно говорить о мирѣ. Заключеніе мира означаетъ соглашеніе между союзными правительствами и правительствами Германіи, Австріи и Россіи. Но суверенныхъ германскаго, австрійскаго или русскаго правительствъ, съ которыми можно было бы заключить миръ, на лицо не имѣется. Такихъ установленныхъ правительствъ не ждать еще годами. Никакія соглашенія сдѣланныя сегодня, не могутъ обязать будущаго, или имѣть основанія реальности или окончательности*.“

Мирный договоръ на самомъ дѣлѣ ни дѣйствителенъ, ни окончателенъ. Цѣлый рядъ конференцій,

* Чарльзъ Саролеа „Европа и Лига Націй“ стр. 8 и 9.

состоявшихся уже послѣ подписанія мирнаго договора между союзническими и германскими государственными дѣятелями значительно измѣнили предначертанія руководящихъ началъ договора, особенно въ отношеніи экономическихъ постановленій. Такимъ образомъ окончательное сужденіе о договорѣ, будь то съ узкой точки зрѣнія закона или съ широкой — какъ имѣющей значеніе политическаго событія, должно почитаться преждевременнымъ. Въ одной изъ предидущих главъ было отмѣчено, что міровая война и послѣдовавшія за ней событія, являются лишь не болѣе, какъ звеньями той безконечной цѣпи причинъ и послѣдствій, которая беретъ свое начало еще съ середины IX-го столѣтія.

Тѣмъ не менѣе, изъ того хаоса политической болтовни, который сопутствовалъ работѣ Мирной Конференціи, возникло два международнаго значенія фактора, при чемъ оба будутъ оказывать длительное вліяніе на будущую судьбу человѣчества — это; *Лига Націй* и *интернаціональный большевизмъ*. Оба фактора выказываютъ современную склонностъ къ интернаціоналізму въ противовѣсъ принципу національнаго государственнаго бытія. И въ то время, какъ идея сообщества націй является умѣреннымъ развѣтвленіемъ принципа интернаціонализма, большевизмъ является его революціоннымъ проявленіемъ. Несмотря на это, оба явленія работаютъ въ одномъ направленіи, стараясь подорвать основы національнаго развитія. Мирная Конференція не была основателемъ ни того, ни другого, но она поощрила ихъ развитіе, и будущій историкъ всегда возложитъ на политику Мирной Конференціи увѣковѣченье таковыхъ.

Лига Націй.

Идея о сообществѣ націй занимала замѣтное мѣсто въ политикѣ Европы съ 1896 г., когда Импе-

раторъ Николай II въ своемъ обращеніи къ Правительствамъ Европы сдѣлалъ предложеніе о всеобщемъ разоруженіи и объ установленіи международнаго суда. Это обращеніе не имѣло эгоистическихъ цѣлей, какъ многіе изучающіе исторію склонны думать, а было продолженіемъ мирной политики, бывшей камертономъ всего царствованія Александра III. Послѣ долгихъ совѣщаній въ Гаагѣ былъ учрежденъ Международный Арбитражный Судъ, но изъ предложенія о всеобщемъ разоруженіи ничего не вышло. XX вѣкъ оказался самымъ воинственнымъ въ современной исторіи. Повсюду возникала одна война за другой, и къ моменту, возникновенія европейской войны, началась всеобщая демократизація, скоро принявшая размѣры міровой катастрофы.

Обращеніе Русскаго Царя имѣло мало общаго съ послѣдовавшимъ планомъ объ учрежденіи лиги націй; оно лишь пыталось найти практическія основанія для облегченія страшныхъ тяготъ вооруженнаго мира, который десятилѣтіями держался въ Европѣ. Съ другой стороны Международный Арбитражный Судъ имѣлъ предназначеніемъ служить посредникомъ для разрѣшенія мирнымъ путемъ конфликтовъ, могущихъ возникнуть между разными государствами. Хотя предложеніе и было довольно неяснымъ, однако, если бы европейскія правительства стали бы на болѣе широкую точку зрѣнія въ отношеніи своихъ національныхъ цѣлей, оно бы могло сдѣлаться *casus paci*. Къ сожалѣнію, не только Европа, но весь міръ былъ черезъчуръ занятъ, что бы удѣлить вниманіе обстятельствамъ, заключавшимъ въ себѣ неизбѣжную опасность вооруженнаго мира и безудержнаго экономическаго соперничества. Болѣе того, именно въ это же время, Центральныя Державы были заняты лихорадочными приготовленіями для всемірнаго завоеванія, что дѣлало дальнѣйшія попытки для разоруженія совершенно не-

возможными. Вторая Гаагская конференція въ 1907 г. не имѣла большого успѣха.

Было совершенно естественно, что въ то время, какъ весь міръ втягивался въ титаническую борьбу, — замышлялись планы объ укрѣпленіи постояннаго мира. Проекты этого рода являлись какъ бы реакціей, направленной противъ универсальнаго милитаризма. Это было чрезвычайно ясно выражено экъ-президентомъ Вильямомъ Ховардомъ Тафтомъ, когда онъ на собраніи въ Оперномъ Домѣ Метрополитенъ 4 марта 1919 года сказалъ:

„Сегодня мы находимся въ преддверіи Лиги Мира, каковую я всегда разсматривалъ, какъ „Обѣтованную Землю". Такая война, какъ послѣдняя, является отвратительнымъ пятномъ на нашей христіанской цивилизаціи. Непостоянство столь же постыдно, какимъ было рабство при объявленіи независимости. Если христіанскіе народы не смогутъ произвести объединеннаго усилія для подавленія возможности возвращенія къ подобной борьбѣ, это будетъ срамъ для современнаго общества."

Принципіально несущественно, кто былъ первый, предложившій пріемлемую схему для организаціи сообщества націй, — былъ ли это президентъ Вильсонъ, или лордъ Робертъ Сесиль, или генералъ Смутсъ, или Леонъ Буржуа, или еще кто иной изъ членовъ или постороннихъ лицъ состава мирной конференціи. Далѣе, едва ли можетъ имѣть значеніе какой изъ пунктовъ договора получилъ оффиціальное одобреніе Вильсона или кого другого изъ членовъ мирной конференціи. Важно то, что мирная конференція создала договоръ, частью коего являлась лига націй, причемъ оба были поставлены въ зависимость другъ отъ друга.

Америка вступила въ войну съ намѣреніемъ положить конецъ возможности возникновенія какихъ бы

то ни было войнъ въ будущемъ. Какимъ бы неисполнимымъ ни было это стремленіе, но оно было оффиціально объявленною цѣлью, и, въ связи съ этимъ, вся работа по перекройкѣ карты Европы подъ угломъ зрѣнія вновь созданнаго международнаго органа, который тотчасъ же по подписаніи договора немедленно начнетъ функціонировать.

Идея Лиги Націй появилась, какъ результатъ молчаливо принятаго принципа расчлененія доселѣ единыхъ государствъ Европы. Три державы были непосредственно затронуты этимъ принципомъ, а именно Германія, Австрія и Россія. На ихъ развалинахъ союзники собирались создать новые государственные организмы. Безъ государственнаго опыта и экономической организованности, чѣмъ инымъ могли бы они быть, какъ политическими слабышами, которые для поддержанія своего существованія нуждались въ международномъ органѣ, долженствующемъ защищать ихъ отъ внѣшняго нападенія, а для развитія ихъ внутреннихъ силъ и въ другихъ заботахъ о нихъ, — поступать, какъ мамка, кормящая грудного младенца. Кромѣ того имѣлась въ виду еще другая причина: нужно было установить новыя границы въ Средней Европѣ, на Балканахъ и внутри бывшей Россійской Имперіи. Такое всеобщее перемѣщеніе національныхъ границъ должно было родить безконечные споры между заинтересованными государствами и возлагали надежды на то, что Лигѣ Націй удастся занять положеніе органа, способнаго улаживать возникающія броженія.

Существо военной побѣды, достигнутой союзниками, которое оставило Германіи въ неприкосновенности ея колоссальную армію и военную промышленность, выдвинуло необходимость установленія своего рода физическую силу, которая была бы на стражѣ выполненія санкцій договора. Въ такомъ положеніи

Лига Націй казалась найлучшимъ разрѣшеніемъ его въ положительную сторону. Однако могло казаться, что на Лигу возлагали черезъ-чуръ большія надежды. И вотъ оказалось, что возникли неожиданныя затрудненія, когда надо было фактически пустить машину Лиги въ дѣйствіе. Отклоненіе договора Сенатомъ Соединенныхъ Штатовъ поставило въ рискованное положеніе всю постройку Лиги. Съ другой стороны, въ виду того, что другія страны, какъ наприм,, Россія, Германія, Австрія, Венгрія, Болгарія и Турція не получили право участія во вновь учрежденномъ сообществѣ, то Лига Націй быстро пріобрѣла видимость Клики Націй, застарѣвшаго союза между народами выигравшими войну, съ легкою примѣсью латиноамериканскихъ элементовъ.

Двойственное соглашеніе между Соединенными Штатами и Франціей и между Англіей и Франціей, подписанное 28 іюня 1919 г., доказываетъ, что тѣ самыя державы, которыя стояли за надобность Лиги Націй, не даютъ и фактически не могутъ давать вѣры плодотворности ея. Соглашеніе предусматриваетъ военную помощь Франціи со стороны Великобританіи и Соединенныхъ Штатовъ на случай вызваннаго нападенія Германіи. Въ предисловіи соглашенія откровенно говорится, что цѣлью его является оказаніе военной помощи Франціи, буде Германія сдѣлаетъ попытку нарушить санкціи договора, которыя служили для обереганія цѣлости Французской республики и особенно предусматривавшихъ условій касавшится лѣваго берега Рейна. Отправляя передачу указаннаго договора Сенату, президентъ Вильсонъ указалъ:

„Мы связаны съ Франціей узами дружбы, на которыя мы всегда смотрѣли и будемъ смотрѣть, какъ на узы священныя. Она помогла намъ добыть нашу свободу, какъ націи. Это серьезный вопросъ, могли ли бы мы вообще достигнуть ее, не будь ея доблест-

ной и своевременной помощи. Мы неоднократно имѣли случай помогать ей сражаться на ея территоріи съ врагомъ, который являлся также врагомъ всего міра, но этимъ мы, понятно, не отплачиваемъ весь свой долгъ по отношенію къ ней; вообще ничто не можетъ покрыть весь такой долгъ. Теперь она хочетъ, чтобы мы обѣщали предоставить нашу великую мощь ей въ помощь для обереженія ея отъ поползновеній недруговъ, которыхъ она имѣетъ много причинъ опасаться. Другая великая нація охотно даетъ такое обѣщаніе. Два правительства, желающихъ быть членами Лиги Націй, желаютъ получить согласіе отъ Совѣта Лиги, не ожидая въ своемъ поступкѣ Совѣта Лиги, съ цѣлью помочь своему другу, ввиду того что положеніе его оказывается полнымъ исключительной опасности."

Вышеприведенное указаніе освѣщаетъ всю глубину Лиги Націй страннымъ свѣтомъ. Нельзя, понятно, оспаривать того, что Франція, вѣроятно, больше, чѣмъ какая-либо другая держава Европы обладаетъ всѣми данными бояться, что неокончательность побѣды надъ Германіей можетъ принести ея будущему серьезныя опасности; однако, съ учрежденіемъ Лиги Націй, казалось бы, логичнымъ ожидать, что сама Лига Націй будетъ слѣдить за ненарушимостью пунктовъ мирнаго договора и за тѣмъ, чтобы никакое нападеніе Германіи на Францію или какую-либо другую страну явилось невозможнымъ. Но въ виду того, что Лига Націй оказалась чахлымъ созданіемъ среди себѣ подобныхъ, Франція явилась вынужденной искать союзъ для самозащиты съ тѣми державами, которыя обладаютъ сильными костью и мускулами, дредноутами и тяжелою артиллеріей. Вслѣдствіе той же причины теперь, когда столько болтаютъ о всеобщемъ разоруженіи, Франція проявляетъ громадный интересъ къ плану адмирала Лаказа, предусматривающему по-

стройку колоссальнаго подводнаго флота, которыи долженъ обезпечить ея морское главенство.

Несмотря на вѣжливый кивокъ Вильсона въ сторону совѣта Лиги, вполнѣ ясно, что, если бы въ томъ встрѣтилась надобность, то Франціи пришлось бы искать защиты отъ академическаго и мягкотѣлаго учрежденія, засѣдающаго въ Женевѣ, а не отъ своихъ союзниковъ по ту сторону Канала и Океана.

Хотя Лига Націй и была учреждена, но для успѣшности ея дѣятельности достаточныхъ основаній создано не было. Дипломатами Мирной Конференціи была выказано много заботъ во время формулированія каждаго изъ двадцати шести параграфовъ Устава Лиги Націй. При обсужденіи каждой фразы того или иного образца спорили безъ конца; скучное словопреніе по поводу каждой запятой занимало цѣлые часы; было посвящаемо особенное вниманіе по поводу того, должны ли были принимать участіе въ работахъ Лиги Націй Либерія и Хеджасъ, но Восточный вопросъ цѣликомъ остался неразрѣшеннымъ, а основной вопросъ о Россіи остался вовсе не затронутымъ.

Мы еще разъ должны коснуться лживости той теоріи, которая доминировала у дипломатовъ въ Версалѣ, и благодаря которой возсозданіе Европы должно было покоиться на возложеніи на Германію военныхъ, финансовыхъ, техническихъ и экономическихъ санкцій, безотносительно къ русскому вопросу. Остался непримѣченнымъ тотъ фактъ, что Европа была и доселѣ остается *органической* совокупностью націй; тысячелѣтіями онѣ жили бокъ о бокъ, временами работая совмѣстно, временами ссорясь между собою, но, во всѣ времена, поддерживая близкія отношенія другъ съ другомъ и оказывая другъ на друга взаимное вліі-

яніе. Было безнадежнымъ достичь намѣренія радикальной реконструкціи центральной Европы, не предусмотрѣвъ одновременно какого-нибудь разрѣшенія Восточнаго вопроса.

Поэтому нечего удивляться тому, что тотчасъ же послѣ формальнаго объявленія мира, возникли новыя политическія комбинаціи, которыя стали въ разногласіе съ самимъ существомъ условій мирнаго договора. Эти вновь возникшія явленія возвращаютъ Европу вспять къ тѣмъ историческимъ традиціямъ, которыя сильнѣе любыхъ искусственныхъ правилъ и политическихъ ученій.

Германская пресса, внимательно слѣдящая за развитіемъ событій въ Европѣ, уже замѣтила, что, несмотря на формальное существованіе Лиги Націй, Европа еще долгіе годы будетъ управляться политическими блоками, которые будутъ дѣлить европейскій материкъ на сферы вліяній. Касаясь сконструированія такъ называемой Малой Антанты, послѣ вновь подписаннаго соглашенія между Чехо-Словакіей, Румыніей и Югославіей „Берлинеръ Локаль Анцейгеръ“ сдѣлалъ слѣдующую интересную политическую посылку:

„Европейское положеніе будетъ опредѣляемо въ будущемъ, быть можетъ еще долгое время, отдѣльными политическими блоками, въ первую очередь блокомъ Антанты на Западѣ, далѣе германскимъ блокомъ на Сѣверѣ и, наконецъ, русскимъ блокомъ на Востокѣ. Германскій блокъ въ настоящій моментъ старается достигнуть внутренняго укрѣпленія самой Германіи и залечиванія полученныхъ ею отъ войны ранъ; въ то же время онъ съ полнымъ вниманіемъ слѣдитъ за ходомъ европеискихъ событій, для того, чтобы въ подходящій моментъ со всею силою ввязаться въ интернаціональныя отношенія, чтобы взять на себя эту

роль въ политикѣ Европы всѣми силами, на какія онъ будетъ способенъ*."

Малая Антанта, однако, не является единственною политическою комбинаціею, возникшею непосредственно вслѣдъ за подписаніемъ мирнаго договора и установленія Лиги Націй. Тройственный союзъ между Соединенными Штатами, Великобританіей и Франціей, о чемъ уже было упомянуто ранѣе, является явленіемъ того же порядка.

Въ то же самое время Франція, увидавъ, что мирный договоръ оставилъ ее одинокою, лицомъ къ лицу съ угрозою большевизма, заключила формальный союзъ съ Польшей и взяла на себя руководящую роль въ военныхъ операціяхъ Польской республики противъ совѣтскихъ армій. Польша въ свою очередь заключила военное соглашеніе съ Украиною. Кромѣ того, французская дипломатія проявляетъ большой интересъ къ плану, извѣстному подъ именемъ „Среднеевропейскаго корридора" подъ руководительствомъ Франціи, цѣлью котораго заключается отрѣзать Германію отъ Адріатики и Балканскаго полуострова.

Другими словами, несмотря на существованіе Лиги Націй, чье оффиціально объявленное призваніе заключается въ поддержаніи международной солидарности и универсальнаго братства, Европа порождаетъ новыя политическія группировки независимо отъ бюрократическаго бытія Лиги. Несомнѣнно, это является послѣдствіемъ той политической неразберихи, въ которую Европа была поставлена парижскими дипломатами.

Мирному договору не удалось устроить новый міровой порядокъ на основѣ идеаловъ демократіи. Въ

* Переводъ съ нѣмецкаго „Берлинеръ Локаль Анцейгеръ" № 413, 2 сентября 1920 г. статья, озаглавленная „Три Европейскихъ Блока."

то же время ему уже удалось произвести большую разрушительную работу, какъ въ отношеніи разрыва старой структуры Европы, такъ и подрыва постоянства монархическаго принципа европейскихъ государствъ. Кукольныя республики, созданныя на развалинахъ монархической Европы, стали ареной мелочного соперничества полуобразованныхъ политиковъ, обратившихся въ представленіе безграничнаго моральнаго распада и отсутствія здороваго патріотизма.

Лига Націй до сихъ поръ также не проявила достаточнаго гражданскаго мужества и моральнаго престижа для того, чтобы положить конецъ безсчетнымъ спорамъ и вооруженнымъ столкновеніямъ между государствами, осѣненнымъ благословеніями мира со стороны государственныхъ мужей въ Парижѣ.

Одна американская газета недавно предприняла работу по перечисленію различныхъ странъ, находящихся или въ состояніи раскола или войны. Списокъ представленный газетой таковъ:

1. Соединенные Штаты противъ Германіи.
2. Соединенные Штаты противъ Австро-Венгріи.
3. Мексика — революція.
4. Боливія — революція.
5. Ирландія — Синъ-фейнерская революція.
6. Англія противъ турецкихъ націоналистовъ и арабовъ въ Месопотаміи.
7. Франція противъ турецкихъ націоналистовъ.
8. Венгрія противъ Румыніи.
9. Польско-большевисткая война.
10. Врангель-большевисткая война.
11. Греки противъ турецкихъ націоналистовъ.
12. Египетъ — революція.
13. Турки противъ армянъ.
14. Большевики противъ Персіи.
15. Большевики противъ Японіи.
16. Корейская революція.

17. Южный Китай — Гражданская война.
18. Индія — революція.
19. Италія — революція*.

Вышеприведенное ни въ коемъ случаѣ, однако не исчерпываетъ весь комплексъ чертъ полныхъ надежды, которыя носятъ „виды на миръ“. Конфликтъ между Италіею и Югославіею еще не разрѣшенъ. Такъ называемые Украинцы въ состояніи войны съ Совѣтами. Бѣлоруссія также возстала противъ Ленина и Троцкаго. Поляки наканунѣ столкновенія съ Литовцами, причемъ Вильна стала Фіуме Востока. Американско-Японскія недоразумѣнія сильно обострились. Большевики напали на Арменію. Отношенія между Соединенными Штатами и Мексикой не исправились до сихъ поръ и т. д. до безконечности.

Въ этомъ міровомъ хаосѣ Лига Націй стоитъ безпомощно, безъ всякой силы подчинить кого либо своимъ рѣшеніямъ, безъ всякаго моральнаго престижа для посредничества.

Болѣе того, самой Лигѣ Націй грозитъ внутреннее несогласіе. 4 декабря 1920 г. делегація Аргентины покинула собраніе, мотивируя свой уходъ слѣдующими 4 пунктами заявленнаго требованія:

Первое: Избраніе Совѣта Собраніемъ, вмѣсто ея теперешней конституціи согласно Устава.

Второе: Постановленія Международнаго Суда должны быть обязательными.

Третье: Допущеніе въ Лигу въ качествѣ равноправныхъ членовъ всѣхъ государствъ, признанныхъ въ сообществѣ Націй.

Четвертое: Допущеніе малыхъ государствъ, чьи границы остаются неопредѣленными, безъ права голосованія но съ совѣщательными правами.

* Сравните данныя опубликованныя въ „Нью Іоркъ Таймзъ“ 5 сентября 1920 7 секція.

Несомнѣнно это было первымъ серьезнымъ вызовомъ первенству Союзниковъ въ Совѣтѣ, руководившагося Великобританіей, Франціей, Италіей и Японіей. Съ другой стороны, содержаніе пункта 3-го заявленія было отраженіемъ настроеній европейскаго общественнаго мнѣнія, и явилось попыткою принудить допущеніе Германіи въ Лигу. Сеньоръ Пьюйрредонъ предсѣдатель Аргентинской делегаціи, откровенно заявилъ, что это было намѣреніемъ его правительства сдѣлать Совѣтъ отвѣтственнымъ передъ Собраніемъ, дабы такимъ путемъ лишить Антанту возможности оставаться руководительницею Лиги. Важно отмѣтить, что требованія Аргентины поддерживались Канадскою, Австралійскою и Ново Зеланскою делегаціями.

Слѣдующимъ явилось предложеніе Чарльза I. Дохерти, канадскаго делегата, возбудившаго вопросъ объ уничтоженіи параграфа X Устава на томъ основаніи, что онъ — „шарлатанство", въ то время какъ представитель Скандинавіи, съ другой стороны, предлагали цѣлый рядъ другихъ измѣненій Конституціи Лиги. Такимъ образомъ, едва началась работа Лиги, какъ вся постройка Лиги возведенная Версальскими дипломатами, подъ предводительствомъ Ллойдъ Джорджа и Вильсона, была потрясена вплоть до ея источенныхъ червями устоевъ.

Многочисленны причины тому, почему Лига Націй, названная нѣкоторыми Лигой „Галлюци-націй", никогда не стала могущественнымъ факторомъ въ возстановительной работѣ и похоже, что никогда не станетъ имъ впредь.

Согласимся ли мы съ предположеніемъ профессора Сейнобс'а, что имѣются семь главныхъ препятствій для успѣшной дѣятельности Лиги — или же съ мнѣніемъ Саролелеа утверждающимъ, что таковыхъ одиннадцать, въ концѣ концовъ это несущественно, ибо оба автора практически выдвигаютъ одни и тѣ же

доказательства, которыя могутъ быть суммированы слѣдующимъ образомъ:

Первое: Лишеніе Россіи права участія въ Лигѣ.

Второе: Близорукость Имперіализма Союзныхъ правительствъ.

Третье: Неуспѣхъ присоеденить къ Лигѣ Америку.

Четвертое: Неуспѣхъ Коференціи въ разрѣшеніи Франко Германскихъ противорѣчій.

Пятое: Продолженіе Германіею оставаться вѣрною своимъ первоначальнымъ имперіалистическимъ стремленіямъ.

Шестое: Неудовлетворительное разрѣшеніе экономическихъ вопросовъ Версальскимъ Договоромъ.

Седьмое: Неуспѣхъ Мирной Конференціи должнымъ образомъ урегулировать военный вопросъ въ Германіи.

Однако казалось бы имѣется, помимо только что перечисленныхъ препятствій, болѣе глубокій, коренящійся въ историческомъ развитіи, факторъ, благодаря которому можетъ быть пояснена столь широко распространенная оппозиціонность къ самой схемѣ Лиги, независимо отъ того будетъ ли она принята въ той формѣ, въ какой разработанъ ея уставъ, или же будутъ сдѣланы къ нему тѣ безчисленныя добавленія, которыя выдвинуты общественнымъ мнѣніемъ, или соотвѣтствующими делегаціями.

Самое понятіе Лиги Націй находится въ противорѣчіи съ принципомъ національной суверенности Государства. И дѣйствительно большинство всѣхъ возраженій группируются вокругъ десятаго параграфа Устава, который представляетъ право Совѣту Лиги преподавать совѣты своимъ членамъ, коимъ угрожаетъ опасность ихъ цѣлости и независимости, — тѣ пути по коимъ они должны слѣдовать для огражденія своего бытія.

Этотъ параграфъ всегда приводится въ связи съ параграфомъ XI и гласитъ:

„Всякая война, или угроза ея, затрагивающая кого либо изъ членовъ Лиги — немедленно, или нѣтъ, — настоящимъ объявляется дѣломъ, имѣющимъ касательство ко всей Лигѣ, и Лига должна предпринять всѣ мѣры, которыя будутъ признаны нужными, для сохраненія мира среди націй. Если будетъ предстоять такое положеніе, то по просьбѣ любого члена Лиги Генеральнымъ Секретаремъ должно быть созвано немедленно засѣданіе Совѣта.

„Настоящимъ также объявляется, что каждому члену Лиги дружески предоставляется право представлять собранію Совѣта любое обстоятельство, которое затрагиваетъ международныя отношенія, которое угрожаетъ нарушить международный миръ, или доброе согласіе между тѣми націями, отъ коихъ зависитъ сохраненіе мира."

Эти тезисы Устава имѣли основаніе встревожить всѣ тѣ круги Соединеныхъ Штатовъ, не обязательно республиканскіе, которые вѣровали въ національные идеалы и не раздѣляли принциповъ интернаціонализма. Было отмѣчено, что идея національной суверенности практически была поглощена Уставомъ путемъ установленія безчисленныхъ законныхъ поводовъ дающихъ право Совѣту Лиги вмѣшиваться въ строго національныя дѣла.

На самомъ дѣлѣ почти всякій международный случай можетъ быть легко подведенъ подъ „обстоятельство затрагивающее международныя отношенія", каковыя подпадаютъ юрисдикціи Лиги. Совершенно справедливо былъ заданъ вопросъ-являются ли требованія Египтомъ независимости внутреннимъ дѣломъ Британской Имперіи, или же его нужно разсматривать какъ дѣло международнаго значенія. Такимъ же образомъ было высказано много сомнѣній по поводу

того-является ли Японскій вопросъ въ Калифорніи частью внутренней политики Соединенныхъ Штатовъ, или же его разрѣшеніе лежитъ на обязанности Совѣта Лиги, ввиду того, что онъ очевидно затрагиваетъ международныя отношенія. Схожіе вопросы были заданы по поводу отношеній между Соединенными Штатами и Мексикою и даже касались состоянія негровъ Юга.

Подобныя сомнѣнія могутъ быть оправданы, вслѣдствіе наличности того факта, что такъ называемыя „Права меньшинствъ", которые были наложены на Польшу, Румынію, Чехословакію, Грецію и Югославію, оказались поставленными подъ защиту Лиги Націй.

Вспомнимъ, что среди тѣхъ народовъ, которые отправили своихъ представителей на Парижскую Мирную Конференцію были Евреи. Они представили особую ноту о Еврейскихъ правахъ, постановленія коихъ были поддержаны Ллойдъ Джорджемъ, Вильсономъ и Клемансо. Между прочими вожделеніями нота претендовала на признаніе евреевъ „какъ явно автономныя организаціи, обладающія правами образовывать, вести и руководить школами, религіозными, воспитательными, благотворительными и общественными учрежденіями." Параграфъ V уславливался о томъ, что „каждое національное меньшинство можетъ быть представлѣно пропорціонально государству, причемъ областные и муниципальные фонды должны базироваться на разумѣ ея членовъ на соотвѣтствующихъ территоріяхъ, такъ же какъ и все населеніе". Въ конечномъ итогѣ, при соблюденіи параграфа VI евреи бы имѣли пропорціональное представительство въ избирательныхъ органахъ національныхъ, муниципальныхъ и самоуправляющихся установленій.

Важнымъ пунктомъ, во всѣхъ этихъ поражающихъ требованіяхъ, было то, что они всѣ посягали на чисто внутреннія дѣла доселѣ разрѣшавшіяся Го-

сударствомъ, безъ всякаго вмѣшательства со стороны какой либо иностранной державы. Вышеописанныя права, хороши ли они или вредны національному существованію, главнымъ образомъ предназначены для управленія отношеніями между гражданами которыя, хотя и принадлежатъ къ различнымъ племеннымъ и религіознымъ группамъ, но живутъ въ границахъ одного государства. Какъ таковыя, эти права должны руководиться самимъ Государствомъ, разъ они состоятъ частью національной суверенности. Вышеприведенная нота о правахъ, однако, предлагаетъ нижеслѣдующую обязанность:

„Подписавшіе договоръ, или любое меньшинство которое, можетъ пострадать вслѣдствіе недостаточности при выполненіи его пунктовъ, получаютъ, право представить жалобы для сужденія таковыхъ Лигѣ Націй, которая постановляетъ свой приговоръ.“

Другими словами, когда бы и гдѣ бы евреи не почли свои единственные привилегіи нарушенными Государствомъ, они тотчасъ же могутъ получить право жаловаться Лигѣ Націй, которая въ свою очередь, будетъ обязана вмѣшаться въ верховныя права „заподозрѣннаго“ государства въ дѣлахъ его управленія, и начнетъ рѣшать и регулировать отношеніе его гражданъ и подданныхъ.

Если бы такого рода политика была распространена и на другія меньшинства или племенныя группы, то явилось бы вполнѣ справедливымъ для Американскихъ негровъ обращаться къ Лигѣ Націй во всѣхъ случаяхъ когда бы они почли свои права нарушенными правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ, или вообще Американскимъ народомъ.

Вполнѣ ясно, что никакое уважающее себя государство, не можетъ терпѣть такого вмѣшательства въ свои внутреннія дѣла, и вполнѣ правильно усма-

тривало бы въ немъ, посягательство на свою политическую независимость.

Кромѣ того, включенная въ параграфъ XI Устава формула: „любое обстоятельство затрагивающее международныя отношенія", туманно и лицемѣрно, и пользованіе имъ должно привести повсемѣстно къ серьезнымъ безпокойствамъ. Право Государства издавать законы объ эмиграціи непреложны, а тѣмъ не менѣе они всегда имѣютъ прямое касательство къ международнымъ отношеніямъ. Желаніе возвращенія короля Константина Греческимъ народомъ, очевидно международное дѣло, которое должна уладить сама Греція. Тѣмъ не менѣе Великобританія и Франція, посчитали себя въ правѣ вмѣшаться въ него. Точно также реставрація монархическаго режима въ Германіи или Россіи, безпорно является внутреннимъ дѣломъ для каждой соотвѣтствующей страны, однако параграфъ XI, весьма возможно оправдалъ бы Лигу Націй, разсматривая подобныя политическія измѣненія, какъ обстоятельства затрагивающія международныя отношенія.

И дѣйствительно, любое событіе политическаго значенія, совершающееся въ любой странѣ, прямо или косвенно, неизбѣжно затрагиваетъ цѣлый рядъ взаимоотношеній цивилизованныхъ націй. Поэтому, если бы правила Устава строго соблюдались, то весь концертъ націй — участниковъ Лиги былъ бы втянутъ въ безпрерывныя противорѣчія другъ съ другомъ, или съ государствами не входящими въ ея составъ. Если обязанность каждаго заключается въ томъ, чтобы вмѣшиваться во всѣ чужія дѣла, то анархія является логическимъ слѣдствіемъ этого. При этихъ обстоятельствахъ ничего удивительнаго нѣтъ въ томъ, что Комитетъ Иностранныхъ Сношеній Сената Соединенныхъ Штатовъ, торжественно отвергъ Уставъ

Лиги Націй въ томъ видѣ, въ какомъ былъ представленъ Вильсономъ.

Другая причина неуспѣха Лиги Націй въ завоеваніи нормальнаго престижа у всего свѣта, въ общемъ объясняется тѣмъ фактомъ, что тѣ именно Державы, по чьей иниціативѣ возникла Лига, продолжали преслѣдовать имперіалистическую политику. Такъ Великобританія въ настоящее время, больше чѣмъ когда либо, придерживается догмата своего главенства на моряхъ. Истребленіе Германскаго флота, казалось было для Англіи достаточной причиной, разъ на всегда разстаться съ своей агрессивной морской политикой. Вмѣсто этого, Германскій флотъ былъ включенъ въ составъ Британскаго, въ то время какъ другіе Союзники, включая сюда и Соединенные Штаты, были безпорно обойдены, такъ какъ количество германскихъ судовъ отданныхъ имъ было до смѣшного малымъ въ сравненіи съ львинной долей, которая была предназначена Англіи. Съ другой стороны, нѣтъ никакихъ признаковъ того, что Соединенные Штаты намѣревались облегчить тяготы по вооруженію, даже послѣ подписанія перемирія. Именно въ то время, когда Вильсонъ поѣхалъ въ Парижъ, Даніельсъ сдѣлалъ свой сенсаціонный запросъ о флотѣ „которому бы не было второго подобнаго". Такая политика не могла иначе разсматриваться заграницей, какъ принятымъ Америкой намѣреніемъ вступить въ морское соперничество съ Великобританіей или Японіей, или обѣими вмѣстѣ.

Поэтому не слѣдуетъ удивляться тому, что представители Японіи въ Лигѣ отказались присоединиться къ плану о разоруженіи, указавъ, что покуда Соединенные Штаты придерживаются своей морской программы, Японія будетъ лишена возможности уменьшить свой военный бюджетъ.

Оправдывалось ли требованіе постройки гранді-

ознаго флота при сложившихся обстоятельствахъ или нѣтъ, остается вопросомъ открытымъ для сужденія о немъ. Однако, невозможно отрицать трудность согласовать политику „флота, которому бы небыло втораго подобнаго“ съ обѣщаніями Вильсона устроить международное братство и съ его торжественными обязательствами не прибѣгать къ помощи войнъ.

Это лишь одинъ изъ инцидентовъ, въ которыхъ Соединенные Штаты и Великобританія, — двѣ страны, которыя болѣе чѣмъ остальныя выказывали живой интересъ къ установленію сообщества націй и объявили, что онѣ стремятся „поощрить международное содружество и завершить международный миръ и безопасность“ — сами впали въ политику коммерческаго и морского соперничества. Одинъ этотъ фактъ вполнѣ достаточенъ для того, чтобы возбудить серьезное подозрѣніе въ искренности исповѣдованія ими тѣхъ идеаловъ, которые согласно ихъ собственному заявленію, являлись основными принципами ихъ будущей политики.

Было бы нетрудно привести случаевъ подобнаго же рода чуть ли не до безконечности. Достаточно припомнить Британско-Ирландскія противорѣчія, Британско-Индускій конфликтъ, Британско-Египетскія отношенія и Американско-Японскія разногласія, всѣ являясь дѣлами важнаго международнаго значенія, всѣ непосредственно касаясь международныхъ отношеній и, которыя, несмотря на это никогда не предстали предъ Совѣтомъ Лиги Націй. При такихъ обстоятельствахъ Лига, оставаясь въ пренебреженіи какъ со стороны ея членовъ, такъ и со стороны странъ явившихся активными ея организаторами, не могла пользоваться моральнымъ престижемъ вообще среди всѣхъ странъ. Безъ него же самое существованіе Лиги дѣлается ненужнымъ и призрачнымъ.

Далѣе возникаетъ инстинктивное опасеніе со сто-

роны тѣхъ кто близко знакомъ съ дѣйствительною подоплекою, что Лига Націй можетъ стать орудіемъ въ рукахъ у клики безотвѣтственныхъ политикановъ, преслѣдующихъ или собственныя цѣли или интересы какой либо группы, стремящейся къ международному главенству. Общеизвѣстенъ тотъ фактъ, что въ каждой странѣ, будь она демократическая или автократическая, имѣются два параллельно дѣйствующихъ правительства, оказывающихъ прямое вліяніе на судьбы своей страны. Первое это законно учрежденное, видимое, правительство, которое проявляетъ свою власть и выполняетъ свои обязанности общественнаго контроля среди бѣлаго дня. Второе, это правительство, которое не носитъ законныхъ названій, невидимое, дѣйствующее за кулисами политической сцены и самое существованіе котораго, поэтому, для широкихъ массъ остается неизвѣстнымъ. Тѣмъ не менѣе оно существуетъ. Зачастую оно болѣе могущественно, чѣмъ законно съорганизованное, ибо оно ускользаетъ отъ общественнаго контроля, и его дѣйствія остаются невозглавленными никѣмъ и незамѣтными.

Распутинъ — его символъ. Каждая страна имѣла свою „Таинственную руку“ направлявщую и руководившую общественными дѣлами; послѣдствія такой работы оказывались неизмѣнно болѣе или менѣе бѣдственными, а выгоду отъ дѣйствія этого лукаваго апарата извлекала всегда *клика*, а не народъ.

Можно опасаться, что какая нибудь эгоистическая клика, состоящая, будь то изъ международныхъ финансовъ, или изъ организованнаго Еврейства, или интернаціональнаго Труда, можетъ попытаться захватить руководительство этого сверхъ государственнаго апарата, проистекшаго изъ послѣдствій Версальскаго Договора.

Едва ли возможно отрицать то обстоятельство, что высоко организованное итернаціонально-финансо-

вое общество, какъ напримѣръ Германо-Еврейская банковая группа съ ея центромъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, со своими развѣтвленіями во всемъ свѣтѣ, въ состояніи установить и оказать свое воздѣйствіе, въ смыслѣ подчиненія себѣ, на такую ограниченную и узкую организацію, какъ Лига Націй. Если принять во вниманіе, что международный банкирскій домъ Ротшильдовъ обладаетъ большинствомъ желѣзныхъ дорогъ во Франціи и Венгріи точно также какъ и громадными промышленными паями въ Германіи, Австріи и Англіи, стоимость коихъ опредѣляется въ нѣсколько билліоновъ долларовъ и если мы далѣе примемъ во вниманіе, что всѣ колоссальнѣйшіе финансовые источники такихъ еврейскихъ фирмъ какъ напримѣръ: Блейхредера, Куна, Леба и К°, Мендельсона, Ладенбурга, Тальмана и К°, Галльгартена и К°, Спайера и К°, совмѣстно съ группой Гинсбурга, состоя на вѣрной службѣ того же самаго Іудо-Германскаго денежнаго Треста, и работая въ полномъ согласіи во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, то въ такомъ случаѣ, легко сдѣлать выводъ, что подобному финансовому титану не представитъ трудностей наложить руку на Лигу Націй, используя ея исполнительныхъ чиновниковъ по своему усмотрѣнію.

То, что такого рода опасность не призрачна подтверждаетъ то обстоятельство, что Брюссельская Конференція и Совѣтъ Лиги Націй уже утвердили планъ, который предусматриваетъ, что отнынѣ кредиты будутъ гарантироваться не отдѣльными національными правительствами и государствами, такъ какъ націи, ищущія кредита должны будутъ обращаться къ *международной организаціи,* для подчиненія этому плану, съ указаніемъ тѣхъ эквивалентовъ богатствъ, которые могли бы служить залогомъ для страховки займа. Предположено, что тогда будутъ выпущены международныя облигаціи подъ эти зак-

ды (залоги) и употреблены какъ обезпеченіе для страховки кредитовъ, покрывающихъ стоимость импорта, который желаютъ финансировать. Далѣе вполнѣ понятно, что эта же международная организація будетъ также контролировать размѣщеніе кредитовъ между различными странами, которыя пожелаютъ финансировать свой импортъ.

Не требуется особой мудрости для того чтобы дешифрировать смыслъ этого плана. Если Собраніе Лиги приметъ предложенныя мѣры, то впредь международная финансовая группа получитъ возможность осуществить полный контроль по всякому иностранному займу, испрашиваемому отдѣльнымъ государствомъ. И можетъ легко статься, что это финансовое сверхъ-государство, недовольное какимъ либо національнымъ мѣропріятіемъ государства ищущаго займа, можетъ отказать ему въ подачѣ финансовой помощи, истребуемой при такихъ обстоятельствахъ. Это бы оставило европейскія страны на милости интернаціональныхъ финансовъ, которые, въ свою очередь, могли пользоваться своею силою, какъ средствомъ для экономическаго удушенія тѣхъ правительствъ и странъ, которые бы оказались недостаточно полезны дѣлу Израиля. Тѣмъ болѣе, нѣтъ реальной гарантіи въ томъ, что напримѣръ, Гимансъ, являющійся первымъ предсѣдателемъ Собранія Лиги и въ то же время — еврей, использовалъ бы свои старанія для защиты „виноватой“ націи противъ своихъ собратіевъ.

Случись что либо подобное, то самой Лигѣ Націй грозила бы неминуемая опасность превратиться въ подобіе женевскаго отдѣленія банкирскаго дома Р. Ф., что ошибочно принимается многда за Республику Францію. Это также означало бы, что власть которою облечена Лига, этою или иною схожею группою была бы употреблена какъ орудіе всеобщаго гнета.

До сихъ поръ Лигу постигъ полный неуспѣхъ.

Она не только не привела къ миру, но даже не сдѣлалась мѣстомъ, годнымъ для перевозсозданія міра. Шумное торжество по поводу ея оффиціальнаго возникновенія въ Женевѣ привлекло мало вниманія внѣ той ограниченной группы маньяковъ, которые видѣли въ Лигѣ панацею всѣхъ злоключеній и „великую надежду“ будущаго.

Послѣ поспѣшнаго созданія Малыхъ Антантъ въ самой Лигѣ начались мелочныя соревнованія; кукольныя государства, новорожденныя республики, страны едва ли могущія быть обозначены на картѣ, толпятся къ первымъ рядамъ, стремясь захватить право вмѣшиваться въ дѣла международной важности. Латино-Американскія государства громко требуютъ быть допущенными вмѣшиваться въ Европейскія дѣла, въ то время какъ несуществующіе государства, какъ то Грузія, Латвія, Эстонія, Арменія, Украина и Исландія — пачками — настаиваютъ на признаніи ихъ равноправными членами Лиги*. Участіе Исландіи въ Лигѣ Націй, вѣроятно принесетъ Лигѣ сообщества Націй наибольшую пользу; однако, если дѣятельность международнаго органа будетъ продолжать развиваться, то отсутствіе въ его рядахъ Россіи, Германіи, Австріи, Венгріи, Болгаріи и Соединенныхъ Штатовъ вскорѣ приведутъ къ такимъ международнымъ осложненіямъ, что станетъ немыслимымъ распутать весь Гордіевъ узелъ международныхъ отношеній и не останется ничего другого, какъ разрубить его мечемъ.

Физическая невозможность разрѣшить даже сравнительно несложные дѣла безъ участія Соединенныхъ Штатовъ встала во весь ростъ, когда Лига начала разсматривать Армянскій вопросъ. Союзники помогли зарожденію независимой Арменіи и казалось вполнѣ

* Сравните „Лига Націй“ оффиціальный журналъ № 5 Іюль-августъ 1920 стр. 300, изд. Гаррисонъ и С-вья, Лондонъ.

естественнымъ, что они дадутъ защиту противъ внѣшняго нападенія на эту республику. Кромѣ того, защита эта гарантируется нормами Устава Лиги; тѣмъ не менѣе, когда турецкіе націоналисты подъ предводительствомъ Мустафа Кемаля, напали на Арменію, то ни одна держава изъ всѣхъ сорока, которыя объединились въ Лигѣ, не выразила своего согласія принять обращеніе Арменіи. До тѣхъ поръ пока Венизелосъ оставался у власти Ллойдъ Джорджъ пользовался имъ какъ орудіемъ въ Турецко-Армянскомъ спорѣ; но когда, послѣ таинственной смерти Короля Александра Греческаго, все казалось было приготовлено для образованія Греческой Республики, съ Венизелосомъ въ роли ея султана, — греки, къ великому разочарованію затѣѣ Антанты, объявили себя противникомъ республиканскаго образа правленія и сторонниками Короля Константина. Венизелосъ поспѣшно бѣжалъ подъ фалды британскаго премьера и Армянскій вопросъ выдвинулся во всей его остротѣ со всею безпомощностью Лиги провести въ жизнь какое бы то нибыло постановленіе Мирной Конференціи, съ Мустафою Кемалемъ во главѣ всей Анатоліи и съ Англичанами и Французами, спѣшащими покинуть Арменію, какъ незаконное дитя, у чьего нибудь, предпочтительно американскаго, порога. Однако Америка уже отвергла обращеніе Арменіи, и имѣлось мало шансовъ въ томъ, что Америка возметъ на себя отвѣтственность въ разрѣшеніи Армянскаго вопроса, въ особенности послѣ того, какъ она отказалась даже отъ участія въ Лигѣ.

Въ чувствахъ американскаго народа по отношенію къ Лигѣ имѣлся горькій осадокъ, и до сихъ поръ, послѣ отклоненія Сенатомъ Соединенныхъ Штатовъ Договора. Вильсонъ питалъ надежду, что президентскіе выборы послужатъ дѣлу примиренія съ совершившимся фактомъ. Такъ же какъ Кайзеръ однажды

заявилъ что: „онъ не потерпитъ глупостей Америки“, — Вильсономъ было объявлено, что онъ не потерпитъ глупостей сенатора Лоджа и Республиканскаго Сената. Однако „торжественное изрѣченіе“ дало поражающее большинство республиканской партіи и всѣ предложенія президента провалились окончательно къ великому огорченію всѣхъ полубольшевиковъ, полулибераловъ типа Хапгуда, Буллитта, Стеффенса и всѣхъ будуарныхъ политиковъ.

Имѣются всѣ данныя для надежды, что Американскій народъ, вѣрный своимъ историческимъ традиціямъ, останется безразличнымъ къ зловѣщимъ кознямъ интернаціонализма и будетъ пропускать мимо ушей оффиціально субсидируемую пропаганду, ведущуюся для подрыва твердыхъ основъ его національнаго бытія.

Но даже если бы въ будущемъ Америка и вступитъ въ ряды Лиги Націй, то всетаки успѣхъ ея остается подъ великимъ сомнѣніемъ. Одно обстоятельство, однако, остается внѣ сомнѣній: неуспѣхъ Лиги обезпеченъ до тѣхъ поръ, пока весь Восточный вопросъ, съ Россіею во главѣ всего угла его, остается висѣтъ въ воздухѣ.

Воинствующій большевизмъ.

Первая фраза, съ которой начинается знаменитая статья С. О. С. написанной Леонидомъ Андреевымъ, гласитъ:

„Поведеніе Союзныхъ правительствъ по отношенію къ Россіи — или измѣна, или сумасшествіе.“

А, нѣтъ ли здѣсь обоихъ вмѣстѣ.

Союзная побѣда была бы немыслима, если бы Россія не приняла участіе въ войнѣ, что общепризнано. То что отношеніе Союзниковъ къ Россіи было

оскорбительнымъ не можетъ быть, по всей вѣроятности, отрицаемо ими самими. Можно привести тысячи извиненій въ выказанномъ оскорбленіи, но ни одно изъ нихъ не въ состояніи оправдать величайшій грѣхъ, когда либо совершенный въ исторіи согласованнымъ дѣйствіемъ, какъ нужно думать, цивилизованныхъ странъ.

Самою отталкивающею чертою въ поведеніи Союзниковъ по отношенію Россіи было лицемѣріе. Любая глупость совершенная какимъ нибудь милостивымъ государемъ въ Парижѣ, всякая измѣнническая выходка подстроенная Лойдъ Джорджемъ или Вильсономъ, каждая новая доза яда влитая въ умирающее тѣло Великой Россіи, — неизмѣнно облекалась въ форму альтруистическаго разглагольствованія, которое должно было убѣдить остолбенѣлое человѣчество, что Россія столь же дорога ихъ холоднымъ сердцамъ какъ ихъ мелочная политиканствующая каррьера.

Не одни русскіе жалуются на русскую политику Антанты. Послушайте, что говоритъ Диллонъ:

„...Россія, временный Союзникъ, безъ чьихъ сверхъчеловѣческихъ усилій и героическихъ жертвъ ея соратники были бы раздавлены, была молчаливо причислена къ категоріи враждебныхъ и побѣжденныхъ народовъ и много ея областей оторваны отъ нея принудительно и безъ спроса. Никто изъ представителей не былъ созванъ и ни съ кѣмъ изъ нихъ не посовѣтывались, хотя всѣ — большевики и антибольшевики, были заодно въ ихъ противодѣйствіи иностранному вмѣшательству. Конференція неоднократно отвергала всякую попытку вмѣшательства во внутреннія дѣла другого государства, и Ирландскій, Египетскій и нѣкоторые другіе аналогичные вопросы были Конференціею подведены подъ эту категорію.

Какъ же уяснить себѣ тѣ основанія, по которымъ для Финскаго, Латышскаго, Эстонскаго, Грузинскаго, Украинскаго вопроса были сдѣланы исключенія. Нельзя себѣ представить болѣе откровеннаго посягательства на суверенность государства, чѣмъ раздробленіе и лишеніе его территоріальныхъ владѣній, вопреки его волѣ... Ни одинъ свѣдущій въ международномъ правѣ, или же, просто, здравомыслящій человѣкъ не будетъ поддерживать мнѣнія о томъ, что какое либо рѣшеніе достигнутое въ Парижѣ можетъ въ будущемъ связать Россію."

Политика расчлененія Россіи явилась результатомъ комбинированныхъ усилій трехъ силъ одинаково враждебныхъ какъ Россіи, такъ и Русскому народу.

a) Паніудаизмъ.
b) Пангерманизмъ.
c) Панбританизмъ.

Послѣдніе два будучи лишь приданы къ первому.

Позорный Брестъ-Литовскій договоръ былъ справедливо осужденъ англійскимъ и французскимъ общественнымъ мнѣніемъ, потому что онъ отдавалъ Россію во власть Германіи и наносилъ серьезный ударъ единству и цѣлости Русской Имперіи. Однако этотъ договоръ явился послѣдствіемъ переговоровъ, которые велись между Германскимъ Кайзеромъ и агентомъ Германіи, между побѣдительницею — Германіею и сраженною — Россіею. Поэтому, несмотря на отталкивающій и измѣнническій характеръ этихъ переговоровъ, тѣ тридцать серебренниковъ, которые были заплочены Іудѣ XX столѣтія — Троцкому для распятія Россіи являлись вполнѣ удовлетворительнымъ объясненіемъ этой постыдной сдѣлки. Чего иного можно было ждать отъ Троцкаго. Чего иного можно было ждать отъ побѣдоносной Германіи. Пангерманизмъ и паніудаизмъ сочетавшись произвели Брестъ-Литовскій договоръ. Но что же можетъ оправдать тѣ

условія, въ которыя была поставлена Вильсономъ и Ллойдъ Джорджемъ Россія при молчаливомъ согласіи Клемансо. Существо тѣхъ условій, которыя были приняты Троцкимъ въ Брестъ-Литовскѣ и тѣхъ въ которыя была поставлена Россія Антантою въ Парижѣ, практически одно и то же. Расчлененіе Россіи было завершено Мирною Конференціею слѣдующимъ образомъ*:

Первое: въ ущербъ суверенымъ правамъ Россіи и безъ ея согласія, Финляндія была объявлена независимымъ государствомъ.

Второе: Эстонія была объявлена независимымъ государствомъ, что отторгало отъ Россіи Ревель. Этотъ портъ, одинаково какъ Гельсингфорсъ въ Финляндіи справедливо считаются ключами Финскаго залива.

Третье: Независимое государство Латвія было отрѣзано отъ территоріи Россіи, что лишило послѣднюю Риги и Рижскаго залива.

Эти три мѣропріятія имѣли результатомъ закрытіе для Россіи выхода въ Балтійское море, ибо оставляло ей только одинъ портъ въ Финскомъ заливѣ — Петроградъ, который несвободенъ отъ замерзанія.

Четвертое: Была признана независимость Литвы, лишая Россію такимъ образомъ ея крѣпостного района на Сѣверо-Западѣ, а также ея стратегическаго преимущества, заключающагося въ обладаніи Ковно-Нѣманскою оборонительною системою.

Пятое: Бессарабія была уступлена Румыніи; такимъ образомъ была отторжена отъ Россіи одна изъ ея богатѣйшихъ губерній пшеничнаго района со-

* Е. I. Диллонъ „Внутренняя сторона мирной Конференціи" стр. 345 и 346. Гарперъ и братья Нью Іоркъ 1920.

вмѣстно съ цѣнною полосою побережья Чернаго Моря.

Шестое: Россія оказалась лишенною Кавказа, который преднамѣренно былъ подѣленъ на рядъ маленькихъ полудикихъ республикъ. Послѣдствіемъ этого явились для Россіи потеря ея нефтеносныхъ земель и одного изъ ея богатѣйшихъ рудоносныхъ районовъ.

Седьмое: За счетъ Россіи было предположено образовать Великую Польшу, отторгнувъ отъ Россійскаго организма такія области которыя на дѣлѣ не имѣютъ даже жителей поляковъ.

Вышеприведенная оскорбительная вивисекція была ближайшимъ результатомъ зловредной теоріи Вильсона о самоопредѣленіи и о правахъ меньшинствъ.

Политика Союзниковъ вызвала единодушное озлобленіе со стороны русскихъ, независимо отъ того, къ какой бы политической партіи они не принадлежали. Нижеслѣдующая выдержка изъ обращенія озаглавленнаго „Россія ждетъ справедливости отъ Америки“ даетъ близкое представленіе переживаній русскихъ людей по поводу политики Вильсона:

„Возможно ли, чтобы кто либо серьозно вѣрилъ въ то, что великій Русскій народъ будетъ въ состояніи влачить свое существованіе подъ тѣмъ невѣроятнымъ экономическимъ гнетомъ, который воспослѣдуетъ, вслѣдствіе отсутствія выхода къ морю и потери главныхъ отраслей промышленности. Возможно ли вѣрить въ устойчивость *такого мира*. Какъ бы невѣроятны ни были всѣ эти „справедливыя“ условія мира для Россіи, однако самымъ невѣроятнымъ во всемъ этомъ дѣлѣ, то что они исходять не отъ нашихъ враговъ, а отъ нашихъ „друзей“. Мы, русскіе, начинаемъ вѣрить тому, что всѣ эти утонченные слова о правѣ и справедливости, которые должны были послѣдовать изъ побѣды, по отношенію къ Россіи были, попросту,

забыты, когда побѣда пришла. И дѣйствительно, въ чемъ собственно, отличны условія Парижскаго мира въ отношеніи Россіи и полезности для нея отъ позорнаго Брестъ-Литовскаго мира? Единственно, какъ это кажется, въ томъ, что союзники требуютъ отъ нея 6,000.000 марокъ контрибуціи. Но, вѣдь, если невозможно отрицать того, что нѣмцы способны диктовать подобныя условія для того, чтобы раздавить своего противника, то едва ли можно не согласиться съ тѣмъ, что они прекрасно отдаютъ себѣ отчетъ въ своихъ національныхъ задачахъ и выгодахъ. Существенныя черты, въ которыя былъ облеченъ Брестъ-Литовскій договоръ возникли не въ 1917 году; они насчитываютъ шестидесятилѣтнюю исторію своего развитія. Германія десятилѣтіями замышляла расчлененіе Россіи путемъ отторженія Прибалтики и основанія независимой Украины. Въ продолженіи десятилѣтій Германія вкладывала въ этотъ планъ свою энергію и деньги, потому что она хорошо понимала, что расчлененная Россія станетъ легкой добычею для ея экономическаго владычества. Поэтому мы обращаемся къ тѣмъ изъ нашихъ союзниковъ, которые не только повторили, но даже подчеркнули Брестъ-Литовскій условія и стремились къ „самоопредѣленіямъ“ въ Россіи, съ вопросомъ: Не дѣлаютъ ли они въ своемъ ослѣпленіи, въ настоящее время въ Парижѣ, вмѣсто „прочнаго, справедливаго и длительнаго мира“ лишь Германскій миръ, который зачлючая въ себѣ такія громадныя для Германіи преимущества, даетъ ей возможность позабыть всѣ аннексіи и убытки, причинненые ей на Западѣ. И почему, крушеніе Россіи, которое вполнѣ справедливо было признано побѣдою Германіи два года тому назадъ, перестало ею быть сегодня“.

Этотъ запросъ былъ сдѣланъ 1 іюля 1919 года объединенными русскими организаціями въ Соединенныхъ Штатахъ, въ которыхъ были представлены всѣ

оттѣнки политическихъ теченій, за исключеніемъ большевиковъ.

Планъ расчлененія Россіи не исчерпывалъ политики Антанты по отнношенію къ своей прежней союзницѣ; какъ бы постыденъ онъ ни былъ — онъ былъ лишь половиною того грѣха, который былъ совершенъ Мирною Конференціею въ отношеніи русскаго народа. Въ то время, какъ части отрѣзанныя отъ Россіи могли бы быть легко возвращены Россіи путемъ ли дипломатическихъ сношеній, или вооруженною силою, — вторая половина — политика, принятая въ Парижѣ въ отношеніи Россіи оказалась непоправимою и фатальною.

Поддержка Союзниками большевизма поразила не только тѣло, но и душу русскаго народа. У парижскихъ дипломатовъ въ отношеніи большевизма въ Россіи могъ быть только одинъ выборъ: безчестіе роли Ленина и Троцкаго. Мирная Конференція должна была признать или повести съ ними борьбу всѣми силами, коими Союзники въ то время обладали. Третьяго выхода не было, да и само существо дѣла исключало возможность его. Всѣ основанія, благодаря которымъ Союзники не должны были признать большевиковъ, были на лицо. Во первыхъ, было доказано что Ленинъ былъ подкупленъ для своей грязной работы. Германіею, а послѣдняя являлась врагомъ Антанты. Вовторыхъ, въ нарушеніе всѣхъ соглашеній, сдѣланныхъ междусоюзными странами и Россіею, большевики заключили сепаратный миръ съ Германіей, что должно было быть разсматриваемо Союзниками, какъ актъ враждебный Антантѣ. Втретьихъ, ввиду того, что у союзниковъ стало ремесломъ насаждать демократію во всемъ мірѣ, они обязаны были непризнать большевиковъ, которые штыками не допустили собраться Учредительное Собраніе которое было собрано въ то время въ Петроградѣ. Если даже народное собраніе ничего

не значило для Союзниковъ, они всетаки должны были считаться съ тѣмъ что громадное большинство его членовъ состояло изъ анти-большевиковъ. Наконецъ, люди, которые болтали о мирѣ, справедливости, универсальномъ братствѣ и демократіи, должны бы были быть ужасены тѣмъ уродливымъ, жестокимъ, кровавымъ и деспотическимъ правленіемъ Троцкаго и его еврейскихъ приспѣшниковъ; море крови должно было потревожить нѣжные нервы тѣхъ господъ, которые въ другихъ случаяхъ проявляли столько сантиментальности и чувствительности.

Съ другой стороны, не имѣлось ни одного повода, который могъ бы служить оправданіемъ для Союзниковъ, въ признаніи ими большевиковъ. Поэтому, это являлось долгомъ для Союзниковъ-побѣдителей, ранѣе чѣмъ приняться разрѣшать какую бы то нибыло проблему, разъ на всегда покончить съ большевизмомъ, являвшимся одинаковою угрозою для Россіи, какъ онъ и до сихъ поръ не перестаетъ быть и для всего остального міра.

Въ 1917 году оставался только одинъ способъ поступить съ большевиками, а именно, путемъ вмѣшательства военною силою, произведенномьвъ должномъ масштабѣ. Польско-большевитская война, дала неопровержимыя доказательства того, что даже въ концѣ 1920 года, когда военная сила большевиковъ достигла своего апогея, организованный военный походъ съ успѣхомъ бы сломилъ сопротивленіе большевиковъ. Пять союзныхъ армейскихъ корпуса, поддержанныхъ широкими массами русскаго народа были бы еще въ 1918 году совершенно достаточною силою для искорененія большевисткой чумы на территоріи Россійской Имперіи. Не есть ли это аксіома, что грубая сила можетъ быть подавлена лишь одною силою и что гуманитарныя фразы не понудятъ большевиковъ отка-

заться отъ ихъ системы, основанной на крови, штыкахъ, шпіонствѣ и террорѣ.

Поощряющая большевизмъ политика началась за семь мѣсяцевъ до перемирія, въ то время, когда президентъ Вильсонъ отправилъ свою извѣстную телеграмму съ привѣтствіемъ Съѣзда Совѣтовъ, собравшихся въ Москвѣ для ратификаціи Брестъ-Литовскаго договора. Этотъ документъ стоитъ привести полностью:

„Могу ли я не воспользоваться случаемъ созыва Съѣзда Совѣтовъ для того, чтобы выразить ту истинную симпатію, которую питаютъ Соединенные Штаты къ Русскому народу въ тотъ моментъ, когда нѣмецкая сила оказалась вынужденною прервать и не вмѣшиваться въ борьбу за свободу и замѣстить желанія Германіи намѣреніями Рускаго народа Хотя правительство Соединенныхъ Штатовъ, къ сожалѣнію находится въ неблагопріятнымъ положеній для оказанія той помощи непосредственной и плодотворной, которую бы оно хотѣло оказать, я всетаки прошу, черезъ Съѣздъ, передать увѣренія русскому народу, что оно воспользуется всякимъ представившимся случаемъ обезпечить Россіи еще разъ полную суверенность и независимость ея въ своихъ дѣлахъ и возстановленія ея великой роли въ жизни Европы и современномъ мірѣ. Народъ Соединенныхъ Штатовъ всею душою съ Россіею при попыткѣ освободить себя на всегда отъ автократическаго правленія и стать кузнецомъ собственнаго счастья.

(Подпись) Вудровъ Вильсонъ
„2 марта 1918 года“.

На ряду съ этимъ поражающимъ привѣтствіемъ убійцамъ русскаго народа, Самюэлемъ Гомперсомъ была отправлена другая телеграмма Всероссійскому Совѣту въ Москвѣ. Гомперсъ пошелъ далѣе побуждая Совѣты информировать его въ своихъ нуждахъ:

„Мы желаемъ знать чѣмъ мы можемъ вамъ помочь". телеграмма заканчивается классически:

„Мы ждемъ вашихъ информацій".

Не было ли по ошибкѣ вставлено слово „информація" вмѣсто „инструкція"?! Евреями въ Соединенныхъ Штатахъ была поведена шумная агитація, побуждающая Вильсона признать правительство Ленина и Троцкаго и призывающая его стать лидеромъ Интернаціонала. Такъ, равинъ Іуда Магнесъ обращаясь къ національной радикальной конференціи въ апрѣлѣ, 1918 года объявилъ:

„Я признаю себя настоящимъ большевикомъ".

Цитируя, какъ онъ назвалъ „дивную дань" президента Вильсона большевисткому движенію въ Россіи, онъ заявилъ, что онъ имѣетъ всѣ данныя съ увѣренностью утверждать, что президентъ былъ готовъ принять и еще разъ возвѣстить, даже съ еще большею опредѣленностью, чѣмъ раньше, принципомъ мира: „немедленный миръ, безъ побѣды", „Я могу сказать вполнѣ положительно", — замѣтилъ рабби Магнесъ — „что президентъ Соединенныхъ Штатовъ, въ ближайшее время, сдѣлаетъ обращеніе союзнымъ правительствамъ, смысломъ котораго явится призывъ къ воюющимъ о возстановленіи немедленнаго мира безъ анексій и контрибуцій. Онъ собирается пригласить всѣхъ воюющихъ на мирную конференцію. *Онъ собирается предложить немедленный миръ на той простой основѣ, которая положена большевиками въ Россіи**."

Это — замѣчательное утвержденіе, которое пріоткрываетъ закулисную работу того зловѣщаго дви-

* Рабби Іуда Магнесъ, обращеніе приведенное въ статьѣ Нью Іоркъ Таймзъ" апрѣль 1918 г. подъ заглавіемъ: „Вильсонъ высказывается за большевистскій миръ".

женія, въ которомъ евреи въ цѣломъ свѣтѣ и Вильсонъ оказались сотрудниками.

И дѣйствительно, всѣ глупости совершенныя Союзниками по отношенію къ Россіи имѣютъ свою особенную исторію.

На Мирной Конференціи господствовалъ Вильсонъ, и было вполнѣ естественнымъ ожидать, что онъ со свойственнымъ ему упрямствомъ будетъ стараться закрѣпить свое рѣшеніе — пригласить Ленина и Троцкаго — логическимъ концомъ.

Парижъ былъ наводненъ безличною толпою посредственныхъ политиковъ, которыхъ внимательно выслушивали сперва „Великіе десять", затѣмъ „Великіе Четыре" и наконецъ послѣ отъѣзда синьора Орландо „Великіе Три". Тратилось безчисленное время съ разными Либерійцами Гаитянами, Грузинами, Латышами, Армянами и Евреями. Дѣлались серьозныя усилія для того, чтобы вникнуть въ суть ихъ мелочныхъ споровъ и кляузъ. Но мистеръ Вильсонъ оказался „черезчуръ занятымъ" для того чтобы удѣлить полъ часа своего драгоцѣннаго времени разговору съ Великимъ Княземъ Александромъ, въ то время какъ остальные „Великіе" систематически отклоняли войти въ сношенія съ подлинными русскими представителями. Самое удивительное это то, что тѣ отдѣльные русскіе, которые имѣли доступъ въ Парижѣ всѣ принадлежали къ тому типу людей, которыми восхищался какъ Ллойдъ Джорджъ, такъ и Вильсонъ. Тамъ были — князь Львовъ, Чайковскій, Маклаковъ, Борисъ Савинковъ — одинъ изъ убійцъ Великаго Князя Сергѣя, былъ также тамъ въ достойной компаніи остальныхъ своихъ революціонныхъ коллегъ. Другими словами всѣ тѣ, кто помогалъ революціонному движенію въ Россіи, кто имѣлъ въ порядкѣ свой революціонный аттестатъ и кто, какъ это изъ всего слѣдуетъ, поэтому являлся тѣмъ лицомъ съ которымъ нужно было поддерживать отно-

шенія. Сазоновъ, имѣвшій болѣе ума, чѣмъ у всѣхъ этихъ кадетскихъ политикановъ взятыхъ вмѣстѣ, понятно, имѣлъ большой грѣхъ въ прошломъ, ибо онъ былъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ при старомъ режимѣ; но даже на немъ, со времени революціи получился тѣневой налетъ, почему, на самомъ дѣлѣ, не было основанія ни Вильсону, ни какому либо другому изъ заправилъ Антанты чуждаться его. Но рѣшеніе поддержать большевиковъ было столь велико, что вмѣсто того, чтобы отправить могущественную экспедиціонную силу въ Россію Союзники повели двойственную политику: съ одной стороны они направляли незначительныя части войскъ въ различные русскіе порты, тогда какъ съ другой стороны, они измышляли проектъ за проектомъ, имѣвшіе цѣлью достигнуть дружескаго соглашенія съ Совѣтами.

Такъ называемая военная интервенція Союзниковъ была поведена столь неумѣло, что она могла только внести раздраженіе не только противъ однихъ Союзниковъ, но и противъ самой идеи объ антибольшевизмѣ. Населеніе прибрежной полосы, занятой союзными отрядами, находилось подъ вѣчнымъ страхомъ, что Союзники неожиданно уведутъ свои слабые силы, оставляя населеніе на милость красной гвардіи; опасались, что тогда явится ужасное мщеніе и что некому будетъ защитить его. Архангельская и Мурманская экспедиція доказывали, что подобныя опасенія были ни безъ основанія, ни преувеличенными. Въ то же время, эти мелкіе союзные уколы въ Совѣтскій организмъ служили лишь для большевиковъ поводомъ торопить созданіе сильной красной арміи. Въ то время, какъ Союзники отправляли въ Россію единичные баталіоны, Троцкій лихорадочно былъ занятъ подготовленіемъ колоссальнаго орудія разрушенія, насильно пополняя ряды красной арміи тысячами ни въ чемъ неповинныхъ русскихъ людей. „Нашествіе Союзни-

ковъ“ служило лишь предлогомъ для ускоренія работы, и хозяева „Интернаціонала“ не теряли ни одного случая, чтобы развить среди русскихъ массъ національныя чувства. Именно въ это время они издали свой знаменитый призывъ, который былъ распространенъ среди русскаго народа въ тысячахъ и тысячахъ экземпляровъ:

„Все должно быть принесено въ жертву для красной арміи. Безсердечныя репрессіи, самыя несправедливыя реквизиціи и конфискаціи разрѣшены военнымъ комисарамъ для пользы красной арміи. Пусть гибнутъ слабые дѣти. Пусть голодаютъ женщины. Пусть крестьяне ощущаютъ недостатокъ сѣмянъ для своихъ полей. Пусть слезы и горе царятъ въ деревняхъ. Но приказъ Троцкаго долженъ быть выполненъ — красная армія не можетъ ни въ чемъ нуждаться*.“

Представленіе возможности большевикамъ усилиться на территоріи бывшей Россійской Имперіи было заранѣе обдуманнымъ планомъ со стороны Союзниковъ. Любой стратегъ согласился бы съ тѣмъ, что дѣтскія экспедиціи въ Россію не могли кончится ничѣмъ инымъ, какъ печальною неудачею и что они могутъ лишь послужить укрѣпленію краснаго милитаризма и имперіализма.

Всякій разъ, когда всѣ эти инсценированныя попытки „помочь русскому народу“ терпѣли фіаско, дипломаты въ Парижѣ начинали доказывать, что вооруженною силою, повидимому, нельзя было противодѣйствовать большевистской опасности и что необходимо изыскать новые методы для сношенія съ большевиками.

На секретныхъ собраніяхъ „Великихъ Четырехъ“ глупости, совершенныя Союзниками, были откровенно

* Переводъ съ русскаго, приведенный въ брошюрѣ „Большевики въ ролѣ руководителей и правителей“ издано въ Токіо въ 1919 г. Японскою Секціею Русскаго Прессбюро.

обсуждены и признаны. Такъ при обсужденіи проекта о соглашеніи на Принкипо, президентъ Вильсонъ заявилъ.

„Въ русскомъ вопросѣ одно выяснено съ несомнѣнностью это то, что, возставая съ оружіемъ въ рукахъ противъ Большевизма, они (Союзники) лишь содѣйствовали его успѣху. Союзники предоставили возможность большевикамъ утверждать, что Имперіалистическія и Капиталистическія Правительства стремятся эксплоатировать страну и возвратить земли помѣщикамъ, и этимъ путемъ привести къ реакціи. Еслибы была доказана неправдоподобность этого утвержденія и то что Союзники хотятъ войти въ сношенія съ правителями Россіи, то значительная доля этого утвержденія въ нравственномъ отношеніи отпала бы*."

Вѣрится съ трудомъ, хотя это правда, что эти и подобные имъ доводы служили основаніями для зловредныхъ предложеній, какъ напримѣръ соглашеніе на Принкипо, проектъ Нансена, Миссія Буллита въ Россіи и принятый въ январѣ 1920 г. Верховнымъ Совѣтомъ Мирной Конференціи планъ веденія торговыхъ сношеній съ Совѣтскою Россіею черезъ посредство кооперативовъ.

Невозможно привести полный перечень отношеній, во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ, къ Россіи. Оффиціальная кличка таковыхъ была озаглавлена подачею помощи несчастному, умирающему съ голода Русскому народу", однако, практическія послѣдствія таковыхъ вылились въ *укрѣпленіе Совѣтской власти въ Россіи и ея постепенное распространеніе во всемъ мірѣ*. Остается добавить немногое для того, чтобы сдѣлать политику Союзниковъ въ этомъ животрепещущемъ вопросѣ совершенно ясною.

* Смотри „Миссія Буллитъ'а въ Россіи" стр. 21. Свидѣтельскія показанія, данныя Вильямомъ Г. Буллитомъ Комитету Иностранныхъ Сношеній С. Ш. Издано Б. У. Хюбигъ, Нью Іоркъ 1920.

Въ началѣ 1919 года положеніе Совѣтскихъ вожаковъ было чрезвычайно затруднительнымъ. Колоссальная экономическая разруха, явившаяся результатомъ національзаціи промышленности, неумѣлый рабочій контроль привели ко всеобщей голодовкѣ. Люди голодали и впали въ нищенство. Эпидеміи распространились по всей странѣ. Быстро распространились повсемѣстные рабочіе безпорядки. Походы за кормами, поведенные красною арміею, въ хлѣбныхъ районахъ породили массовое недовольство крестьянъ. Совѣтскій режимъ зашатался; крушеніе его уже было близкимъ. Народъ требовалъ мира, котораго большевики не были въ состояніи дать . . .

И вотъ при этихъ обстоятельствахъ Вильсонъ протянулъ оливковую вѣтвь въ видѣ Принкипо, изъ Парижа въ Москву Троцкому.

Большевикамъ было любезно предложено Мирною Конференціею принятъ участіе на Всероссійской Конференціи на островахъ Принкипо для того, чтобы обсудить мирныя условія съ Антантою. Это явилось истиннымъ торжествомъ красной дипломатіи. Не было ли это безпорнымъ доказательствомъ безнадежной слабости капиталистическаго міра! Не было ли это слѣдствіемъ доказательства большевитской мощи!

Клемансо, который лучше какого либо другого представителя понималъ русскую психологію и сознавалъ, что подобный постыдный проектъ будетъ отвергнутъ всѣми противу-большевитскими партіями, настоялъ на томъ чтобы призывъ къ русскимъ, приглашающій ихъ принять участіе въ предположенной конференціи былъ облеченъ нижеслѣдующимъ лицемѣрнымъ содержаніемъ:

„Вамъ грозитъ голодъ. Нами руководятъ побужденія человѣчности; мы готовимъ миръ; мы не желаемъ чтобы люди умирали. Мы готовы войти въ об-

сужденіе условій, которыя предотвратятъ вымираніе отъ голода."

Здѣсь заключался открытый подкупъ русскаго народа, цѣною котораго онъ хотѣлъ принудить его положить оружіе и заключить самый постыдный миръ, который когда либо знавала исторія — миръ съ собственными убійцами.

Принкипо провалилось окончательно, а русскіе отказались принять предложенную взятку.

Отказъ этотъ однако, не обезкуражилъ Вильсона отъ дальнѣйшихъ попытокъ изыскать способъ сварганить „честной" миръ Союзниковъ съ Ленинымъ и Троцкимъ.

Когда начало выясняться, что Конференція на Принкипо не состоится, Вильсонъ приказалъ Буллиту прослѣдовать въ Москву, съ цѣлью непосредственно отъ Ленина и Троцкаго добиться такихъ мирныхъ условій, которыя могли бы дагьпослѣ этого возможность вовлечь въ нихъ остальныхъ Союзниковъ:

„... Было рѣшено, что я немедленно отправлюсь въ Россію съ цѣлью постараться достигнуть съ Совѣтскимъ правительствомъ точной формулировки условій, на коихъ оно было бы готово прекратить войну. Я получилъ приказаніе, если возможно, добиться соглашенія и привести его въ Парижъ ранѣе того, чѣмъ президентъ возратится въ Парижъ изъ Соединенныхъ Штатовъ. Планъ заключался въ томъ, чтобы сдѣлать Совѣтскому правительству предложенія, которыя навѣрное были бы приняты ... Эти приказанія я получилъ отъ полковника Хауса*".

Буллитъ поѣхалъ въ Россію въ сопровожденіи капитана Петтита и американскаго репортера Линкольна Стеффенса. Не имѣй его миссія такой зловредной цѣли, она была бы достойна пера Джерома Джерома.

* „Миссія Буллитта въ Россіи" стр. 34.

Всѣ трое были окрашены въ легкій розовый цвѣтъ будуарнаго большевизма и не имѣли ничего общаго съ русскимъ народомъ; всѣ трое были совершенно несвѣдущи въ государственныхъ дѣлахъ; никто изъ нихъ не былъ знакомъ съ Россіей; никто изъ нихъ не былъ даже знакомъ съ русскимъ языкомъ и всѣ они были политиками — любителями самой тревожной категоріи. Всѣ же они являлись избранными людьми для веденія переговоровъ съ „избраннымъ Народомъ“ въ Москвѣ. Ихъ отчеты, данные Мирной Конференціи, будутъ увѣковѣчены какъ памятники самой поражающей ложной освѣдомленности о положеніи въ Россіи, а также какъ обвинительные акты близорукой и эгоистической политики Союзниковъ въ отношеніяхъ къ Русскому народу.

Тѣмъ не менѣе эти отчеты и преднамѣренно включенныя въ нихъ лжесвидѣтельства часто приводились Британскимъ премьеромъ и Американскимъ президентомъ какъ дальнѣйшіе поводы для поощренія развитія идеи Интернаціонала.

Это не ихъ вина, что, несмотря на ихъ упорныя усилія, Мирная Конференція не признала большевиковъ въ Россіи и что отвратительный режимъ Бэлла Когена и Самуэлли былъ низложенъ въ Венгріи. Это простая случайность, что Троцкій не очутился сидящимъ за мирнымъ столомъ на Quai d'Orsay въ роли миротворца, имѣя справа отъ себя Ллойдъ Джорджа, а слѣва Вильсона. И дѣйствительно, со стороны Антантскихъ уполномоченныхъ были приложены всѣ усилія, чтобы закрѣпить за Совѣтами безопасное существованіе на долгіе годы, чтобы завершить расчлененіе Россіи, чтобы утвердить Балканизацію Европы и такимъ образомъ закончить большевизацію всего міра.

ГЛАВА VIII.

Во многихъ отношеніяхъ нѣмецкая политика по отношенію къ большевизму въ Россіи была сходственна съ политикой Союзныхъ правительствъ. Точно также, какъ Антанта одновременно поощряла большевизмъ и сражалась съ нимъ, такъ и нѣмцы, нанявъ Ленина и Троцкаго для разрушенія Россійской Имперіи, позднѣе старались внушить Русскимъ впечатлѣніе что они очень озабочены и готовы подавить ужасную гидру интернаціонализма. Однако, разница между обѣими политиками заключалась въ томъ, что Германія проявила больше дѣятельности, чѣмъ Антанта, какъ въ возбужденіи большевизма, такъ и въ подавленіи его.

23 мая 1918 года Германскій посолъ въ Россіи графъ Мирбахъ отправилъ нижеслѣдующее конфиденціальное сообщеніе лидерамъ русскаго контръ-революціоннаго движенія:

„Наше дѣло не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи. Тѣмъ не менѣе всѣ наши симпатіи на сторонѣ партіи порядка и промышленности. Буде эта партія установитъ правительство, я уполномоченъ Императоромъ Вильгельмомъ заявить, что если оно

обратиться къ намъ, то германскія войска будутъ предоставлены къ его услугамъ въ теченіи сорока восьми часовъ. Мы готовы будемъ тогда отвергнуть Брестъ-Литовскій Договоръ, такъ какъ мы никогда не претендовали строить наши взаимныя отношенія съ Россіею на его основахъ. Мы желаемъ лишь одного, чтобы Россія поскорѣе вернулась къ своей нормальной и благоденственной жизни; эта цѣль находится въ полномъ соотвѣтствіи съ нашими интересами и симпатіями къ Россіи, которые не исчезли за войну, отвѣтственность за которую, какъ мы это хорошо знаемъ, должна понести одна Англія*."

Лицемѣрное предложеніе было отклонено отвѣтственными лидерами контръ-революціи, потому что они знали, что обѣщанія Германіи неискрени. Съ другой стороны многіе наивные русскіе люди все еще лелѣяли мечту, что обѣщанія Союзниковъ „помочь Россіи" окажутся крѣпче, чемъ дутый вексель.

Въ южныхъ областяхъ Россіи нѣмцамъ удалось тотчасъ же подавить анархію. Тамъ также нѣмецкая политика проявила себя съ чрезвычайно эгоистичной стороны. Малороссія, или Украина, какъ ее называютъ, была вѣнцомъ давно лелѣянныхъ стремленій Берлинской и Вѣнской дипломатіи. Брестъ-Литовскій Договоръ передалъ Малороссію во власть Центральныхъ Державъ и слѣдующимъ этапомъ должно было явиться превращеніе этой части Русской Имперіи въ нѣмецкую колонію.

Карлъ, Императоръ Австро Венгріи, въ своемъ манифестѣ 14 февраля 1918 г. изданномъ въ связи съ мирными переговорами съ Украиною заявилъ:

„... Благодаря милостивой помощи Бога, мы заключили миръ съ Украиною. Наши побѣдоносныя

* Этотъ документъ, также какъ и нѣкоторые другіе, на которые ссылаются въ этой книгѣ, печатаются впервые.

войска и искренняя миролюбивая политика, которою мы съ неослабѣвающею настойчивостью придерживались, дали намъ первые плоды оборонительной войны, которую мы вели ради самосохраненія. Въ единеніи съ моими многопретерпѣвшими народами я вѣрю, что послѣ перваго заключеннаго мира, который является столь радостнымъ событіемъ для насъ, общій миръ будетъ вскорѣ дарованъ страдающему человѣчеству. Подъ впечатлѣніемъ этого мира съ Украиною, наши взгляды съ полною симпатіею поворачиваются къ этому многообѣщающему молодому народу, въ сердцахъ котораго — перваго изъ нашихъ противниковъ — забилось чувство добрососѣдской любви и который, послѣ проявленной во многихъ сраженіяхъ храбрости, также имѣлъ достаточно рѣшимости на дѣлѣ доказать передъ цѣлымъ свѣтомъ выраженія къ лучшему убѣжденію..."

Генералу Эйхгорну было довѣрено трудное дѣло возстановленія гражданскаго порядка на Украинѣ. Австро-германская интервенція была очевидно предпринята въ связи съ призывомъ, который былъ сдѣланъ лидерами анти-большевисткаго движенія Южной Россіи. Въ этомъ призывѣ, сдѣланномъ 17 февраля 1918 г., представляютъ интересъ слѣдующія выдержки:

„Петроградскіе посредники, которые только на словахъ упрямо защищали благо Украины, Польши, Курляндіи и другихъ народностей воспользовались красивою позою въ Брестъ-Литовскѣ, чтобы отозвать съ фронта остатки русской арміи для того чтобы изподтишка бросить ихъ на Украину съ цѣлью грабить насъ и отправить запасы нашего зерна на сѣверъ и поработить страну... Тяжела эта борьба за существованіе и мы ищемъ помощи. Мы твердо убѣждены въ томъ, что Германскій народъ, любящій миръ и порядокъ, не останется безразличнымъ, когда узнаетъ наше несчастье. Германская армія, которая стоитъ на

флангѣ нашего сѣвернаго врага, обладаетъ силою оказать намъ помощь, а путемъ интервенціи охранить наши сѣверныя границы противъ дальнѣйшихъ захватовъ врага...*"

Понятно, что нѣмцы были скоры въ выполненіи просьбы объ интервенціи на Украинѣ. И дѣйствительног самъ призывъ былъ сдѣланъ подъ давленіемъ Вѣнской дипломатіи, являясь частью Германскаго военнаго плана.

Въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ нѣмцы возстановили гражданскій порядокъ въ Южной Россіи. Послѣдовавшія на Западномъ фронтѣ событія вынудили Германскій Генеральный Штабъ, отозвать тевтонскія войска изъ Украины и она была оставлена на милость Совѣтскихъ комисаровъ.

Въ умахъ Русскаго остается неразрѣшеннымъ вопросѣ о томъ чья власть была для него нестерпимѣе — власть ли Кайзера, или его агентовъ. Въ то время оставалась лишь одна альтернатива — Кайзеръ или Троцкій. Въ концѣ концовъ, различіе было иллюзорно, ибо какъ Кайзеръ такъ и Троцкій являлись лишь орудіемъ въ рукахъ одной и той же темной группы Іудо-Германскихъ финансовыхъ круговъ. Одна и та же скрытая рука дирижировала какъ Германскимъ милитаризмомъ, такъ и интернаціональнымъ большевизмомъ. Послѣ ухода нѣмецкихъ войскъ изъ Украины, тамъ началась красная оргія.

Недавно въ парижской ежедневной газетѣ L'Intransigeant-былъ опубликованъ возмущающій документъ, указывающій тѣ способы, которые примѣнялись при совѣтизаціи той части Россіи, которая вслѣдствіе ея экономическихъ условій, всегда рѣзко противилась коммунистическому режиму. Этотъ документъ извѣ-

* Приведено изъ „Нью Іоркъ Таймзъ" „Текущая Исторія" т. XV апрѣль—Іюнь 1918 стр. 52.

стенъ какъ „Рапортъ Рапопорта“. Рапопортъ, прежде Кіевскій адвокатъ, послѣ начала революціи въ Россіи, принялъ дѣятельное участіе въ партіи Поалей Ціонъ, представляющей изъ себя крайнсе лѣвое крыло Сіонистскаго движенія въ широкомъ смыслѣ слова. Этотъ рапортъ относится къ 1918 году, т. е. къ тому времени, когда Совѣты боролись за господство въ Южной Россіи. Товарищъ Рапопортъ по поводу дѣйствій большевиковъ на Украинѣ даетъ слѣдующій отчетъ:

„Нашей главной задачей было привлечь Украину (вмѣстѣ съ Крымомъ, Бессарабео, Западною частью Донецкаго Бассейна и южной частью Бѣлоруссіи) въ сферу нашей дѣятельности. Недостатокъ пищевыхъ продуктовъ благопріятствовалъ нашимъ планамъ. Въ этомъ направленіи намъ удалось утвердить нашу власть въ крупныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ путемъ ловкой агитаціи. Въ одинаковой степени мы распространили нашъ контроль на оптовую торговлю, вь то время какъ розничная торговля находилась въ нашихъ рукахъ посредствомъ нашихъ синдикатовъ какъ то: Труженникъ, Жизнь и т. д. Намъ не представилось много затрудненій сломить пассивное сопротивленіе христіанской буржуазіи, также точно, какъ и временную оппозицію со стороны украинскихъ національныхъ кооперативовъ (Украинбанкъ, Союзбанкъ и др.). Это послѣднее препятствіе намъ удалось осилить съ помощью „Союза Служащихъ“, которые были подчинены нашему вліянію, оставаясь невидимымъ для тѣхъ, кто не знаетъ, или не смѣетъ знать наши цѣли.

„Послѣ разгрома Національныхъ кооперативовъ украинскій націонализмъ потерялъ свое экономическое основаніе. Банковскія учрежденія, руководимыя нашими товарищами Нацертомъ, Глоссомъ, Фишеромъ, Краусомъ и Шпиндлеромъ, играли въ этомъ главную поль. Послѣ назначенія товарища Маргуліеса

директоромъ Украинбанка нашъ успѣхъ сдѣлался полнимъ.

„Мы закрѣпили нашъ контроль въ сахарной промышленности благодаря поддержкѣ товарища Рудольфа Штоленверкера, директора Международнаго банка, который является очень способнымъ и совершенно нашимъ человѣкомъ. Его помощники Груберъ и Велленротъ, были авторами меморандума, касающагося повышенія нормальныхъ цѣнъ на сахаръ. Напоминаю, что товарищи Розенблядтъ и Ритгаусъ предложили реквизицію сахара для оптовой торговли, чтобы затѣмъ продавать его по желаннымъ цѣнамъ...

„Русскій для Внѣшней Торговли Банкъ (агентура Дейче Банкъ) не перестаетъ безпрестанно оказывать громадныя услуги нашему дѣлу. Члены его Совѣта, Якобсонъ, Баракъ, Кайсъ, Гаммерманъ и Кадимъ, имѣющіе широкія связи съ Венгріей, очень ловко направляютъ сахарную политику на Украинѣ, поощряя вывозъ сахара въ Венгрію. Вся эта операція была довѣрена Русскому Для Внѣшней Торговли Банку.

„Между тѣмъ мы секретно организовали комитетъ, извѣстный подъ названіемъ „Центральный Сахарный Комитетъ". Товарищъ Вернеръ является представителемъ Русскаго для Внѣшней Торговли Банка, товарищи Эттингеръ и Шульманъ — Соединеннаго Банка, а товарщъ Вейнштейнъ — Русскаго Торгово-Промышленнаго Банка.

„Послѣдующій актъ, еще не вполнѣ достигнутый, заключался въ синдицированіи промышленности, что проводится Поалей Ціономъ. Въ дѣйствительности, оказалось чрезвычайно не трудно сломить сопротивленіе христіанской буржуазіи путемъ націонализацій, реквизицій, ссылки и другихъ средствъ, которыя были предоставлены въ распоряженіе товарища Сивибака.

„Въ первую очередь мы вручили все мясное дѣло въ руки нашего „Согозъ-Юзъ". Корыстолюбіе и пре-

дательство самихъ христіанъ облегчило націонализацію предпріятій: „Бульонъ“, „Полакъ“, „Полѣщукъ“ и другіе. Слѣдуетъ указать, что производство колбасъ изъ лошадинныхъ внутренностей повело къ серьознымъ эпидемическимъ заболѣваніямъ среди населенія. Тѣмъ не менѣе, вообще говоря, несмотря на опасенія, выраженныя товарищемъ Хайкисомъ, эта операція оказалась успѣшною.

„Мы стремились посѣять раздоры среди украинскихъ націоналистовъ, въ результатѣ чего нашъ упрямый и надменный врагъ былъ совершенно побѣжденъ. Болѣе того, образованные классы украинцевъ были нами запуганы, когда мы примѣняли оружіемъ Панъ-русскій націонализмъ въ такой степени, чтобы устранить съ нашего пути всякія препятствія. Признаніе Россіею Украины, развитіе анти-семитизма, также какъ образованіе національной Церкви, могло бы окончательно уничтожить наши планы. Теперь, однако, намъ рѣшительно нечего боятся. Группа русскихъ землевладѣльцевъ, которые легкомыслены и глупы, будетъ слѣдовать за нами какъ овца, которую ведутъ на закланіе. Какъ представитель Поалей Ціона, я считаю своимъ долгомъ засвидѣтельствоватъ мое великое удовольствіе, что наша партія и Бундъ стали направляющими центрами, которые управляютъ дѣйствіями колоссальнаго стада русскихъ овецъ“.

Таковы были способы, которые примѣнялись интернаціональными финансовыми кругами съ цѣлію покоренія русскаго народа чужеземному игу болѣе страшному, нежели Монгольское, подъ которымъ Россія страдала двѣсти сорокъ лѣтъ.

Само собою разумѣется, что методы, порабощенія христіанскихъ народностей примѣнялись различные въ разныхъ частяхъ Россіи. Въ Петроградѣ, Москвѣ и другихъ большихъ городахъ красный терроръ служилъ главнымъ средствомъ большевисткой стра-

тегіи. Націонализація, будучи общею мѣрою, особенно широко примѣнялась въ промышленныхъ районахъ, въ то время какъ въ земледѣльческихъ районахъ частное землевладѣніе до сихъ поръ остается неприкосновеннымъ, несмотря на всѣ попытки совѣтовъ ввести сельскохозяйственный коммунизмъ. Продовольственные отряды стали главнымъ оружіемъ противъ крестьянства Южной Россіи. Что касается красной арміи, являющейся, вѣроятно, самымъ могущественнымъ аппаратомъ разрушенія когда либо созданнòмъ въ исторіи, то она, до сихъ поръ, направлялась главнымъ образомъ противъ русскихъ контръ-революціонныхъ организацій; но она также предназначена служить какъ угроза пограничнымъ государствамъ и для распространенія огнемъ и мечемъ комунизма во внѣшнемъ мірѣ.

Уже упоминалось, что въ настоящее время большевизмъ высказываетъ три главныхъ характерныхъ черты:

a) Большевизмъ является орудіемъ разрушенія.

b) Большевизмъ — орудіе угнетенія (подавленія).

c) Большевизмъ-средство международной революціонной пропаганды. Съ точки зрѣнія международнаго положенія вышеприведенныя черты носять животрепещущій характеръ. Они оказываютъ непосредственное и зловредное вліяніе на всѣ міровыя обстоятельства вообще, ввиду чего очень желательно изданіе труда, посвященнаго детальному анализу Совѣтскаго режима и его „достиженій“.

Оружіе разрушенія.

Русское національное благосостояніе, какъ бы необъятно оно ни было въ недалекомъ прошломъ, нынѣ больше не существуетъ. Нужно много десятилѣтій послѣ сверженія или паденія большевисткаго режима для того, чтобы стать Россіи опять на ноги и вновь

сдѣлаться страною, которая будетъ въ состояніи поддерживать себя самое.

Разрушеніе, вѣрнѣе полное уничтоженіе всѣхъ источниковъ экономическаго благосостоянія Россіи произошло благодаря полному разграбленію частной собственности и національзаціи русской промышленности, торговли и транспортныхъ средствъ.

Говоря вообще, слѣдуетъ признать, что въ цѣломъ своемъ, странѣ было причинено наибольшее потрясеніе въ томъ, что была разрушена общественная и частная собственность. Національныя галлереи искусствъ и библіотеки, частныя и церковныя коллекціи, банки, помѣщичьи имѣнія, фабрики и кораблестроительныя верфи подверглись немилосердному разграбленію. Обыкновеннымъ явленіемъ сегодняшней Россіи нахожденіе Корреджіо или Мурильо на стѣнѣ какой нибудь грязной крестьянской избы, или же, гобеленъ временъ Имперіи наряду съ самодѣлковой деревянной скамьею въ домѣ какого нибудь рабочаго, куда это все попало, будучи украдено изъ музея.

Это фактъ, что первые мѣсяцы „великой“ большевистской революціи пьяные матросы и солдаты врывались въ музеи и штыками протыкали безсмертиыя творенія Рафаэля и Леонардо да Винчи. Не можетъ быть также отрицаемо то, что столѣтнія иконы, являвшіяся въ одинаковой степени предметами поклоненія, какъ и образцами искусства и красоты, были кощунственно уничтожены безстыдными комисарами и ихъ красногвардейскими сотоварищами. Историческіе памятники, прелестныя старинныя усадьбы, великолѣпнѣйшія постройки, тихіе и меланхолическіе парки и цѣлые дворцы были или совершенно уничтожены, или же такъ загажены, что съ ними не остается сдѣлать ничего другого, какъ снести. Это было безжалостное уничтоженіе всей культуры. Это было дикое царство толпы, которая взбунтовалась

противъ всякаго проявленія цивилизаціи, противъ всякихъ нравственныхъ принциповъ, противъ искусства и красоты. Это было торжество звѣря.

Однако, истребленіе національнаго достоянія протекало съ такою тревожною скоростью, что комисары оказались вынужденными напречь всѣ свои усилія, проявивъ всю полноту деспотическаго принужденія черезъ посредство Чрезвычайныхъ Комисій для того, чтобы подавить эту волну народнаго безумія.

Но грабежъ былъ только однимъ изъ проявленій разрушенія введеннаго Совѣтскимъ режимомъ. Что бы ни уцѣлѣло отъ разграбленія — послѣдовательно истреблялось другими просвѣщенными мѣропріятіями Совѣтскаго правительства.

Въ числѣ многихъ комунистическихъ опытовъ, продѣланныхъ Совѣтами надъ русскимъ народомъ, пожалуй, наибольшія послѣдствія причинила націонализація промышленности и торговли; въ настоящее время имѣется много данныхъ, взятыхъ изъ совѣтскихъ реляцій, подтверждающихъ это.

Въ 1918 году Совѣты захватили и націонализировали тысяча сто двадцать пять частныхъ промышленныхъ предпріятій; въ 1920 году болѣе четырехъ тысячъ такихъ предпріятіи было поставлено подъ контроль Совѣтовъ. Къ концу 1920 года фактически всѣ промышленныя предпріятія, о которыхъ стоитъ упоминать, были націонализированы и велись совѣтскимъ чиновничествомъ.

Текстильная, металлургическая промышленности, химическое производство, бумажныя фабрики, сахарная промышленность и вся транспортная система, были переданы комунистическому государству и работали для нуждъ революціоннаго пролетаріата.

„Товарищъ“ Рыковъ, являющійся начальникомъ всѣхъ экономическихъ установленій въ Совѣтской Россіи и вѣдающій работою промышленнаго возста-

новленія, представилъ интересный отчетъ своему начальству касательно экономическаго положенія Совѣтской Россіи въ томъ видѣ какъ оно стояло къ началу 1920 года. Въ своей рѣчи на Съѣздѣ делегатовъ экономическихъ совѣтовъ, профессіональныхъ союзовъ и Московскаго Совѣта Рыковъ заявилъ слѣдующее:

„Послѣдствія войны, какъ имперіалистической, такъ и гражданской, истощеніе всѣхъ Европейскихъ государствъ, *особенно Россіи,* достигло неслыханныхъ размѣровъ. Это истощеніе ощущалось въ теченіи всего періода имперіалистической войны, *но если касаться растраты народнаго благосостоянія и потерь въ матеріалахъ и въ человѣческихъ силахъ, то окажется, что гражданская война причинила гораздо болѣе тяжелыя потери, чѣмъ война имперіалистическая;* причина этого кроется въ томъ, что гражданская война имѣла мѣсто на большей части русской совѣтской территоріи и проявлялась она не только въ видѣ столкновенія между арміями, но также, въ уничтоженіи и истребленіи продуктовъ и всякихъ достояній, цѣнность коихъ невозможно исчислить."

Рыковъ продолжалъ далѣе разбирать главныя основы экономическаго кризиса, принявшаго столь гигантскіе размѣры. Онъ утверждалъ, что каждая отрасль экономической жизни Совѣтской Россіи находилась въ состояніи разложенія. Однако согласно оцѣнкѣ Рыкова, болѣе, нежели какая другая отрасль національной промышленности, пострадали транспортныя средства, какъ послѣдствіе экономическаго хаоса.

„Передъ войной", сказалъ Рыковъ, процентъ больныхъ локомотивовъ, даже въ самыя трудныя времена на превышалъ 15%; нынѣ онъ достигъ 59,9. Поэтому изъ каждыхъ ста паровозовъ въ Совѣтской Россіи, шестьдесятъ неработоспособныхъ и лишь со-

рокъ, которые работаютъ. Починка больныхъ паровозовъ регрессировала съ невѣроятною быстротой. Передъ войной ежемѣсячно ремонтировалось 8%. Послѣ октябрьской революціи 1917 года процентъ этотъ падалъ иногда до 1%; въ настоящее время мы оказались въ состояніи поднять его лишь до 2%. При настоящемъ желѣзнодорожномъ состояніи, исправленіе паровозовъ не можетъ угнаться за порчей, и ежемѣсячно мы должны сталкиваться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что число годныхъ паровозовъ ежемѣсячно падаетъ. Это уменьшеніе ежемѣсячно выражается въ 200 паровозовъ."

Всѣмъ извѣстно, что транспортъ въ Совѣтской Россіи находится въ катастрофическомъ состояніи. Но недостаточно ознакомлены съ тѣмъ положеніемъ, что онъ непрерывно ухудшается. Поэтому важно ознакомиться съ тѣмъ постепеннымъ регрессомъ подвижного состава, какъ онъ указывается самими Совѣтами. Возьмемъ паровозы. Нормальный больной процентъ колеблется между 15—16%; такое состояніе было до войны; нижеприводимая таблица показываетъ больныхъ локомотивовъ по мѣсяцамъ и за годъ:

года	январь	февраль	мартъ	апрѣль	май	іюнь	іюль	августъ	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь
1917	16,5	18,4	20,3	20,6	22,4	24,2	24,8	25	24,8	25,8	27,4	29,4
1918	31,1	35	35,3	36,5	38,1	39,5	40	41	41,5	43,1	45,5	47,8
1919	47,7	49,5	52,4	52,8	52,5	49	48,5	51,8	51,5	52,2	53,7	55,5
1920	58,1	59,2	60,6	60,7								

Все значеніе этой таблицы будетъ лишь тогда совершенно уясненo, если ознакомиться съ тѣмъ насколько быстро, при этомъ падаетъ выпускъ новыхъ локомотивовъ; вотъ его цифра:

за года	1914	1915	1916	1917	1918	1919
сколько выпущено паровозовъ	816	903	599	396	191	85

Объ таблицы приведены изъ „Народное Хозяйство“, полумѣсячный органъ Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства, № 5 и 6 стр. 5. Москва.

Въ результатѣ вышеприведенныхъ данныхъ даже тѣ продукты, которыя производятся въ Совѣтороссіи не могутъ быть транспортированы изъ одной области въ другую. Рыковъ приводитъ слѣдующія конкретныя данныя:

„Мы имѣемъ металлургическій районъ на Уралѣ, однако, до настоящаго времени, мы не были въ состояніи предоставить даже одного поѣзда въ мѣсвцъ, чтобы перевести металлы внутрь Россіи. Такимъ образомъ потребуются десятилѣтія, чтобы перевести съ Урала 10,000.000 пудовъ. Для того, чтобы снабдить текстильную промышленность Московскаго района хлопкомъ изъ Туркестана, намъ нужно было транспортировать 500.000 пудовъ ежемѣсячно. Для этой цѣли, однако, мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи лишь два поѣзда въ мѣсяцъ; потребовались бы десятилѣтія, чтобы перевести изъ Туркестана 8,000.000 пудовъ хлопка, которые мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи, но безсильны подвести къ нашей обрабатывающей промышленности“.

Суммируя неспособность Совѣтскаго хозяйничанья, Рыковъ заявилъ слѣдующее:

„Изъ числа этихъ (національзированныхъ) четырехъ тысячъ предпріятій въ настоящее время работаетъ около двухъ тысачъ. Остальныя закрыты и бездѣйствуютъ. Число рабочихъ у дѣла, по приблизительному подсчету, равно 1,000.000 человѣкъ. Вы можете сами судить, что исходя изъ числа дѣйствующихъ предпріятій, промышленность претерпѣваетъ кризисъ... Правительство Рабочихъ и Крестьянъ Совѣтскаго Государства, не было способно даже использовать ту промышленность и тѣ техническія наличности, которыя находятся въ его распоряженіи, и большинство фабрикъ и заводовъ закрылись, въ то время какъ остальныя работаютъ лишь частично; нѣкоторыя заведенія работаютъ, въ то время какъ другія остаются закрытыми*."

Не удивительно поэтому, что Троцкій касаясь тревожнаго экономическаго положенія вя Совѣтороссіи, сцѣлалъ слѣдующее замѣчаніе:

„Голодъ, плохія условія существованія и холодъ гонятъ русскаго рабочаго изъ промышленныхъ центровъ въ хлѣбородные районы, и не только въ эти мѣстности, но также въ ряды спекулянтовъ и паразитовъ".

Въ то время, какъ нельзя отрицать кульминаціоннаго развала желѣзнодорожнаго дѣла, имѣются еще и иныя данныя, не дающія хотя бы съ малымъ оптимизмомъ въ настоящій моментъ, возможность смотрѣть на экономическое положеніе, даже тѣмъ лицамъ, которые въ совѣтскомъ правленіи, до сихъ поръ, хотятъ видѣть „удивительный соціальный экспериментъ". Касаясь топлива, являющимся нервомъ промышленности, тѣ нижеприводимыя краткія таблицы,

* См. брошюру „Россія въ экономическомъ отношеніи въ 1920 г." Григорія Алексинскаго, напечатано въ „Служебныя Новости Иностранныхъ Дѣлъ" Май 1920 г. Нью Іоркъ Сити.

основанныя на совѣтскихъ данныхъ, болѣе убѣдительны, чѣмъ длинныя диссертаціи; добыча топлива въ Донецкомъ Басейнѣ выражалась:

въ	1918	1920
Январѣ	143,000.000 пудовъ	14,000.000 пудовъ
Мартѣ	156,000.000 „	24,300.000 „
Апрѣлѣ	84,000.000 „	13,800.000 „ *

Положеніе металлургической промышленности и ея быстрый развалъ показывается, если сравнить число ея рабочихъ и служащихъ. Петроградъ главный центръ металлургической промышленности въ Россіи. Количество Рабочихъ Петроградскихъ металлургическихъ заводовъ измѣнялось нижеслѣдующимъ образомъ:

Январь I,	1917 г.	226.760 человѣкъ
Январь I,	1918 „	185.502 „
Май I,	1918 „	54.085 „
Іюль I,	1918 „	48.878 „
Августъ I,	1918 „	45.794 „
Сентябрь I,	1918 „	42.987 „
Октябрь I,	1918 „	41.963 „

Число рабочихъ, обслуживающихъ химическую промышленность въ Петроградѣ упало съ 42.867 человѣкъ въ Январѣ I-го 1917 года до 6494 чел. къ октября I-го 1918 г. Общее же число рабочихъ, обслуживающихъ главныя отрасли промышленности въ томъ же округѣ, дало уменьшеніе съ 342.706 чел. въ

* Сравни данныя приведенныя въ „Русскомъ Экономическомъ Бюллетенѣ“ т. VII № 7, Сентябрь 1920 г. стр. 5. Оффиціозъ Американско-Русской Палаты Торговли, Нью Іоркъ Сити.

Январѣ I-го 1917 года до 97.290 чел. въ октябрѣ I, 1918 г.*

Упало не только число рабочихъ во всѣхъ отрасляхъ народной промышленности, но, такъ же, послѣдовало невѣроятное уменьшеніе продуктивности индивидуальнаго рабочаго. Оффиціальный органъ большевиковъ „Экономическая Жизнь“ въ № 52, 1919 года помѣщаетъ нѣкоторыя данныя, которыя обрисовываютъ этотъ вопросъ съ интересной стороны. Двѣ текстильныя фабрики, снабженныя всѣми необходимыми оборудованіями и сырьемъ, приводятся какъ образецъ „громаднаго упадка производства“:

„Шесть мѣсяцевъ 1917 года: число число рабочихъ дней 130,5; среднее число рабочихъ въ день — 2546 чел.; количество вытканнаго продукта — 107.314 пудовъ.

„Шесть мѣсяцевъ 1918 года: число рабочихъ дней — 122; среднее число рабочихъ въ день — 2742 чел.; количество вытканнаго продукта — 66.518 пудовъ**“.

При этомъ не слѣдуетъ забывать, что продуктивность труда въ 1917 году, въ сравненіи съ предыдущими годами и, особенно, съ довоеннымъ временемъ, была значительно ниже и не представляетъ изъ себя нормальной средней.

Подобныя сравненія могутъ быть приведены до безконечности. Малосвѣдущій рабочій контроль, который былъ введенъ на основаніи Совѣтскаго декрета отъ 14 ноября 1917 года повлекъ за собою самыя бѣдственныя послѣдствія и доказалъ свою абсурдность.

* Сравни статистическую таблицу, приведенную въ оффиціальномъ отчетѣ объ экономическихъ условіяхъ въ Совѣтской Россіи, озаглавленномъ: „Рабочія Условія въ Совѣтской Россій“, стр. 217. Лондонъ, Гаррисонъ и С-ья, 1920 г.

** Сравни „Рабочія Условія въ Совѣтской Россій“ стр. 229 и 230.

Вскорѣ выяснилось, что „веденіе промышленности“ всѣми рабочими даннаго предпріятія черезъ посредство своихъ выборныхъ органовъ“ было немыслимымъ заданіемъ, ибо рядовой рабочій не имѣлъ ни малѣйшаго представленія въ провѣркѣ и наблюденіи сложнаго хода современнаго промышленнаго механизма. Поэтому, хотя вышеприведенный декретъ и не былъ отмѣненъ, но фактически его попросту не признавали. Ленинъ началъ говорить о необходимости дѣлать „шагъ назадъ“. Буржуазные спеціалисты смиренно были приглашены поспѣщить спасти красныхъ властителей, однако, это было уже поздно. Тысячи способнѣйшихъ инженеровъ и спеціалистовъ всѣхъ отраслей человѣческаго знанія или умерли отъ эпидемій, которыя опустошали и опустошають и донынѣ Россію, или были убиты за приписанную имъ контръ-революціонную дѣятельность.

При этихъ обстоятельствахъ не трудно понять, почему эта несчастная страна находится въ состояніи полнаго упадка, въ то время какъ санитарныя условія столь ужасны, что и городское и сельское населеніе быстро вымираетъ. Смертность въ Петроградѣ и Москвѣ страшная. Рождаемость угрожающе низкая. Одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ русскихъ медиковъ, профессоръ Зейдлеръ, въ недавно опубликованномъ имъ отчетѣ о санитарномъ состояніи Петрограда рисуетъ слѣдующую картину ужасовъ господствующихъ въ Петроградѣ:

„Водопроводъ пришелъ въ полный упадокъ. Ванны и отхожія мѣста приведены въ безпорядокъ. Изъ трубъ выступаетъ наверхъ грязь, въ тоже время жильцы комнатъ засоряютъ помѣщенія до послѣдней степени. Грязь мусоръ, отбросы и помои высыпаются и выливаются гдѣ попало — на лѣстницахъ, во дворахъ и, даже, изъ оконъ прямо на улицы. Все это не очищается. Скопленіе грязи превращаетъ дома въ свалоч-

ныя мѣста... Во многихъ квартирахъ температура ниже нуля. Жильцы перестали раздѣваться. Они не снимаютъ своихъ шубъ... Они спятъ одѣтыми укрываясь безчисленными вязанными вещами и шарфами. Не умываются мѣсяцами. Они не мѣняютъ своего нижняго бѣлья, вслѣдствіе чего покрыты вшами. Самое легкое заболѣваніе приводитъ къ серьезнымъ осложеніямъ. Благодаря голоду и холоду на кожѣ и ногахъ.. появляюся особые узлы имѣющіе склонность превращаться въ язвы, которые въ сущности неизлѣчимы. Какъ слѣдствіе полной порчи водопровода, жильцы въ большихъ домахъ выбрасываютъ всѣ нечистоты въ нижніе этажи дома, которые постепенно становятся невозможными для жилья. Въ такомъ случаѣ, тогда они перебираются этажемъ выше, пока мало по малу весь домъ не превращается въ свалочное мѣсто человѣческихъ нечистотъ и грязи".

Послѣ этого такіе дома покидаются. Они стоятъ какъ памятники самаго грязнаго-большевистскаго режима.

Нечего поэтому удивляться тому, что, однажды, Троцкій замѣтилъ, что Совѣтская Республика можетъ погибнуть отъ вшей.

Ужасныя послѣдствія уничтоженія культуры и національнаго достатка станутъ очевидными, если сравнить смертность въ Петроградѣ, которая равнялась въ 1911 году — 21,5 на каждую тысячу, въ то время какъ въ 1919 году, согласно большевистской статистикѣ, поднялась до 74,9. Рождаемость въ 1911 году была 29,4 тогда какъ въ 1919 году она пала до 13. Число жертвъ Красного Рая продолжаетъ увеличиваться какъ абсолютно такъ и относительно. Извѣстно что смертность въ Петроградѣ и другихъ городахъ, согласно таблицамъ 1920 года, въ Совѣтороссіи значительно возросло въ сравненіемъ съ 1919 годомъ. При такой постепенности, *приблизительно*

черезъ 16 лѣтъ все населеніе Петрограда должно вымереть и столица Россіи превратиться въ громадное кладбище, какъ воспоминаніе безсовѣстнаго ужаса комунистическаго режима.

Орудіе угнетенія (подавленія).

Совѣтская система очевидно выражаетъ собою идею *диктатуры пролетаріата.* Первые основные законы были изданы большевиками въ декабрѣ 1917 года, извѣстныхъ подъ названіемъ „Декларація Правъ Трудящагося и Эксплоатированнаго Народа". Въ ней указана основная задача новой системы:

„Уничтоженіе какой бы то ни было формы эксплоатаціи человѣка человѣкомъ, полное прекращеніе подраздѣленія общества на классы, немилосердное угнетеніе эксплоататоровъ, устроеніе общества на соціалистическихъ началахъ и торжество соціализма во всѣхъ странахъ."

Въ соотвѣтствіи съ этими цѣлями большевики начали жестокую и кровавую расправу съ такъ называемою буржуазіею и интеллигентными классами. Каждый мужчина или женщина, которые раньше принадлежали къ состоятельной части населенія были объявлены врагами новаго режима и были арестованы, или хладнокровно убиты. День за днемъ комунистическая печать, т. е. печать, которая одна имѣетъ права гражданства въ счастливомъ соціалистическомъ государствѣ, проповѣдывала классовую ненависть, безпрестанно возбуждая народъ сражаться съ „жирными и лѣнивыми буржуями". Физическое искорененіе состоятельныхъ классовъ сдѣлалось насущною задачею революціи и въ связи съ этимъ лозунгъ „Смерть буржуямъ" сталъ оффиціальнымъ девизомъ Совѣтскаго правленія. Здѣсь приведена та агитація Краснаго террора, которая съ неуменьшающейся

энергіею проводилась въ теченіи двухъ лѣтъ на протяженіи обширной Имперіи:

„Мы обратимъ наши сердца въ сталь, которую мы закалимъ въ огнѣ страданій и крови борцовъ за свободу. Мы превратимъ наши сердца въ твердыню, жестокосердіе, безжалостность, такъ чтобы никакое сожалѣніе въ нихъ не заронилось, и такъ чтобы они не содрогнулись при видѣ моря вражеской крови. Мы откроемъ плотины этого моря. Безъ жалости, безъ пощады мы будемъ убивать нашихъ враговъ десятками и сотнями. Пусть это будутъ тысячи; пусть они утонутъ въ собственной крови. За кровь Ленина и Урицкаго, Зиновьева и Володарскаго пусть прольются потоки крови буржуевъ — побольше крови, какъ можно побольше*."

То, что большевики подразумѣвали именно то, что писали, подтверждается болѣе конкретными заявленіями, сдѣланными Апфельбаумомъ, совѣтскимъ диктаторомъ Петрограда, 19 сентября 1918 года:

„Для того, чтобы побѣдить нашихъ враговъ мы должны образовать нашъ собственный соціалистическій милитаризмъ. Мы должны выиграть на нашу сторону девяносто милліоновъ изъ ста милліоновъ народонаселенія Россіи, находящейся подъ властью Совѣтовъ. Что же касается остальныхъ, то они должны быть уничтожены**."

Были сочинены поэмы въ честь краснаго террора. Купленные комунистическіе поэты помогаютъ обо-

* Смотри статью озаглавленную: „Кровь за Кровь", помѣщенную въ „Красной Газетѣ", оффиціальномъ органѣ Красной Арміи въ Петроградѣ въ выпускѣ отъ I-го сентября 1918 г.; приведено въ такъ называемой Британской „Бѣлой Книгѣ", являющейся сборникомъ оффиціальныхъ отчетовъ о большевизмѣ, представленномъ Парламенту въ апрѣлѣ 1919 г.

** Смотри „Сѣверную Коммуну" № 109, сентября 19, 1918 года.

стрять классовую вражду своими стихами, которые печатаются въ оффиціальныхъ Совѣтскихъ органахъ. Приводимъ одно изъ такихъ поэтическихъ „твореній“:

„Мы не будемъ щадить враговъ трудящихся,
„Составимъ списки, включивъ каждаго изъ нихъ;
„Мы искоренимъ самыхъ опасныхъ —
„Достаточно они прожили въ комфортѣ.
„Всѣхъ главарей капитализма
„Мы заберемъ какъ заложниковъ,
„Мы не будемъ ихъ прощать,
„Но будемъ давить ихъ какъ собакъ.
„И бросимъ ихъ въ помойныя ямы.“

Троцкій старался оправдать массовый терроръ, представляя слѣдующіе доводы:

„Однако терроръ пролетаріата противъ саботажниковъ совершенно не значитъ, что, „Я васъ смету и обойдусь безъ спеціалистовъ“. Подобная программа означала бы безнадежность и разореніе. Преслѣдуя, арестовывая и растрѣливая саботажниковъ и заговорщиковъ, пролетаріатъ заявляетъ.“ Я сломлю вашу волю, потому что моя воля сильнѣе, я васъ заставлю служить мнѣ . . .“ Терроръ, какъ проявленіе воли и силы рабочихъ классовъ, оправдывается исторіею именно вслѣдствіи того, что пролетаріатъ оказался способнымъ сломить политическое сопротивленіе воли интеллигенціи, смиривъ спеціалистовъ различныхъ категорій и отраслей труда въ области ихъ познаній и спеціальностей и постепенно подчинилъ ихъ служенію собственнымъ цѣлямъ*.“

* Выдержка изъ статьи подписанной Троцкимъ, напечатанной въ „Извѣстіяхъ 10 января 1919 г., подъ заглавіемъ „Военные Спеціалисты и Красная Армія“; приведено въ „Меморандумѣ нѣкоторыхъ взглядовъ на большевисткое движеніе въ Россіи“, стр. 12, опубликовано Государственнымъ Департаментомъ, Вашингтонъ Д. К. 1919.

Любезный кивокъ Троцкаго въ сторону буржуазныхъ свѣдующихъ людей являлся чертою времени, косвеннымъ сознаніемъ со стороны самихъ коммунистовъ своей собственной неспособности веденія государственныхъ дѣлъ безъ познаній и опыта буржуазіи.

Физическое истребленіе состоятельныхъ классовъ не являлось единственнымъ средствомъ подчиненія русскаго народа коммунистическому игу. Тщательно разработанная система сыска была установлена большевиками и въ Совѣтороссіи вновь появилась инквизиція средневѣковья. Рядовой гражданинъ въ этой счастливой республикѣ находится постоянно подъ угрозой ареста за любое дѣйствіе, которое можетъ быть инкриминируемо какъ „саботажъ“, „контръреволюціонная дѣятельность“ или „спекуляція“. Умирающая отъ голода женщина, которая продаетъ на рыночной площади въ Москвѣ свое послѣднее кольцо схватывается вездѣсущими сыщиками Троцкаго и обвиняется въ спекуляціи. Искалѣченный офицеръ стараго режима, еле могущій передвигаться въ поискахъ куска хлѣба для своей престарѣлой, истощенной отъ голода матери брошенъ въ тюрьму за то, что не пошелъ въ красную армію, а его „преступленіе“ квалифицируется какъ „саботажъ“ Пролетарскаго государства. Крестьянинъ, который защищаетъ свой дворъ отъ нашествія продовольственнаго отряда объявляется виновнымъ въ контръ-революціонномъ выступленіи и разстрѣливается на мѣстѣ. Совершенно разслабленный отъ голода, послѣ только что перенесеннаго тифа, еле могущій сидѣть на постелѣ, подозрѣвается въ заговорѣ противъ Совѣтскаго режима; онъ черезчуръ слабъ, чтобы ввергнуть его въ тюрьму, но у него — жена: ее берутъ, какъ заложника, и мучаютъ въ Че-ка. Это безпрерывный кошмаръ. Воля у людей парализована; они опасаются каждаго; въ

каждомъ они заподазриваютъ видѣть агента Ленина и Троцкаго. Иногда измѣна внѣдряется въ семью; братъ предаетъ брата. И эта атмосфера, переплетенная страхомъ, измѣною и подозрѣніемъ, дѣлаетъ людей больными, толкаетъ на самоубійство, дѣлаетъ ихъ жизнь безцѣльною, невыносимою и въ высшей степени безпринципною. Десятки тысячъ народа бѣжали изъ городовъ въ деревню, сотни тысячъ бѣжали заграницу, рискуя жизнью. Безконечное число бѣженцевъ содержится въ Египтѣ, Константинополѣ, Мадагаскарѣ и другихъ островахъ Мраморнаго Моря, въ концентраціонныхъ лагеряхъ, зачастую съ ними обращаются какъ съ плѣнными, и бываютъ случаи, — какъ съ собаками. *Великій исходъ народа начался*, и онъ является прямымъ послѣдствіемъ того психическаго террора, который зачастую болѣе жестокъ и болѣе утонченъ и болѣе невыносимъ, нежели терроръ физическій.

Г-жа Филиппъ Сноуденъ, одинъ изъ членовъ Рабочей делегаціи въ Совѣтскую Россію, правовѣрная соціалистка и, которая, какъ и остальные соціалисты, склонна идеализировать все что носитъ соціалистическій ярлыкъ, тѣмъ не менѣе вынуждена была сказать правду, говоря:

„Люди боятся полиціи и сыщиковъ, сыщики боятся другъ друга. Жизнь окутана атмосферою подозрѣнія и краснаго террора, — ужасная дѣйствительность*.“

Эти строки написаны въ 1920 году.

До тѣхъ поръ пока красный терроръ и система физическагаго угнетенія была направлена только противъ буржуазіи, можно было подыскать оправданіе ликованію правовѣрныхъ соціалистическихъ сердецъ

* Г-жа Филиппъ Сноуденъ. „Черезъ Большевисткую Россію“, стр. 161, Кастль и К°, Лондонъ, 1920 г.

по поводу несказаннаго страданія русскаго народа. Но мученія состоятельныхъ классовъ не могли продолжаться до безконечности, ввиду того, что прежняя аристократія и буржуазія, въ полномъ смыслѣ своего значенія, была быстро уничтожена, тогда какъ ихъ остатки опустились до положенія нищенства. Новая буржуазія состоитъ изъ совѣтскихъ комисаровъ и привилегированнаго класса коммунистовъ. Ленинъ и Троцкій присвоили нѣкоторыя лучшія русскія имѣнія. Слѣдуя примѣру Керенскаго, они заняли царскіе дворцы и ведутъ такую роскошную и полную излишествъ жизнь, какая никогда не встрѣчалась при старомъ режимѣ. Фактически они и ихъ коммунистическая собратія — единственная буржуазія, имѣющаяся въ Совѣтской Россіи.

Несмотря на это, красный терроръ со своими двумя развѣтвленіями ведется съ тѣмъ же размахомъ, какъ и въ первые дни воцаренія Троцкаго. Причина эта кроется въ томъ, что русскій народъ не хочетъ сдѣлаться ни коммунистомъ, ни пролетаріемъ въ марксистскомъ смыслѣ. Легко было возможнымъ для шайки террористовъ уничтожить нѣсколько сотъ тысячъ дворянъ, купцовъ, ученныхъ, артистовъ и промышленниковъ, но какъ они могли мечтать искоренить десятки милліоновъ русскихъ мужиковъ, являющимися земельными собственниками и въ чьемъ инстинктѣ собственность коренится, можетъ быть, гораздо глубже, чѣмъ у прежней интеллигенціи. Несмотря на всю полноту средствъ террора, имѣвшихся въ распоряженіи у большевиковъ, уничтожить цѣлую націю было безнадежною затѣею. Поэтому, для того чтобы „переманить на свою сторону“ массы русскаго народа, нужно было примѣнить иные методы. Таковые были обрѣтены въ *трудовой повинности и въ милитаризаціи всѣхъ отраслей труда.*

Первый опытъ введенія трудовой повинности былъ

сдѣланъ 10 іюля 1918 года, когда Совѣтами былъ объявленъ слѣдующій принципъ:

„Россійская Совѣтская Республика считаетъ, что это долгъ каждаго гражданина работать и поэтому объявляетъ: „Кто не работаетъ — не будетъ ѣсть““.

Но это лишь было начало. Второй и окончательный шагъ былъ предпринятъ, когда, такъ называемый, большевисткій „Сводъ рабочихъ законовъ“ былъ принятъ въ 1919 году. Первая часть этого Свода гласитъ:

„Всѣ граждане Р. С. Ф. С. Р., за исключеніемъ перечисленныхъ въ частяхъ II и III, *подлежатъ трудовой повинности.*“

Исключеніе это касаетя лицъ не достигшихъ 16 лѣтъ отъ роду и старше 50 лѣть, а также нетрудоспособные по болѣзни. Рабочій сводъ дѣлаетъ исключеніе для беременныхъ женщинъ на срокъ восемь недѣль до и восемь недѣль послѣ родовъ.

Эти принципы базируются на утвержденіи, что *человѣческій трудъ является собственностью государства* и какъ таковой подлежитъ всѣмъ послѣдствіямъ проистекающимъ изъ стараго Римскаго понятія о собственности, которое было выражено въ формулѣ jus utendi et abutendi. Это означаетъ право не только пользованія, но и злоупотребленія объектомъ собственности. Другими словами, *большевики возстановили рабство* въ самомъ точномъ значеніи этогъ слова.

„Гуманитаристы“, радикалы, соціалисты, пацифисты старыхъ временъ всегда возставали противъ принудительныхъ работъ въ сибирскихъ тюрьмахъ. Они всегда мотивировали свой протестъ указаніемъ, что эта мѣра является нарушеніемъ свободы личности и угнетеніемъ самой священной привилегіи человѣка, а именно, свободно располагать своимъ трудомъ. Нѣкоторая логика, должно признать, была въ этомъ доводѣ. Хотя въ прежнія времена принудительному

труду подвергали лишь лицъ виновныхъ въ убійствѣ и присужденныхъ къ высшей степени наказанія, или за нѣсколько другихъ исключительныхъ преступленій, какъ напримѣръ: за измѣну и поддѣлку денежныхъ знаковъ, — въ настоящее же время принудительному труди подлежитъ вообще весь русскій народъ. Странно то, что всѣ эти гуманитаристы, радикалы и соціалисты, нынѣ молчаливо признаютъ это небывалое посягательсто, утѣшая тѣмъ, что: tout est pour le mieux dans le meilleur de ce monde*.

Понятно, Совѣтскіе руководители оправдываютъ возстановленіе рабства угрожающимъ уменьшеніемъ пищевыхъ продуктовъ, и, вообще, полнымъ развалomъ экономической жизни въ Россіи. Но у нихъ не хватаетъ достаточно порядочности признать то, что вслѣдствіе ихъ собственнаго неумѣлаго веденія дѣла, ихъ безнравственной системы управленія, они сами являются причиною и слѣдствіемъ отчаяннаго положенія настоящей Совѣтской Россіи.

Пренебрегая основными нормами политической экономіи, большевистскіе заправилы думаютъ, что производительность можетъ быть поднята принудительнымъ трудомъ; въ то время, какъ Это-аксіома экономики, что принудительный трудъ наименѣе продуктивный изъ всѣхъ видовъ труда. Нѣкоторое освѣщеніе большевистской психологіи по поводу возстановленія рабства можетъ быть дано, если ознакомиться съ обсужденіемъ этого вопроса, приведенномъ въ оффиціозѣ „Правда“ отъ 23 декабря 1919 года:

„Главною причиною“, такъ гласитъ статья, „паденія производи тельности труда является развалъ продовольственнаго дѣла. Государство еще не въ состояніи удовлетворить всѣ нужды рабочихъ, и, въ то время какъ цѣнность бумажныхъ денегъ безудержно

* Все что дѣлается — все къ лучшему на семъ свѣтѣ.

падаетъ, рабочая плата деньгами не хватаетъ для закупки необходимыхъ для рабочаго предметовъ обихода. Хотя немедленная замѣна денежной платы уплатою натурою, понятно, невозможна, но все таки реформа, хотя бы частичная, настоятельно необходима въ настоящее время. Паденіе производительности труда достигаетъ невѣроятныхъ размѣровъ и, чтобы бороться съ этою опастностью, общія мѣры недостаточны; нужны мѣры чрезвычайныя. Мы должны начать организацію нашего внутренняго экономическаго фронта. Немыслимо организовать снабженіе продовольствіемъ въ достаточныхъ размѣрахъ всего этого фронта цѣликомъ. Мы должны намѣтить нѣкоторыя части его и нѣкоторыя важнѣйшія промышленныя предпріятія и сформировать, такъ сказать, „ударные баталіоны". Они станутъ нашими „ударными дивизіями" нужды которыхъ должны быть удовлетворены въ ту же очередь, какъ и военныхъ частей. Рабочіе принадлежащіе къ этимъ „ударнымъ частямъ" будутъ получать тотъ же раціонъ, какъ и солдаты красной арміи."

Это приводитъ насъ къ обслѣдованію второго средства угнетенія, которымъ пользуются въ настоящее время въ Совѣтскомъ Эльдорадо. Трудъ сталъ не только принудительнымъ, но его еще милитаризировали, что означаетъ, что онъ очутился въ военномъ вѣдѣніи. Въ теченіи перваго періода послѣ изданія Рабочаго Свода, обязанность проведенія его въ жизнь была возложена на профессіональные союзы. Вскорѣ, однако, убѣдились, что профессіональные союзы, состоящіе изъ рядовыхъ рабочихъ отказались отъ принятія какихъ либо мѣръ, направленныхъ противъ все возраставшаго трудового дезертирства. Болѣе того, профессіональные союзы, не были въ состояніи осуществлять трудовой контроль въ сельскихъ мѣстностяхъ. Поэтому коммунистическая печать начала под-

держивать необходимость подчинить отнынѣ проведеніе трудовыхъ предписаній въ жизнь военнымъ властямъ. Такъ въ статьѣ озаглавленной „Красная Трудовая Армія“, напечатанной въ оффиціозѣ „Всероссійскаго Центральнаго Комитета Совѣтовъ“ — „Извѣстіяхъ“ отъ 29 декабря 1919 года, говорится:

„Для того чтобы осуществить всеобщую трудовую повинность долженъ быть произведенъ учетъ населенія годнаго для работы и этотъ учетъ долженъ подходить къ таковому же, производимому для цѣлей отбыванія воинской повинности, такъ что, нынѣшній военный департаментъ, соотвѣтственно измѣненный и постоянно совершенствуемый, долженъ въ концѣ концовъ стать аппаратомъ для милитаризаціи труда среди народныхъ массъ.“

Далѣе статья касается проекта Троцкаго о превращеніи послѣ демобилизаціи Красной Арміи въ Трудовую Армію:

„Для того, чтобы выполнить эту малую программу, товарищъ Троцкій, предложилъ немедленно „произвести черезъ посредство профессіональныхъ союзовъ учетъ солдатъ красной арміи такимъ путемъ, чтобы послѣ демобилизаціи приноровленные элементы получили соотвѣтствующее назначеніе“.

Соотвѣтственно съ этимъ, начиная съ весны 1920 года закрѣпленіе трудовыхъ законовъ было отдано въ руки спеціальныхъ военныхъ агентовъ и мѣстныхъ военныхъ комиссаріатовъ, на чьей обязанности лежало не только арестовывать „пролетарскихъ дезертировъ“, но также вѣдать организаціею рабочихъ батальоновъ какъ въ промышленныхъ, такъ и въ сельскихъ мѣстностяхъ. Единственнымъ средствомъ улучшить „внутренній фронтъ“ объявлена прусская желѣзная дисциплина, которая и введена въ трудовую армію.

11-го марта, 1920 года изъ Москвы была отправлена радіо-телеграмма, побуждающая всѣ мѣстныя власти повести безжалостную борьбу съ трудовымъ дезертирствомъ:

„Эта борьба", заканчивается въ посланіи, „должна быть проведена путемъ опубликованія списковъ дезертировъ, формированія дисциплинарныхъ отрядовъ составленныхъ изъ дезертировъ и, наконецъ, отправленіе дезертировъ въ концентраціонные лагери".

Троцкій является однимъ изъ самыхъ рьяныхъ защитниковъ милитаризованнаго труда и еще въ мартѣ 1920 года онъ заявилъ, что его намѣреніе было обратить Россію въ громадный военный лагерь, съ крестьянами, организованными въ сельскохозяйственныя дивизіи и арміи:

„Въ настоящее время", заявилъ Троцкій —" милитаризація труда тѣмъ болѣе необходима, что мы теперь столкнулись съ надобностью мобилизировать крестьянство для того, чтобы разрѣшить задачи, требующія массовыя дѣйствія. Мы мобилизируемъ крестьянъ и сформируемъ изъ нихъ трудовые союзы, очень схожіе съ военными отрядами... Объединенныя единою экономическою системою они будутъ передвигаться, устраиваться и перебрасываться съ мѣста на мѣсто такимъ же образомъ какъ и солдаты. Вотъ основанія милитаризаціи труда, безъ которой мы не можемъ серьозно преуспѣвать съ какой бы то ни было иною организаціею прошышленности на новыхъ основаніяхъ, при имѣющихся нынѣ на лицо голодовки и дезорганизаціи*".

Фактически эта мѣра проводится во всѣхъ отрасляхъ промышленности. Бумажная манафактура и тек-

* Переводъ съ русскаго. Сравни Московскія „Извѣстія" отъ 21-го марта 1920 г. отчетъ Троцкаго по поводу милитаризаціи труда, даннаго на IX Конгрессѣ Русской Коммунистической Партіи.

стильное производство были поставлены на военную ногу, то же собираются примѣнить и въ отрасляхъ транспорта. Совѣтскій декретъ отъ 1 марта 1920 года совершенно выясняетъ этотъ вопросъ:

„Въ Самарѣ“ — гласитъ документъ — „состоялось собраніе служащихъ Самаро-Златоустовской и Ташкентской Ж. Дор. Единогласно было рѣшено, что единственнымъ способомъ возстановить желѣзныя дороги и вновь сдѣлать ихъ провозоспособными, является общая мобилизація желѣзнодорожныхъ служащихъ, чтобы соединить усилія красной арміи съ самоуправляющимися органами, а также построить работу на началахъ суровой дисциплины и военныхъ правилъ“.

Этотъ методъ угнетенія только частично можетъ быть отнесенъ къ невѣжеству совѣтскихъ комиссаровъ. Какъ бы ни были они мало свѣдущи, однако они не могутъ не понимать, что возстановленіе рабства, вводимаго военными мѣропріятіями и милитаризованнымъ трудомъ, постигнетъ неудача, которая повлечетъ за собою тревожныя послѣдствія. Это болѣе чѣмъ непониманіе; это проявленіе со стороны иноземной совѣтской бюрократіи рѣшимости сломить сопротивленіе русскаго народа, постепенно преобразовывая ихъ въ стадо скота.

Несмотря на всѣ эти мѣры принужденія, продуктивность не увеличивается, трудовое дезертирство не уменьшается; крестьянство не отдаетъ своихъ излишковъ отъ урожая совѣтскимъ комиссарамъ и Россія приговорена къ разоренію, экономическому регрессу, нравственному развалу и физическому истощенію

Интересно отмѣтить, что нѣкоторое время тому назадъ, нѣкоторое количество нѣмецкихъ соціалъ демократовъ, большею частью механиковъ и опытныхъ рабочихъ, были побуждены совѣтскими агентами пріѣхать въ Совѣтороссію съ цѣлью помочь соціали-

стическому государству въ его работѣ но „возсозданію“. По прибытіи ими на мѣста назначенія, всѣ толки о якобы чудесныхъ рабочихъ условій, оказались ничѣмъ инымъ какъ искусной агитаціей. Они увидѣли, что русскому пролетаріату предназначено рабство, въ то время какъ безсовѣсное взяточничество и спекуляція сдѣлались привилегіей заправилъ Совѣтской республики. Какъ бы они ни были заражены соціалистическою пропагандою, когда они соприкоснулись съ ужасною дѣйствительностью коммунистическаго рая, они пришли въ себя и многое прозрѣли. Вильгельмъ Диттманъ, одинъ изъ видныхъ членовъ Независимой Соціалистической партіи въ Германіи, посѣтившій Россію въ іюлѣ и августѣ 1920 года по возвращенію въ Германію представилъ отчетъ объ условіяхъ въ Совѣтороссіи; ниже приводятся нѣкоторыя выдержки изъ его отчета. Касаясь посѣщенія Коломенскаго машиностроительнаго завода Диттманъ говоритъ:

„Нѣмецкіе механики работающіе тамъ, сказали намъ, что дѣла двигались чрезвычайно медленно и велись очень плохо. Хотя они не были въ состояніи вырабатывать полный рабочій день вслѣдствіе слабаго питанія и недостаточнаго оборудованія, тѣмъ не менѣе одинъ нѣмецъ фактически вырабатывалъ столько, сколько пять русскихъ. Русскіе рабочіе были частью принудительно навербованы изъ деревень; иные были добровольно явившимися на работу съ цѣлью получать спеціальный рабочій паекъ, который выдавался фабричнымъ рабочимъ. Никто изъ нихъ не проявлялъ ни малѣйшаго интереса къ своей работѣ; даже, наоборотъ, была общая склонность къ саботажу, который замѣчался даже среди высшихъ служащихъ“.

Вся группа нѣмецкихъ рабочихъ въ Совѣтской Россіи состояла изъ 120 человѣкъ; изъ этого числа, 80 человѣкъ отказались работать для Совѣтовъ,

послѣ того, какъ они ознакомились съ условіями жизни въ Совѣтороссіи. Изъ числа этихъ 80 человѣкъ, пожелавшихъ возвратиться въ Германію, сорокъ человѣкъ состояли членами Германской Независимой Соціалистической партіи; шестнадцать принадлежали къ Коммунистической партіи, въ то время какъ нѣкоторые другіе принадлежали къ Коммунистической Рабочей партіи; почти всѣ были членами нѣмецкихъ профессіональныхъ союзовъ. Въ своемъ отчетѣ Диттманъ приводитъ впечатлѣнія, которыя получилъ о своемъ пребываніи въ Совѣтороссіи Фенрихъ, ораторъ „взбунтовавшейся“ группы. Фенрихъ сказалъ:

„Мы здѣсь умремъ съ голода. Хлѣбъ плохой и невкусный; онъ полонъ рѣзки соломы. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ наше положеніе нищенское. Четыре дня мы были вынуждены жить въ товарныхъ вагонахъ, безъ одѣялъ. Послѣ того какъ насъ столпили здѣсь, въ домахъ для насъ предназначенныхъ, восемь дней мы даже не имѣли соломы. Цѣлый день мы должны работать и, кромѣ того, вдобаковъ — сами нести наши обязанности. Насъ поносили, называли „захватчиками“ и контръ революціонерами. Когда, я вчера попытался продать нѣсколько иголокъ на рынкѣ по рублю за штуку, — ихъ обыкновенно продаютъ повсюду за двадцать, тридцать рублей, — для того чтобы раздобыть нѣсколько добавочныхъ денегъ, чтобы купить продовольствіе, то я былъ арестованъ и долгое время меня не хотѣли отпустить. Говорятъ, что противъ меня возбуждено формальное объявленіе въ томъ, что я будто бы заработалъ 120.000 рублей на спекуляціяхъ. Здѣсь нѣтъ никакого истиннаго коммунизма; чтобы это ни было другое, но оно ничего не стоитъ*.

* Отчетъ Диттмана былъ напечатанъ въ Берлинской „Свобода“ въ выпускахъ 31 августа и 1 сентября 1920 г.

Фенрихъ ошибается только въ одномъ: это именно и есть настоящій коммунизмъ. Это тотъ образъ правленія, который Троцкимъ называется — диктатура пролетаріата, а правильно долженъ быть названъ — диктатура надъ пролетаріатомъ, подъ видомъ Царства Нищеты и безнадежнаго Разрушенія.

Средство международной революціонной пропаганды.

Салонные политики настаиваютъ на оказаніи помощи Совѣтской Россіи, дабы предоставить ей возможность стать на ноги. Норманъ Хатудъ однажды сказалъ, что Западный Міръ не далъ возможность Ленину и Троцкому „развернуться". Это правда, что до сихъ поръ ни одинъ цивилизованный народъ не захотѣлъ признать Совѣтское Правительство, но причиною этого служитъ то, что тотчасъ же послѣ Ноябрьскаго переворота 1917 года, само Совѣтское Правительство объявило войну цѣлому свѣту.

13 декабря Ленинъ и Троцкій дали ордеръ для ассигнованія двухъ милльоновъ рублей для цѣлей веденія международной революціонной пропаганды.

Декретъ гласитъ такъ:

„Принимая во вниманіе, что авторитетъ Совѣтовъ зиждится на принципѣ международной солидарности пролетаріата и на братскихъ чувствахъ рабочихъ всѣхъ странъ и, что борьба съ милитаризмомъ и имперіализмомъ, ведомая только въ международномъ масштабѣ, можетъ привести къ полной побѣдѣ, — Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ считаетъ необходимымъ прійти лѣвому — интернаціоналистическому

Мы приводимъ англійскій переводъ, напечатанный въ Living Age октября 9, 1920 года. Дальнѣйшія подробности пребыванія нѣмецкихъ рабочихъ въ Совѣтской Россіи могутъ быть найдены въ интересной брошюрѣ „Правда о Россіи" А. Франке изданіе Лиги Культуры, стр, 7, 8 и 9. Берлинъ 1920 г.

крылу рабочаго движенія во всѣхъ странахъ на помощь во всѣхъ ея видахъ, въ томъ числѣ и съ матерьяльной стороны, совершенно независимо отъ того находятся ли данныя страны въ состояніи войны съ Россіей, или въ какомъ бы то ни было союзѣ съ нею, или держатъ нейтралитетъ. Для этой цѣли Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ приказываетъ: Предоставить ассигновку въ два милльона рублей на предметъ интернаціональной революціонной агитаціи въ распоряженіе заграничныхъ представителей Комиссаріата Иностранныхъ Дѣлъ."

На основаніи вышеприведеннаго декрета, Совѣтскіе „послы" были отправлены во всѣ страны съ инструкціями вести революціонную пропаганду, сѣять международные раздоры и прививать классовую ненависть. Такъ, Іоффе прослѣдовалъ въ Берлинъ, Воровской въ Стокгольмъ, Финкельштейнъ (Литвиновъ) — въ Лондонъ, Варшавскій (иначе говоря Бронскій) — въ Вѣну, а Людовикъ Мартенсъ — въ Соединенные Штаты. Эти Совѣтскіе эмиссары всюду причиняли политическій вредъ и по прошествіи нѣсколькихъ дней ихъ пребыванія чинамъ сыска приходилось близко заинтересовываться ихъ дѣятельностью. Во всѣхъ странахъ Совѣтскія „посольства" становились центрами разрушительной, революціонной пропаганды, которая велась противъ тѣхъ самыхъ правительствъ, къ коимъ они были „аккредитованы".

Въ Соединенныхъ Штатахъ дѣятельность Мартенса была разслѣдована Первымъ Департаментомъ Юстиціи, а потомъ Комитетомъ Луска и наконецъ Сенатомъ Соединенныхъ Штатовъ. Было дознано, что онъ имѣлъ на услуженіи группу профессіональныхъ еврейскихъ агитаторовъ. Григорій Вайнштейнъ, Сантери Нейбергеръ (Нуортева), Исаакъ Гурвичъ и Авраамъ Геллеръ пріобрѣли широкую извѣстность, какъ въ ихъ работѣ по объединенію всѣхъ революціонныхъ

элементовъ Америки, такъ и въ ихъ неутомимыхъ усиліяхъ ввести въ заблужденіе американское общественное мнѣніе въ отношеніи цѣлей и намѣреній большевистскаго движенія. Вдобавокъ, Мартенсъ разыгрывалъ изъ себя „коммерческаго представителя“ Совѣтскаго Правительства, въ то время какъ агитація въ пользу возобновленія торговыхъ сношеній съ Большевиками черезъ его посредство финансировалась Совѣтскою валютою изъ Москвы.

Швеція, Англія, Германія и Швейцарія быстро покончили съ дѣятельностью большевисткихъ эмиссаровъ, и имъ было любезно предложено безъ промедленія покинуть соотвѣтственныя страны. Что касается Мартенса, то онъ только что покинулъ Америку.

Главныя старанія организовать революціонную пропаганду въ международномъ масштабѣ начались въ декабрѣ 1918 года, въ то время когда Коммунистическій Конгрессъ былъ созванъ въ Петроградѣ. Апфельбаумъ въ своемъ привѣтственномъ обращеніи къ делегатамъ, въ числѣ прочаго заявилъ:

„Каждому извѣстно въ настоящее время изза чего началась война. Она возникла для того, чтобы содѣйствовать извѣстной группѣ капиталистовъ захватить поелико возможно больше земель въ Азіи, Америкѣ и Африкѣ. Война велась съ цѣлью предоставить возможность небольшимъ шайкамъ Англо Американскаго Капитала удушить революціонное движеніе въ Россіи и Германіи. Вотъ причина того, что въ настоящее время сотни тысячъ, можетъ быть милліоны, людей начали прозрѣвать. Повсюду женщины рабочаго класса, самъ рабочій классъ также и солдаты начинаютъ спрашивать себя каковы причины возникновенія Міровой Войны. И всюду отвѣтъ одинъ: это была грабительская война. Повсюду народы пришли къ одному выводу: Все что угодно, лишь бы не повтореніе этого ужаса. Когда однако, задаютъ вопросъ,

что должно быть сдѣлано, чтобы избѣжать подобнаго кошмара, отвѣтъ повсюду получится одинъ и тотъже: Долой буржуазію! Да здравствуютъ Совѣты во всемъ мірѣ!"

Апфельбаумъ закончилъ свое обращеніе утвержденіемъ, что міровая революція сдѣлалась вопросомъ ближайшаго будущаго и воскликнулъ: „Да здравствуетъ III безсмертный и вѣчный Интернаціоналъ*!"

Делегатами различныхъ странъ были произнесены зажигательныя рѣчи, призывая Совѣтское Правительство Россіи помочь рабочимъ массамъ поднять знамя соціальнаго бунта. Вотъ названія странъ и имена ихъ делегатовъ, которые были представлены:

Соединенные Штаты	Рейнштейнъ.
Англія	Фейнбергъ.
Сѣверный Китай	Лао и Чьяй.
Австрія	Гори.
Голландія	Рудтгерсъ.
Германія	Пертцъ.
Сербія	Марковичъ.
Болгарія	Антоновъ.
Финляндія	Сирола.
Туркестанъ и Бухара	Юсуповъ.
Персія	Раджедъ Бомби.
Индія	Ашмедъ.
Корея	Анъ.
Франція	Садуль.

Интересно привести выдержки изъ рѣчей нѣкоторыхъ делегатовъ. Такъ, представитель Китая, Лао, сказалъ:

* Переводъ съ русскаго: „Совѣтская Россія и Народы Міра" стр. 8, 9 и 10, издано Петроградскимъ Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ, 1919 годъ. Эту достопримѣчательную статью, фактически, за предѣлами Совѣтской Россіи, нельзя найти.

„До насъ доходятъ слухи, что гдѣ то въ Южномъ Китаѣ началась революція, выдвинувшая лозунги, схожіе съ цѣлями Россіи, объ установленіи соціалистической совѣтской республики. Я не увѣренъ, что слухи эти твердо обоснованы. Но несомнѣнно то, что въ Южномъ Китаѣ ширится революціонная агитація. Россія отдѣлена отъ Южнаго Китая великою Сибирью, простирающейся многія тысячи верстъ. Если бы не это, если бы Китай былъ близко знакомъ съ Русскою дѣйствительностью, то мы бы проявили не только нравственное, но и физическое содѣйствіе и воскликнули бы всему міру: Да здравствуетъ Русская революція!“

Представитель Индіи такъ закончилъ свое обращеніе:

„Моему обращенію предшествовало обращеніе представителя англійскаго народа товарища Фейнберга. Я не считаю его своимъ врагомъ. Наоборотъ, онъ мой сотрудникъ въ общей борьбѣ, ибо не англійскій народъ, а лишь англійскіе имперіалисты являются врагами какъ Индусовъ, такъ и англійскаго рабочаго люда. Наконецъ я хочу благодарить васъ за ваше гостепріимство и выражаю увѣренность, что соединенныя усилія угнетенныхъ народовъ укрѣпятъ въ мірѣ торжество справедливости, свободы и соціализма.“

Персидскій делегатъ, Бомби, выразилъ надежду, что Совѣтское Правительство окажетъ военную помощь революціонному движенію въ Персіи. Онъ сказалъ:

„Товарищи, если бы вы представили намъ возможность повести борьбу бокъ о бокъ съ вами, то мы бы подняли красную армію въ 100.000 человѣкъ. Будемъ сражаться бокъ о бокъ вмѣстѣ. Соорганизуемъ группу собственныхъ агитаторовъ, которыя черезъ Персію проникнутъ въ Индію, гдѣ, вмѣстѣ съ индускими революціонерами, они сокрушатъ англійскій имперіализмъ.“

Второй представитель Китая, Чьяй, произнесъ короткую, но многозначительную рѣчь:

„Товарищи, бѣднѣйшіе рабочіе сѣвернаго Китая надѣются на васъ, на Совѣтскую мощь, на товарища Ленина и его сотоварищей. Я хочу вамъ заявить, что мы, китайскіе рабочіе, въ вашей борьбѣ за республику, за всемірную революцію, за власть Совѣтовъ направленную противъ эксплоататоровъ. Въ ближайшемъ будущемъ вы убѣдитесь, что рабочіе массы Сѣвернаго Китая примкнутъ къ вашимъ рядамъ."

Наконецъ, Антоновъ, болгарскій депутатъ, сдѣлалъ слѣдующій практическій выводъ:

„Настоятельной задачей революціонной Россіи является зажечь пожаръ революціи на Балканахъ, съ цѣлью лишить врага его стратегической базы. Условія благопріятны, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Если еще въ настоящее время нѣтъ основаній разсматривать Болгарію, какъ центръ революціи на Балканахъ, то, все таки, я беру на себя смѣлость утверждать, что болгарскій пролетаріатъ можетъ быть возбужденъ революціей въ ближайшемъ будущемъ. Необходимо лишь одно — это организаціонная работа; психологія же рабочихъ массъ достаточно революціонизирована*."

Такимъ образомъ первое собраніе Коммунистической Лиги Націй положило первыя основы всемірной революціонной пропагандѣ, конечной цѣлію которой являлось установленіе Міровой Совѣтской Республики. И дѣйствительно, нѣсколькими мѣсяцами позже, большевики дали слѣдующее опредѣленіе сути III Коммунистическаго Интернаціонала:

* Всѣ вышеприведен ныявыдержки переведены съ русскаго. Полный текстъ обращеній коммунистовъ содержится въ вышесказанной книгѣ: „Совѣтская Россія и Народы Міра".

„Интернаціональный пролетаріатъ пробуждается въ классовой ненависти къ міровой буржуазіи... Въ то время какъ Красная Армія Всемірной Революціи подвигается на западъ, военные штабы Міровой Революціи, Военный, Совѣтъ Пролетаріата, Конгрессъ III Интернаціонала собрался въ Красной Россіи — центрѣ революціи — съ цѣлью выработать для народа всего міра пути возстанія и побѣды."

Потомъ слѣдуютъ обычные припѣвы ко всякимъ пѣснямъ московскихъ коммунистовъ:

„Черезъ III Интернаціоналъ — къ всемірной диктатурѣ пролетаріата.

„Пролетаріатъ долженъ побѣдить капиталъ. Чтобы побѣдить — рабочіе должны быть сильными. Чтобы быть сильными — они должны быть организованными. III Интернаціоналъ центръ организаціи всемірнаго пролетаріата.

„III Интернаціоналъ — рабочее правительство всѣхъ революціонныхъ народовъ, и онъ сильнѣе всѣхъ правительствъ."

Хотя большинство западныхъ странъ отправило своихъ представителей на III Интернаціоналъ, тѣмъ не менѣе Совѣтскіе главари столкнулись съ тѣмъ фактомъ, что рабочихъ Запада трудно сдвинуть съ мѣста и, что, даже среди самихъ вожаковъ рабочихъ, имѣется сильное предубѣжденіе противъ *немедленнаго* вооруженнаго выступленія.

Что касается Американскаго Труда, то Ленинъ и Троцкій отлично знали, что ни Рейнштейнъ, ни Джонъ Ридъ, ни нѣкоторые другіе „товарищи", переплывшіе океанъ для того чтобы принять участіе въ умиленіи предъ московскими коммунистическими идолищами ни въ коемъ случаѣ не были представителями истиннаго духа американскихъ рабочихъ массъ. Совѣтскіе главари, также, отлично сознавали, что американскій Трудъ почти единодушно находится въ оппозиціи къ

плану Ленина о міровой диктатурѣ. И все таки, большевики учитываютъ, что ихъ единственною надеждою является міровая революція, безъ коей приговоръ для нихъ готовъ. Въ связи съ этимъ стало необходимымъ, минуя Западъ, изыскать пути для достиженія международнаго соціальнаго крушенія. Они обратились на Востокъ. Ex Oriente lux, сдѣлалось руководящею идеею совѣтской дипломатіи. Были приложены всѣ усилія къ тому, чтобы направить всѣ революціонныя вспышки Востока въ одинъ могучій потокъ бунта противъ всякой существующей власти и противъ всѣхъ историческихъ событій.

За послѣдніе два года большевики вели тайные переговоры со всѣми главарями возстаній Кореи. Они поселяли несогласіе въ Сѣверномъ и Южномъ Китаѣ и Монголіи. Они инспирировали всѣ рисовые бунты въ Японіи; они поддерживали тѣсное общеніе съ Мустафа Кемалемъ, они сѣяли раздоры въ Египтѣ, Палестинѣ и Индіи. Черезъ Туркестанъ и Русскія центральныя Азіатскія владѣнія, также, какъ и черезъ Персію и пропаганда проникла къ берегамъ Ганга. Черезъ Мустафу Субкхинъ Бея они вели переговоры съ Младо-Турками. Кавказскіе мусульмане стали наемниками Совѣтовъ. Ведомая грандіозная агитація направлена къ установленію „единнаго, великаго союза“ Народовъ Востоковъ, который послужитъ колоссальнымъ орудіемъ для разрушенія западной цивилизаціи подъ именемъ „Красный Востокъ“.

И на самомъ дѣлѣ, это остроумная комбинація Панисламизма и Пансовѣтизма. Недавно засѣдалъ Конгрессъ Магометанъ и Большевиковъ въ Баку. Онъ состоялъ изъ представителей Хеджаса, Сиріи, Афганистана, Персіи, Туркестана, Азербейджана, Анатоліи и Индіи. Въ то же самое время Кемаль — пашѣ удалось достигнуть соглашеніе съ Туркестаномъ и Азербейджаномъ, благодаря чему получилась угроза

Смирнѣ, и на всемъ Ближнемъ Востокѣ утеряно равновѣсія.

Нельзя оспорить того, что большевики очень умѣло ведутъ пропаганду. Тщательное вниманіе удѣляется ими не только общимъ схемамъ намѣчаемой пропаганды, но и каждой малѣйшей детали, касательно практическаго осуществленія агитаціи. Западный Міръ до сихъ поръ въ угрожающей степени мало ознакомленъ съ тактикою Совѣтской агитаціи, поэтому вполнѣ умѣстно коснуться дальнѣйшихъ подробностей въ этомъ направленіи.

Когда большевики начали свою пропаганду въ Туркестанѣ, они удѣлили много вниманія тому, чтобы сдѣлать поелико возможно болѣе впечатленія пышности на полудикое воображеніе Азіатскихъ племенъ. Были снаряжены спеціальные поѣзда для цѣлей агитаціи и были призваны самые ловкіе агитаторы. 6 декабря 1919 года изъ Москвы была отправлена Національному Бюро въ Туркестанѣ ниже слѣдующая радіотелеграмма, преданная гласности Англійскимъ правительствомъ:

„Настоящимъ вы поставляетесь въ извѣстность, что въ началѣ декабря сего года въ Туркестанъ будетъ направленъ агито-поѣздъ для того чтобы организовать пропаганду. Поѣздъ будетъ названъ „Красный Востокъ“. Онъ повезетъ запасы литературы на магометанскомъ и русскомъ языкахъ; она послужитъ для цѣлей культурной и учебной работы. Онъ будетъ также снабженъ магометанскою и русскою типографіею, радіотелеграфомъ, бюро для принесенія жалобъ и передвижною выставкою картинъ. Поѣздомъ будутъ слѣдовать ораторы. Для наилучшаго оборудованія магометанской секціи поѣзда важно, чтобы на немъ находились партійные товарищи, которые бы приняли участіе въ агитаціонной работѣ и которые были бы отлично знакомы съ мѣстными нарѣчіями и бытовыми

укладами Туркестанскаго населенія. Товарищей, полезныхъ для этого рода дѣятельности здѣсь не имѣется. Мы настаиваемъ, чтобы вы безъ опозданія направили трехъ вашихъ товарищей, давъ имъ инструкціи, къ 20 декабря. Это распоряженіе Центральнаго Комитета Партіи. Увѣдомте насъ объ ихъ отъѣздѣ...“

Совѣтскіе главари отлично сознаютъ, что пропаганда на Востокѣ требуетъ примѣненія спеціальныхъ методовъ, а также спеціально обученныхъ для этой работы людей. Русскій языкъ и еврейскій жаргонъ совершенно чужды восточнымъ народамъ. Для преодолѣнія этаго препятствія большевики устроили спеціальные курсы при своихъ московскихъ штабъ квартирахъ, гдѣ партійные агитаторы натаскиваются въ этомъ спеціальномъ направленіи. Удѣляется много вниманія Китайскому вопросу, ибо главари III Интернаціонала прекрасно учитываютъ то, чтобы Красный Востокъ сталъ дѣйствительнымъ орудіемъ разрушенія, онъ долженъ включить въ свои ряды желтую расу, соединяя, такимъ образомъ красную и желтую опасности въ одну ужасающую угрозу христіанской цивилизаціи. Между Москвою и очагами Китайскихъ бунтовъ поддерживаются оживленныя сношенія. Въ началѣ 1920 года, японская пресса указывала, что большевизмъ быстро распространяется среди китайцевъ въ Манджуріи. Одновременно съ этимъ Совѣтская печать указала на то, что китайская партія „Тай Синъ Чу“ вошла въ контактъ съ большевиками и соорганизовала коммунистическія ячейки во всѣхъ крупныхъ городахъ Сѣверной Манджуріи.

Въ ноябрѣ 1920 года Совѣтское Правительство оффиціально извѣстило Китайское Правительство, что оно намѣрено уничтожить всѣ финансовыя и территоріальныя концессіи полученныя отъ Китая Императорскимъ Русскимъ Правительствомъ. Цѣль этого заявленія заключалась въ томъ, чтобы этимъ завоевать

симпатіи Китайскаго народа къ Совѣтской власти и въ тоже время породить новыя осложненія между Китаемъ и Японіей.

Еще одна подробность о пропагандѣ Краснаго Востока: большевики должны быть признаны прекрасными демагогами. Они отдаютъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что человѣческія массы, такъ же точно какъ и отдѣльныя личности, имѣютъ весьма разнообразныя воззрѣнія, что ихъ культурный уровень и нравственныя понятія весьма различны и потому, для того чтобы перетянуть ихъ на свою сторону, иногда нужно примѣнять самыя разнообразные методы. Что касается пропаганды, то задача особенно трудна, ибо неумѣлая агитація, какъ общее правило не только ни къ чему не приводитъ, но даже содѣйствуетъ погубить то дѣло, которому они служатъ. Сознавая это Совѣтскіе главари выработали подробныя инструкціи своимъ агентамъ, нанятымъ для веденія пропаганды на Востокѣ. Нѣкоторыя изъ посланій этихъ „инструкцій“ надлежитъ внимательно проштудировать:

„Цѣль Коммунистической Партіи“ — такъ гласитъ одинъ изъ документовъ — „независимо отъ мѣстности, гдѣ ведется работа, находится выше одной организованности промышленнаго и сельскаго пролетаріата. Въ этой работѣ Коммунистической Партіи содѣйствуютъ профессіональные союзы и совѣтскія организаціи. Не смотря на то, что Восточные народы отстали въ этомъ отношеніи, это не освобождаетъ партійныхъ товарищей отъ напряженія ихъ усилій въ этомъ направленіи, наоборотъ, оно требуетъ особыхъ усилій съ ихъ стороны для распространенія среди магометанскаго пролетаріата и другихъ нужныхъ слоевъ коммунистической программы. То обстоятельство, что восточные народы отстали съ точки зрѣнія культурной и политической, имѣетъ отношеніе лишь къ методамъ и средствамъ примѣняемымъ въ работѣ, которая ве-

дется въ ихъ средѣ. Въ работѣ среди мусульманъ нужно имѣть всегда въ виду два основныхъ обстоятельства, а именно, ихъ религіозныя и національныя понятія. Религіозные предразсудки развиты гораздо сильнѣе, чѣмъ у русскихъ, или же у другихъ европейскихъ крестьянъ и пролетаріевъ... Поэтому должно обращать особенное вниманіе на это въ борьбѣ съ этими предразсудками. Борьба съ ними не должна состоять въ прямолинейномъ ихъ отрицаніи, а изъ подходовъ постепенной пропаганды и воспитанія направленной къ подрыву ихъ основъ, особенно нужно подчеркивать „классовый" характеръ установленій магометанскаго духовенства и его алчность по отношенію къ бѣднымъ слоямъ населенія... Второе обстоятельство, которое не слѣдуетъ выпускать изъ виду: это національныя побужденія, которыя играли всегда видную роль въ жизни мусульманъ, особенно во время Совѣтскаго Правленія... Коммунистическая Партія относится благопріятно къ борьбѣ за самоопредѣленіе, кототая развивается среди мусульманскихъ массъ, предусматривая, однако, что она должна руководиться и подпадать вліянію Совѣтской власти... Образованіе различными мусульманскими племенами сепаратныхъ совѣтскихъ государствъ не встрѣчаетъ возраженій, примѣромъ этого можетъ служить установленіе Туркестанской Башкирской республики и Киргизскаго Революціоннаго Комитета... Такія независимыя мусульманскія совѣтскія республики не могутъ существовать если не будутъ въ тѣсной связи въ военномъ и экономическомъ отношеніяхъ съ Россійской Федеративной Совѣтскою Республикою."

Эти инструкціи были изданы Центральнымъ Совѣтомъ въ Москвѣ 21 февраля 1920 г. Такимъ образомъ, большевики незыблемо установили, что пропаганда мылнихъ коробковъ въ разныхъ странахъ

должна вестись не на одинаковыхъ основаніяхъ и, что невозможно изобрѣсти единнаго знамени подъ коимъ возможно было бы объединить всѣ національные вопросы.

Въ настоящее время нѣтъ уже болѣе той страны, въ которой бы не ощущалось зловѣщаго вліянія III Интернаціонала. Какъ бы ни были отсталыми нѣкоторыя народности, каково бы ни было ихъ настоящее экономическое положеніе, коммунистическая пропаганда всюду прокладываетъ себѣ путь, воздѣйствуя не столько на здравый разсудокъ людей, какъ на ихъ низменные инстинкты, на ихъ алчность, зависть и врожденную лѣность. Агенты Ленина и Троцкаго повсюду заняты поселеніемъ несогласія, соперничества и классовой вражды. Гдѣ бы ни были безпорядки — можно быть увѣреннымъ въ томъ, что тамъ большевистскій агитаторъ на работѣ.

Движеніе Синъ Фейнеровъ поддерживается Совѣтскими средствами въ той же степени, какъ и крайняя пропаганда, которая ведется среди негровъ Южныхъ Штатовъ Америки*.

Австрійскій коммунизмъ и крайнее крыло французскаго синдикализма ничто иное какъ развѣтвленіе III Интернаціонала Москвы. Крайняя соціалистическая агитація, которая теперь въ полномъ ходу въ Южной Америкѣ, особенно въ Аргентинѣ, Чили и Перу субсидируется Совѣтскими деньгами. Недавно писалось о томъ, что черезъ Буэносъ-Айресъ въ Южную Америку было ввезено большое количество коммунистической литературы. Извѣстно, что коммунистическія организаціи въ Барселонѣ снабжаютъ Латинскую

* Для выясненія связи между Синъ Фейнъ и Совѣтскимъ правительствомъ, см. главу XIII стр. 208—228 книги Ричарда Доусона „Красный Терроръ и Зеленые“ Е. П. Дутонъ и К-о Нью Іоркъ, 1920 г.

Америку партійной литературою а „Вангардъ“ Буэносъ-Айреса открыто проповѣдываетъ присоединеніе къ III Интернаціоналу. Въ то же время мексиканскіе соціалисты подъ руководствомъ Совѣтскихъ Эмиссаровъ объявили свою склонность замѣнить парламентарную тактику революціонными методами классовой борьбы.

Венгерская революція и возстаніе спартаковцевъ были замышлены и выполнены Москвою, и нытѣшній представитель Совѣтовъ въ Германіи, Викторъ Коппъ, не далѣе какъ въ декабрѣ, 1920 г. получилъ письменныя инструкціи отъ Троцкаго: *„Приложить всѣ усилія для взрыва революціи въ Германіи и сверженія національнаго правительства“*.

Балтійскія окраинныя государства наводнены Совѣтскими агитаторами, а евреи Польши по приказу изъ Москвы спѣшно организуются въ военные союзы и подготовляются для „активной военной“ службы“. Новое Совѣтское наступленіе противъ Польши предположено 15 марта 1921 года и стало извѣстнымъ, что Еврейскіе Красные баталюны имѣютъ назначеніе вонзить ножъ въ спину Польши.

Приказанія изъ Москвы безпрекословно выполняются коммунистическими элементами Соединенныхъ Штатовъ. Въ концѣ 1920 года между Коммунистической Партіей Америки и Объединенною Коммунистическою Партіею въ Америкѣ происходили значительныя тренія. 14 сентября Ленинымъ былъ изданъ приказъ немедленно прекратить партійныя тренія между обѣими коммунистическими организаціями. На этомъ основаніи Николай Гурвичъ, глава Коммунистической Партіи, немедля началъ переговоры о примиреніи со своимъ коллегою Рутенбергомъ, главою Объединенной Коммунистической Партіи. Ниже приводится письмо отъ 20 октября 1920 года за подписью исполнительнаго секретаря Коммунистической Партіи Америки,

опубликованное въ оффиціозѣ этой партіи въ „Коммунистѣ“ 15 ноября 1920 года. Оно непосредственно относится къ затронутому вопросу:

„Отъ Ц. И. К. Коммунистической Партіи въ Ц. И. К. — О. К. П. — 20. X. 1920.

„Дорогіе товарищи, Случайно прочитавъ въ оффиціозѣ Совѣтской Республики „Извѣстія“ отъ 14 сентября 1920 года рѣшеніе, касающееся единства Коммунистической Партіи и Объед. Комун. Партіи „Обѣ Комунистическія Партіи — О. К. П. и К. П. обязаны слиться въ одну партію, на основахъ постановленій II Всемірнаго Конгресса Комунистическаго Интернаціонала. Это сліяніе должно произойти не позже чѣмъ черезъ два мѣсяца, т. е. 10 октября 1920 года. Тотъ, кто не подчинится этому рѣшенію, будетъ исключенъ изъ III Интернаціонала.“

„Въ согласіи съ рѣшеніемъ Исполнительнаго Комитета Коммунистическаго Интернаціонала Ц. И. К. — К. П. сдѣлалъ сдѣдующее постановленіе:

„Въ виду того, что рѣшеніе И. К. Коммун. Интерн. требующее немедленнаго сліянія между К. П. и О. К. П. получено послѣ срока, указаннаго въ резолюціи, какъ окончательный для этого сліянія, и

„Признавая, что смыслъ и намѣренія этой резолюціи, должны быть выполнены безъ промедленія наилучшимъ способомъ, какой можетъ быть изысканъ при существующихъ обстоятельствахъ, —

„То, мы постановили немедленно предпринять шаги для соединеннаго съ О. К. П. собранія въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, на началахъ участія справедливаго и одинаковаго для обѣихъ партій; и

„Извѣстить Исполнительный Комитетъ Коммунистическаго Интернаціонала о томъ, что мы признаемъ въ этомъ вопросѣ его авторитетъ, а также о тѣхъ шагахъ, которые мы предприняли тотчасъ же, какъ получили о томъ свѣдѣнія, для того, чтобы выполнить

его рѣшеніе. Братски Ваши (подпись) Исполн. Секрет. Коммунист. П. Америки"

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ рабочій классъ не склоненъ слѣпо выполнять военные приказы издаваемые въ Москвѣ, пускается въ ходъ Совѣтское золото. Инцидентъ, о коемъ столько говорили, мирнаго посредника Совѣтовъ въ Англіи Розенфельда (Каменева) передавшаго *„Лондонскому Дейли Геральду"* сорокъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ, чрезвычайно показателенъ, но не болѣе какъ единичное изъ той серіи взятокъ которая давалась главарями большевизма рабочему движенію Запада*.

Вожаки англійскаго рабочаго движенія, такъ же, какъ и американскіе комунисты, получаютъ приказы изъ штабъ-квартиры въ Москвѣ и сносятся непосредственно съ Ленинымъ. Такъ, письмо написанное Сильвіею Пэнкрхерстъ, захваченное недавно Британское Секретною Полиціею содержитъ нижеслѣдующій ея отчетъ Ленину:

„Темпъ революціоннаго положенія здѣсь ускоряется. Понятно, мы еще далеки отъ него. Цѣны на предметы первой необходимости подымаются, хотя предполагаютъ, что жизненная стоимость не повысится въ текущемъ мѣсяцѣ. Безработица обостряется, и безработные неспокойны... Во многихъ городахъ безработные устраиваютъ шествія къ фабрикамъ, врываются въ нихъ, говорятъ рѣчи и предлагаютъ захватывать ихъ. Бывшихъ солдатъ нужно вооружать и обучать"**.

* Полный оффиціальный текстъ объявленія Британскаго Правительства, сдѣланнаго 15. IX. 1920 г. по поводу инцидента съ „Лондонъ Дейли Геральдъ" напечатанъ въ „Уикли Ревью" Нью-Іоркъ выпускъ 20. X. 1920 г. стр. 335.

** Смотри статью подъ заглавіемъ: „Курьеръ къ Ленину захваченный въ Лондонѣ". „Нью-Іоркъ Таймсъ" 28 октября 1920 г.

„Красная Газета“, оффиціозъ Петроградскаго Совѣта, не безъ основанія хвастается по поводу могущества III Интернаціонала. Касаясь положенія въ Англіи она указала:

„Мы уже вступили въ непосредственныя сношенія съ пролетаріатомъ той страны, въ которой до настоящаго времени скрещивались всѣ пути международной политики“.

Въ настоящее время Совѣтская пропаганда ведется болѣе настойчиво, чѣмъ когда либо до сихъ поръ. Октябрьское собраніе Германской Независимой Соціалистической партіи въ Галле безусловно служитъ тому доказательствомъ. Апфельбаумъ принялъ въ немъ участіе, результатомъ чего явилось присоединеніе конференціи къ III Интернаціоналу, большинствомъ двухсотъ тридцати семи голосовъ противъ ста пятидесяти четырехъ. Криспіенъ, одинъ изъ признанныхъ вожаковъ Независимой Партіи, потерпѣлъ полное пораженіе и былъ вынужденъ покинуть собраніе и оставить его сдѣлаться добычею совѣтскихъ агитаторовъ.

Такъ же какъ Троцкій милитаризировалъ русскій пролетаріатъ, Ленинъ старается ввести желѣзную дисциплину въ рядахъ коммунистическихъ организацій внѣ Россіи. Въ этомъ ему помогаютъ нѣкоторые отдѣлы Западнаго Труда, которые выказываютъ фанатическую поддержку зловѣщему плану коммунистической реакціи. Надменность Ленина достигла высшей степени, когда онъ на лету, преподалъ свои съ ногъ сшибательные „Двадцать одно условіе для вступленія въ Коммунистическій Интернаціоналъ“. Ниже приводятся нѣкоторые изъ самыхъ интересныхъ условій:

„I. Такъ какъ классовая война почти во всѣхъ странахъ Европы и Америки вступаетъ въ періодъ гражданской войны, Коммунизмъ не долженъ согласо-

ваться съ законною методикою среднихъ классовъ, но долженъ повсюду устраивать тайныя ячейки, которыя должны быть готовы выполнить революціонный долгъ, когда наступитъ рѣшительный часъ.

„II. Должна вестись систематическая и упорная агитація въ войскахъ.

„III. Рабочіе должны быть обращены въ коммунизмъ путемъ проникновенія коммунистовъ въ ихъ союзы и соціальныя организаціи.

„IV. Со всякими иными Интернаціоналами, должны вести безпощадную и энергичную борьбу.

„V. Радикальный парламентаризмъ долженъ быть очищенъ отъ сомнительныхъ элементовъ.

„VI. Соціалисты должны разстаться со своими теперешними партійными названіями и принять имя Коммунистической Партіи.

„VII. Коммунисты должны подчиниться всякому рѣшенію Московскаго Исполкома“ *.

Позиція интернаціональнаго Труда по отношенію къ московской диктатурѣ будетъ подробнѣе обслѣдована въ слѣдующей главѣ. Здѣсь же слѣдуетъ замѣтить, что сила Ленина основана на слабости врага. Совѣтское правительство въ Россіи, ставъ орудіемъ всесвѣтной революціонной пропаганды, успѣла распространить свою агитацію почти по всему міру. „Будучи объединены — мы стоимъ; разъединенные — мы упадемъ“. Вотъ лозунгъ, политика и тактика современнаго коммунизма. Тѣ же, кто противъ деспотическаго режима III Интернаціонала, — слабы и пассивны по отношенію къ растущей опасности. Они *не умѣютъ* организовываться; они разъединены. Ихъ стремленія *не* координированы. Ихъ воля — въ состояніи паралича.

* Сравни „Американскій Федераціонистъ“, т. XXVII, № 10, стр. 927, октябрь 1920 г.

До сихъ поръ міръ, стоящій на краю соціальной пропасти, еще не проснулся отъ ужасовъ Коммунистическаго Рая. Кромѣ того, во всѣхъ странахъ достаточно мягкотѣлыхъ салонныхъ политиковъ и фантазеровъ-радикаловъ, которые мечтаютъ о „Потерянномъ Раѣ“, и многіе изъ нихъ полагаютъ, что онъ вновь можетъ быть обрѣтенъ въ объятіяхъ Троцкаго. А въ то время, пока они мечтаютъ, пока они заняты составленіемъ сладкихъ политическихъ сонетовъ о всеобщемъ братствѣ и о благословенной демократіи, — зловѣщая тѣнь интернаціональнаго большевизма медленно выростаетъ изъ глубинъ Соціальнаго Ада, и близко то время, когда станетъ черезчуръ поздно — пробужденіе будетъ тогда ужаснымъ.

„А далѣе — молчаніе.“

ГЛАВА IX.

Имѣются два вида соціальнаго неспокойствія: естественное и искуственно возбужденное.

Естественные нелады-стары, какъ само человѣчество. Всякое соціалистическое образованіе имѣетъ свои собственные недостатки, ибо какъ его анатомія, такъ и его психологія являются продуктами человѣка. Ни одинъ политическій распорядокъ не можетъ быть идеальнымъ, по одному тому, что онъ образуется лицами, которые сами далеки отъ идеала и вѣроятно никогда не достигнутъ его даже въ отдаленномъ будущемъ.

Каждая эпоха въ исторіи человѣчества имѣетъ свои собственныя причины для неурядицъ, однако, съ момента зачатія цивилизаціи и до сихъ поръ одинъ поводъ, болѣе чѣмъ какой либо другой, служилъ причиною, порождавшею недовольство среди людей. Это было соціальное неравенство.

Французскіе энциклопедисты, провозгласивъ: „Всѣ люди рождаются равными“, старались облечь область политическихъ и соціальныхъ отношеній принципомъ равенства. Но ихъ старанія не увѣнчались успѣхомъ, ибо ихъ философская предпосылка была глубоко

обманчивою. Неравенство въ соціологіи такой же непреложный законъ, какъ тяжесть въ физикѣ, или движеніе въ области механики. Неравенство — не только естественное проявленіе человѣческихъ отношеній, но также великій двигатель прогресса и безконечной меліораціи въ соціальномъ творчествѣ. Однако, какъ общее правило, людскія массы никогда не бываютъ довольны тѣми вещами и мышленіемъ, которыя, несмотря на то, что онѣ исторически оправдываемы и научно подтверждаемы, не служатъ для непосредственнаго удовлетворенія ихъ насущныхъ нуждъ. Можетъ быть это служитъ причиною тому, что Ибсенъ, одинъ изъ величайшихъ умовъ XIX столѣтія вынесъ свой суровый приговоръ: „Большинство всегда неправо".

Массы всегда склонны ошибочно полагать, что ихъ стремленія могутъ быть фактически претворены въ дѣйствительность, въ то время какъ между абстрактнымъ идеаломъ и его осуществленіемъ всегда перекинутъ мостикъ невозможности.

Въ настоящіе дни болѣе, чѣмъ когда либо человѣчество обмануто ложною вѣрою въ то, что соціальное равенство можетъ быть достигнуто простою перемѣною соотношенія въ человѣческомъ общеніи, простымъ перемѣщеніемъ жизненныхъ благъ отъ одной общественной группы къ другой. Но, ввиду того, что перемѣщеніе предмета не измѣняетъ его сущности, то и соціальное равенство не можетъ быть достигнуто изъятіемъ благъ отъ ихъ собственниковъ и передачею ихъ въ руки рабочему „дну".

Несмотря на истину заключающуюся въ этомъ утвержденіи, оно не удовлетворяетъ людей, не только вслѣдствіе того, что они слѣпы — вѣрнѣе, ослѣплены ложными теоріями и ученіями, — но главнымъ образомъ потому, что они не счастливы и это естественно, что они стеремятся къ равномѣрному распредѣленію

благъ; и, хотя, оно не достижимо, но для ихъ ума кажется — простымъ и справедливымъ разрѣшеніемъ ихъ тревогъ.

Съ точки зрѣнія психологической, борьба за равенство коренится въ чувствахъ Зависти и Алчности. Общество во всѣхъ его слояхъ и подраздѣленіяхъ находится подъ вліяніемъ этихъ двухъ побужденій. Рядовой рабочій завидуетъ мастеру. Мастеръ завидуетъ надзирателю. Надзиратель-въ неладахъ съ инженеромъ. Богатая дама, имѣющая лимузинъ, завидуетъ своей подругѣ, у которой тоже лимузинъ, но вдобавокъ еще имѣетъ двухъ выѣздныхъ лакеевъ. Гражданинъ Совѣтской Россіи съ подведеннымъ отъ голода животомъ завидуетъ мѣстному комиссару. Мѣстный комиссаръ подозрительно оглядывается на своего сосѣда-городского комиссара, а они оба завидуютъ народному комиссару, который живетъ во дворцѣ, ѣстъ вволю и катается на собственномъ ауто. Такимъ образомъ, снизу до верху, всюду гнѣздятся зависть и жадность и всюду имѣется стремленіе къ равенству. И всюду, независимо отъ страны и соціальной ея структуры, равенства нѣтъ, по той простой причинѣ, что оно противно самой природѣ, а слѣдовательно вообще недостижимо.

Міровая Война лишь подчеркнула врожденныя зависть и алчность, она выработала среди массъ специфическій способъ мышленія. Доводы его таковы: „Мы, бѣдные люди, насильно взяты въ ряды арміи. Насъ отправляли защищать нашими жизнями ваше добро, ваше достояніе, вашъ комфортъ. Поэтому мы имѣемъ право раздѣлить ваше богатство и собственность и получить нѣкоторую долю того комфорта, которымъ вы пользовались.“

Какъ бы ошибочны подобныя разсужденія ни были, но они глубоко укоренились въ психологіи массъ. Кромѣ того, яростная спекуляція, тысячи „ну-

воришей", выскочившихъ въ каждой странѣ, какъ результатъ войны, всеобщее паденіе курса денежнаго обращенія, сильное вздорожаніе жизненныхъ условій и, наконецъ, волна безработицы, захлестнувшая всѣ страны — въ значительной степени содѣйствовали естественнымъ причинамъ всеобщаго неспокойствія, сопровождающееся обостреніемъ соціальной борьбы и неравенства.

Далѣе слѣдуетъ, принявшая международный масштабъ, спекуляція на обезцѣненныхъ валютахъ, которая отняла отъ производства билльоны и этимъ затрудняетъ работу по возсозданію.

Международная Финансовая Конференція, состоявшаяся недавно въ Брюсселѣ, сдѣлала замѣчательное предложеніе для разрѣшенія всеобщей торговой и финансовой политики. Она правильно указала:

„Особое вниманіе общества должно быть обращено на тотъ фактъ, что паденіе цѣнъ и возстановленіе процвѣтанія зависитъ отъ роста производительности и, что постоянное превышеніе правительственныхъ расходовъ надъ доходами, представляемыми бюджетными дефицитами — одно изъ самыхъ серьезныхъ препятствій для такового увеличенія производительности".

Переживаемый экономическій кризисъ не такъ обязанъ нарушеннымъ финансовымъ и, въ особенности, банковымъ условіямъ, какъ всеобщему уменьшенію производительности, которая одна — источникъ благосостоянія.

Въ связи съ этимъ Ч. У. Барронъ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе:

„Финансы ничего не разрѣшаютъ. Они только связующее звено во времени между посѣвомъ и сборомъ урожая, отъ одной стороны къ другой, отъ обезпеченности къ обезпеченности. Разрѣшеніе проблемъ войны коренится въ людяхъ и трудѣ, а не деньгахъ.

Потери въ мірѣ заключаются въ потерѣ трудоспособности ... Смущеніе міра настоящаго времени — въ укоренившемся бездѣліи*."

Правда въ нѣкоторыхъ странахъ Трудъ постепенно возвращается къ работѣ. Напримѣръ во Франціи процессъ возстановленія на полномъ ходу. Уже съ апрѣля 1920 года въ областяхъ, которыя были захвачены непріятелемъ и подверглись разрушенію, около 70% предпріятій довоеннаго количества уже работаетъ, причемъ на нихъ занято двѣ трети довоеннаго числа рабочихъ. Въ маѣ 1920 года въ текстильной промышленности Лилля вернулось къ работѣ 73.000 изъ 143.900 рабочихъ, числа рабочихъ бывшихъ занятыми въ этомъ районѣ до войны. Въ Рубэ вернулось 83% довоеннаго числа рабочихъ. Изъ двухсотъ тысячъ гектаровъ опустошеннаго района Соммы — сто тысячъ вновь стали обрабатываемыми. Большинство покинувшихъ свои фермы фермеровъ, благодаря нашествію нѣмцевъ возвратились на мѣста и урожай во Франціи въ 1920 году оказался особенно хорошъ. Вслѣдствіе этого Франціи не встрѣтилось необходимости ввозить продукты продовольствія и зерна изъ за границы.

19 іюня 1920 года бывшій президентъ Раймондъ Пуанкарэ, обращаясь къ *Союзу Большихъ Обществъ Франціи* что къ 1 мая того же года 2627 промышленныхъ предпріятій изъ 3508, бывшихъ разрушенными во время войны, начали функціонировать. Это представляетъ соотношеніе въ 74%.

17 апрѣля 1919 года во Франціи былъ изданъ очень важный законъ касающійся разоренной войной части населенія. Законъ этотъ объявилъ равенство

* Ч. У. Барронъ. „Возсозданіе Міра или Мирные Финансы", стр. 158 и 159. Гарперъ Братья. Нью Іоркъ, 1920 г.

и солидарность всѣхъ французовъ въ отношеніи тяготъ войны. Касаясь этого закона Пуанкарэ замѣтилъ:

„Въ согласіи съ единодушнымъ мнѣніемъ всей страны Законодательство считаетъ, что это является долгомъ всей націи обезпечить возстановленіе разрушенныхъ провинцій и начать исправленіе причиненнаго врагомъ опустошенія, ранѣе нежели онъ начнетъ платить убытки."

На основаніи тѣхъ же источниковъ, Французское Національное Бюро по Возсозданію имѣло въ своемъ распоряженіи, ассигнованныхъ на предметъ возсозданія 9.609,082.916 франковъ*.

Въ то время, какъ таковы радужные виды на будущее во Франціи, производительность въ Германіи, Англіи и Италіи колоссально ухудшилась. Что же касается Россіи то ея селькохозяйственная производительность низведена почти что къ нулю.

Въ тѣхъ странахъ, которые до войны производили почти 75% промышленной сельскохозяйственной добычи цѣлой Европы, экономическое развитіе или же вовсе остановилось, или же пошло на столько назадъ, что стало невозможнымъ возстановленіе нормальныхъ и здоровыхъ условій. Европа не имѣетъ недостатка въ деньгахъ, ихъ много; но она ощущаетъ недостатокъ въ углѣ, сапогахъ, пшеницѣ, машинахъ, одеждѣ, и все это нельзя добыть безъ труда. Но рабочія массы въ Европѣ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, стали безпокойны.

Естественныя условія соціальнаго неспокойствія не находятъ объясненія въ томъ широко распростра-

* Сравни эти данныя со свѣдѣніями, приведенными въ брошюрѣ „Возрожденіе Франціи" памятная записка о послѣвоенномъ возстановленіи Раймонда Пуанкаре, опубликованной Либерти Національ Банкъ Нью Іорка 1920 г. Также сравни эти данныя со статьею Тардье „Быстрое оздоровленіе Франціи" въ Текущей Исторіи „Нью Іоркъ Таймзъ" т. XII № 1 Октябрь 1920 г. стр. 62 до 65.

ненномъ агрессивномъ настроеніи, которое обуяла нынѣ международныя рабочія массы по отношенію къ обществу. Понятно, что уродливыя формы прибылей, спекуляціи и биржевой игры несомнѣнно оказываютъ вліяніе на безпокойное поведеніе рабочихъ Европы, но спекуляція и дороговизна никогда не излѣчивались забастовками и промышленнымъ саботажемъ. Наоборотъ, каждый перерывъ въ работѣ, всякое поползновеніе къ бездѣлію лишь поощряютъ спекуляцію и углубляютъ соціальные тренія, которыя вытекаютъ изъ дороговизны.

Въ 1919 году, когда Англія медленно возвращалась по пути къ нормальнымъ условіямъ, желѣзнодорожная забастовка причинила ужасное экономическое потрясеніе и довела всѣ цѣны до ихъ максимальной высоты. Годомъ позже, въ октябрѣ 1920 года, забастовка англійскихъ горнорабочихъ, устроенная тѣми же агитаторами, которые подстрекали къ желѣзнодорожной забастовкѣ, чуть не довели страну до полнаго экономическаго разоренія. Однако дѣйствія горнорабочихъ не только не повредили „промышленнымъ Королямъ“, но въ значительной степени ухудшили благосостояніе самихъ англійскихъ рабочихъ. Безработица, которая и безъ того была достаточно велика до забастовки, стала критическою, послѣ прекращенія добычи угля. Сотни предпріятій въ различныхъ отрасляхъ промышленности были вынуждены закрыться. Рабочіе были ввергнуты въ нищету и отчаяніе. Они начали захватывать общественныя зданія для зимняго убѣжища. Въ Лондонѣ и другихъ городахъ собирались процессіи безработныхъ, которыя зачастую приводили къ столкновенію съ полиціею. Сильвія Пэнкхерстъ и Смиллія повидимому были вполнѣ довольны мрачнымъ зрѣлищемъ и, вѣроятно, увѣдомляли Ленина, что „Обстоятельства становятся болѣе благопріятными“. Но радостный смѣхъ Смилліе не давалъ крова

для зиняго убѣжища для безработныхъ, ни хлѣба для ихъ семей. Не менѣе серьезно обстояло дѣло въ Италіи. Рабочія возстанія имѣвшія мѣсто на Сѣверѣ Италіи въ сентябрѣ 1920 года, служили первымъ предупрежденіемъ этой странѣ.

Вспомнимъ то, что фактически вся Италіи была въ состояніи возстанія, сотни предпріятій были захвачены рабочими — соціалистами, спѣшно формировались Совѣты. Уличные бои приняли грозные размѣры не только въ Тріестѣ, но и въ другихъ городахъ промышленнаго Сѣвера. Правда, радикальное премьерство Нитти въ значительной степени помогло развиться анархизму и большевизму. Нитти сдѣлался persona grata всѣхъ разрушительныхъ элементовъ начиная съ Вильсона и кончая Граціадеи, вожака италіанскаго коммунизма. Подъ управленіемъ Нитти парламентъ былъ вынужденъ къ бездѣйствію. Депутатамъ съ трудомъ удавалось говорить. У соціалистовъ вошло въ привычку шикать и свистѣть на ораторовъ. Созидательная парламентская работа сдѣлалась немыслимою. Одно засѣданіе за другимъ проходило въ спорахъ между депутатами, вся „лѣвая“ занималась кошачьими концертами, напрягая всѣ свои усилія сорвать парламентскую работу.

Лишь по возвращеніи къ власти Джіолитти, въ іюнѣ 1920 года, въ парламентѣ, болѣе или менѣе, возстановился порядокъ, но уже было слишкомъ поздно предотвратить рабочіе бунты.

Политика Нитти сдѣлала ихъ неизбѣжными.

Оффиціозъ соціалистической партіи *„Аванти“* въ Миланѣ занялъ лицемѣрную позицію по отношенію къ создавшемуся положенію. Отзывы италіанскихъ рабочихъ делегатовъ посѣтившихъ Россію были настолько не благопріятны для Краснаго режима, что становилось труднымъ вести пропаганду въ пользу установленія Совѣтовъ въ Италіи. Кромѣ того, гла-

вари италіанскихъ соціалистовъ на конференціи въ Реджіо Емиліа, громаднымъ большинствомъ голосовъ отвергли условія Ленина для вхожденія въ III Интернаціоналъ. Съ другой стороны, однако, вожаки соціалистовъ, вѣрные своей программѣ разрушенія и классовой ненависти, хоть чѣмъ либо были обязаны поддерживать революцію: Noblesse oblige. Поэтому была принята странная резолюція, которая побуждала къ промышленной революціи, а въ тоже время даже мысль о *политическомъ* переворотѣ была очевидно отвергнута. Лицемѣрность подобнаго поведенія говоритъ сама за себя. Революція промышленности неминуемо должна привести къ политической катастрофѣ, которая повлечетъ насильственный переворотъ всей парламентской системы. Нитти, съ чьего благосклоннаго согласія велась вся эта агитація, понятно, вполнѣ сознавалъ все это, и всетаки онъ базировалъ свою внутренню политику на поддержаніи дружескаго нейтралитета по отношенію къ отъявленнымъ анархистамъ, по отношенію къ Энрико Малатести и къ ихъ пропагандѣ, направленной къ окрытому бунту. Это настроеніе особенно сильно проявлялось у металлистовъ. Образованіе Союза Металлистовъ въ противовѣсъ Федераціи Металлистовъ, бывшей болѣе умѣренной организаціей, намѣчало начало промышленной революціи. Одновременно, парламентской фракціи Италіанской Соціалистической Партіи удалось провести законодательное мѣропріятіе, которое было направлено къ конфискаціи „военныхъ прибылей“. Это означало конфискацію частныхъ капиталовъ, а, слѣдовательно, являлось началомъ соціалистической дѣятельности, въ самомъ точномъ значеніи этого выраженія. Хотя послѣ кровопролитія, сопровожденнаго разрушеніемъ заводовъ и частной собственности внѣшній порядокъ былъ возстановленъ, и работа возобновлена, тѣмъ не менѣе, промышленныя условія до сихъ поръ

не распутаны окончательно. Контроль рабочихъ, являвшійся основнымъ требованіемъ италіанскихъ забастовщиковъ, не былъ допущенъ. Соединенная изъ хозяевъ и служащихъ комисія, засѣдавшая три недѣли, пришла къ выводу, что достигнуть компромисса въ этомъ главномъ разногласіи невозможно, и приняла слудующую резолюцію:

„Представители обѣихъ сторонъ комисіи по контролю надъ промышленностью во время дебатовъ выяснили, что ихъ представленія о контролѣ надъ промышленностью и о способахъ введенія его въ дѣйствіе разнится до такой степени, что не представляется возможность совмѣстной работы для согласнаго разрѣшенія вопроса, и считаютъ безцѣльнымъ продолженіе дальнѣйшаго его обсужденія; объявляютъ работу комисіи оконченной, признавъ необходимымъ, чтобы каждая сторона представила свои заключенія отдѣльно *."

Болѣе того, „Постоянный Комитетъ Красной Гвардіи", который въ революціонные дни былъ особенно активенъ въ Неаполѣ, продолжаетъ существовать донынѣ. Этотъ Комитетъ состоитъ подъ контролемъ Красныхъ агентовъ изъ Москвы и можно всегда опасаться, что при первой возможности онъ возобновить свою анархистскую дѣятельность.

Помимо всего этого, особенность сельскохозяйственныхъ условій въ Италіи породили многочисленный сельскій пролетаріатъ. Десятилѣтіями въ средѣ италіанскихъ фермеровъ велась яростная радикальная и соціалистическая агитація; такъ же, и теперь, революціонная агитація въ сельскихъ мѣстностяхъ на

* Приводится въ „Тзи Найшіонъ" т. CXI № 2894, 22 декабря 1920 г. Отдѣлъ Международныхъ Сношеній, стр. 746. Смотри статью озаглавленную" Революція въ Италіи".

полномъ ходу. Не исключено то, что если бы рабочія возстанія возобновились на сѣверѣ, то они распространятся въ сельскохозяйственныхъ областяхъ, что ввергнетъ всю страну въ анархію и разрушеніе. Единственная часть Италіи, которая, болѣе или менѣе не заражена соціалистическою и совѣтскою пропагандою — это крайній Югъ, остающійся консервативнымъ и вѣрнымъ монархическимъ завѣтамъ.

При этихъ обстоятельствахъ можно утверждать, что Италія, не менѣе чѣмъ Англія виситъ на волоскѣ отъ возможности соціальной катастрофы. Совѣтскіе вожаки всегда сознавали, что если имъ не удастся возбудить міровую революцію то ихъ власть въ Россіи не удержится. Они понимаютъ, что военныя побѣды, одержанныя ими надъ антибольшевитскими силами, явились въ результатѣ не силы большевиковъ, а слабости антибольшевиковъ.

Тѣ, кто внимательно наблюдали за ходомъ событій въ Россіи, знаютъ, что крушеніе „бѣлыхъ", включая и недавнее пораженіе генерала Врангеля въ Крыму, было главнымъ образомъ обязано тому факту, что Союзники вынуждали противобольшевистскихъ лидеровъ вести колеблющуюся политику. Адмиралъ Колчакъ, генералъ Деникинъ, Юденичъ и Врангель получали приказанія изъ Парижа строго блюсти „Голубые Законы" Вильсоновскаго демократическаго кодекса. Имъ было запрещено вести единственную политику, которая можетъ привести Россію къ торжеству, а именно — *монархическую*. Единственно зачѣмъ Русскій народъ не пойдетъ это — за „демократическою" политикою Вильсона. Онъ скорѣе будетъ терпѣть Троцкаго еще три года, чѣмъ согласится вновь увидѣть Керенскаго у власти на три мѣсяца. Союзники поставили лидеровъ русскаго антибольшевистскаго движенія въ ложное положеніе, заставляя ихъ (нѣкоторые изъ коихъ являлись чистыми

и патріотическими людьми) сражаться за то, во что они не вѣрили и чего не желалъ переносить и самъ Русскій народъ. Питтъ Риверсъ такъ опредѣляетъ причины, которыя привели къ временному пораженію антибольшевиковъ въ Россіи:

„Бѣлыя арміи потерпѣли пораженіе потому, что ихъ было недостаточно, потому, что было позволено политическимъ измѣнникамъ составлять заговоры съ цѣлью обезпечить эту недостаточность... Бѣлые не могли объединиться вокругъ какой либо программы, ибо у нихъ не было общей программы, благодаря тому, что всѣ ихъ усилія парализовались интригами, измѣною и „саботажемъ", и, наконецъ, потому, что никогда движеніе, представляющее изъ себя чуждую смѣсь противорѣчивыхъ и несовмѣстимыхъ началъ не можетъ побѣдить другое, которое при всякихъ случаяхъ себѣ не измѣняетъ и не входитъ ни въ какіе компромиссы. Только опредѣленное, положительное движеніе можетъ восторжествовать надъ другимъ опредѣленнымъ движеніемъ. Даже русскіе мужики поняли это лучше чѣмъ государственные мужи союзниковъ и ихъ политики. Когда Деникинъ велъ свое стремительное наступленіе на Москву, то не было границъ энтузіазму крестьянъ въ освобожденныхъ областяхъ. Они встрѣчали своихъ освободителей процессіями неся впереди Святыя Иконы и Царскіе портреты. Представьте себѣ ихъ горестное разочарованіе, когда мудрые политическіе агенты Деникина, говорили имъ прятать ихъ символы, тщательно поясняя имъ, что „ихъ маленькая ссора съ большевиками" ничего общаго съ Царемъ не имѣетъ, хотя, на самомъ дѣлѣ, относительно Царя они были съ нимъ вполнѣ солидарны; они, увѣряли, что не имѣли достаточно времени, проштудировать, какъ слѣдуетъ, чѣмъ они желаютъ замѣнить большевисткую дѣйствительность. Что тамъ будетъ они посмотрятъ, когда

войдутъ въ Москву, а всѣ должны имъ довѣрять, потому что, дескать, они вполнѣ „демократичны“ *.

Это мнѣніе иностранца, не русскаго, — чрезвычайно показательно. Другой иностранный наблюдатель, знакомство коего Россіи чрезвычайно примѣчательно, Урбэнъ Гохіэ, касаясь того же предмета, замѣтилъ:

„Врангель имѣлъ претензію побѣдить большевизмъ. Большевизмъ — это Еврейство. Съ цѣлью удержать симпатіи евреевъ, которые имѣютъ дѣйствительную власть въ Англіи, Франціи и Соединенныхъ Штатахъ, Врангель выказывалъ имъ свою покорность. Послѣ этого массы Русскаго народа отвернулись отъ Врангеля, посчитавъ его или измѣнникомъ или комедіантомъ. Невозможно быть одновременно пособникомъ евреевъ и быть врагомъ большевикомъ, которые — евреи. Будь это неосвѣдомленность, или измѣна, Врангель заслужилъ ту же участь, что и Деникинъ, и онъ ее получилъ **.“

Русскій народъ болѣе наблюдателенъ, чѣмъ это думаютъ иностранцы. Нѣтъ большаго преступленія въ глазахъ Русскихъ чѣмъ лицемѣріе. Но до сихъ поръ антибольшевистское движеніе носило маску лицемѣрія, которая была взята взаймы у главарей Антанты. Когда большевики наводнили свои Совѣты латышами, евреями, китайцами и армянами, русскій народъ не выразилъ недоумѣнія, ибо большевики не были русскими людьми и никогда не утверждали, что они стремятся утвердить русское правительство. Когда однако, адмиралъ Колчакъ или генералъ Деникинъ допускали проявленія иноземныхъ заговоровъ у себя въ тылу, когда Союзныя Миссіи оказались перепол-

* Смотри вышеприведенную книгу „Міровое Значеніе Русской Революціи“ Джорджа Питтъ-Риверса, стр. 14 и 15.

** „Старая Франція“ № 200, 2 декабря 1920 г. статья озаглавлена: „Энигма Врангеля разъяснилась“.

ненными евреями из Восточной Части Нью Іорка*, когда, въ дальнѣйшемъ, Французскій штабъ въ Крыму, возглавляемый графомъ Де Мартель, женатымъ на еврейкѣ изъ Одессы, взялъ себѣ офицеромъ связи таково человѣка какъ Пѣшковъ. въ то время, какъ извѣстно, что настоящее имя Пѣшкова-Свердловъ, и что онъ еврей и, что усыновленъ Горькимъ и, что онъ въ то же время состоитъ братомъ одного изъ Совѣтскихъ главарей, чье имя Свердловъ, — то легко можетъ быть объяснимо почему антибольшевистское движеніе не было поддержано русскимъ народомъ, а слѣдовательно должно было рухнуть. Большевики, обладая острою наблюдательностью, никогда не возлагали большой надежды на послѣдствія пораженія Бѣлыхъ Армій; они всегда давали себѣ отчетъ въ томъ, что ликвидація ихъ ничуть не улучшитъ ихъ собственнаго положенія въ Россіи, и что всемірная соціальная революція является условіемъ sine qua non укрѣпленія ихъ собственной власти.

Въ предыдущей главѣ было указано, что программа III Интернаціонала представляетъ изъ себя программу всемірной революціи, направляемой изъ Москвы. Всѣ главныя попытки насадить большевизмъ въ Западной Европѣ, какъ то: возстаніе спартаковцевъ въ Германіи и бунтъ Бэлы Когена [Куна] въ Венгріи, находились въ непосредственной связи и подъ руководствомъ Членовъ Совѣтскаго Правительства въ Россіи и представляли изъ себя часть обдуманнаго плана зажечь всесвѣтный пожаръ. Революціонныя методы борьбы съ капитализмомъ, примѣненные въ Германіи и въ Венгріи были лишь повтореніемъ Ноябрьской революціи въ Россіи. Клара Цеткинъ, Роза Люксенбургъ, Карлъ Либкнехтъ и Францъ Мерингъ,

* Миссія Соединенныхъ Штатовъ въ Сибири подъ Колчакомъ.

подписавшіе первый манифестъ Спартаковцевъ, были послушными слугами Ленина и Троцкаго. Ни одна мысль, зародившаяся въ ихъ мозгахъ, ни одинъ поступокъ съ ихъ стороны не были осуществленны безъ согласія Москвы. Тѣ же мѣропріятія, которыя были примѣнены въ Россіи, были предложены для Германіи верховными жрецами Большевизма. Рабочіе и солдатскіе совѣты были объявлены вожаками нѣмецкихъ комунистовъ единственнымъ средствомъ, могущимъ устранить всѣ тревоги и безпокойства „Фатерланда“*.

Когенъ, красный диктаторъ Венгріи, и Левинъ, возбудившій Мюнхенскую революцію, получили приказаніе отъ Совѣта Россіи, а ихъ программа Краснаго Террора представляла точную копію кровавыхъ оргій, практикуемыхъ Че-ка Москвы, Петрограда и Кіева.

Не смотря на временную неудачу Спартакскаго движенія въ Германіи и крушенія режима Бела Когена въ Венгріи, III Интернаціоналъ продолжаетъ удерживать въ своихъ ежовыхъ рукавицахъ рабочіе массы Центральной Европы. Правда, деспотическій имперіализмъ Ленина временно расхолодилъ нѣкоторую часть европейскихъ радикаловъ и рабочихъ. Такъ, нѣмецкіе соціалъ-демократы раскололись на двѣ враждебныхъ группы: на Соціалъ-демократическую Партію Германіи и на Независимую Германскую Соціалъ-демократическую Партію. Вожаки послѣдней горько сѣтовали на безстыдство политики диктаторовъ Москвы. Отчетъ Диттмана объ условіяхъ, царящихъ въ Совѣтороссіи оказало глубокое впечатлѣніе въ средѣ нѣмецкихъ „товарищей“ и укрѣпленіе Независимой Партіи во

* Сравни манифестъ Спартаковцевъ въ „Документы Американской Ассоціаціи по Международному примиренію 1919 г.“ Томъ I, стр. 552—557.

многомъ ему обязано. Ледебуръ, одинъ изъ главарей независимыхъ, открыто объявилъ:

„Если бы успѣхи большевиковъ были болѣе совершенны, нежели это утверждаютъ они сами и ихъ наибольшіе сторонники, то и въ такомъ случаѣ насъ не могли бы вынудить купить вхожденіе въ III Интернаціонналъ цѣною слѣпого подчиненія Московской диктатурѣ, ибо это было бы равноцѣнно совершенію самоубійства... Германскій пролетаріатъ не можетъ служить пушечнымъ мясомъ для плановъ Ленина, Троцкаго и Радека; наоборотъ, онъ самъ долженъ распоряжаться своею собственною судьбою*."

Такъ же и Орлеанская Рабочая Конференція, французскихъ Профессіональныхъ Союзовъ, имѣвшая мѣсто въ октябрѣ 1920 года, отвергла условія вхожденія въ III Интернаціоналъ и выказала свою склонность къ болѣе умѣренной трудовой тактикѣ. Кашенъ и Фроссаръ, паломники французскаго Коммунизма въ революціонную Мекку, только что возвратившіеся изъ Москвы съ приказаніями Ленина преподать французскимъ рабочимъ программу міровой революціи, потерпѣли жестокое пораженіе. Выраженіе довѣрія Леону Жухо, предсѣдателю Общей Федераціи Рабочихъ, въ дѣйствительности означало выраженіе недовѣрія Ленину и его революціонному безумію. Швейцарскіе Соціалисты, также отвергли условія Ленина и продолжаютъ придерживаться II Интернаціонала.

Но все это имѣетъ лишь второстепенное значеніе. Это лишь служитъ показателемъ того, что въ средѣ рабочаго движенія имѣется ограниченная группа лицъ, не вѣрющая въ то, что „оружіемъ Ада возможно создать Коммунистическій Рай." Это также подтверждаетъ, что Совѣтская программа до такой степени

* Переводъ съ нѣмецкаго „Правда" № 414, октябрь 1920 г. смотри статью „Послѣдній Часъ" Георга Ледебура.

абсурдно крайняя, что даже Каутскій, Лонге, Макдональдъ, Турати и Хильквитъ, общепризнанные интернаціоналисты взяты подъ подозрѣніе Ленинымъ и Троцкимъ и названы ими *„извѣстными оппортунистами“ и „соціалъ патріотами“*. Ввиду этого, эти лица были „исключены“ Московскими диктаторами на основаніи слѣдующаго декрета:

„Коммунистическій Интернаціоналъ не можетъ допустить, чтобы извѣстные оппортунисты... имѣли право стать членами III Интернаціонала. Это только привело бы къ тому, что III Интернаціоналъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сталъ походить на треснувшій II Интернаціоналъ.

И все таки, тренія между отдѣльными группами соціалистическаго движенія не болѣе какъ тактическое расхожденіе, а не различіе въ конечныхъ цѣляхъ. Американская Соціалистическая Партія голосованіемъ членовъ ея въ августѣ 1920 года приняла резолюцію по поводу ея отношенія къ своей интернаціональной принадлежности, заключительный параграфъ коей гласитъ:

„Соціалистическая Партія Соединенныхъ Штатовъ, *воздерживаясь отъ присоединенія къ III Интернаціонала*, уполномачиваетъ свой Исполнительный Комитетъ, своего Интернаціональнаго Секретаря и своихъ Интернаціональныхъ делегатовъ въ нижеслѣдующемъ: а) настоять, чтобы никакая формула, какъ напримѣръ „диктатура пролетаріата въ лицѣ Совѣтовъ“, или же какая нибудь другая спеціальная для достиженія Соціалистической Республики, — не была бы непремѣннымъ условіемъ вхожденія въ III Интернаціоналъ; б) принять участіе во всѣхъ движеніяхъ направленныхъ къ объединенію всѣхъ истинныхъ соціалистическихъ силъ міра въ одинъ Интернаціоналъ, возбуждая и углубляя такое движеніе, когда бы къ тому не представился удобный случай“.

Эта резолюція впервые была предложена въ маѣ 1920 года Національному Съѣзду Американской Соціалистической Партіи, состоявшейся въ Нью Іоркѣ, Хильквитомъ, предсѣдателемъ комитета по интернаціональнымъ сношеніямъ. Въ своемъ пояснительномъ заявленіи онъ употребилъ всѣ усилія доказать, что режимъ Ленина законенъ, пріемлемъ и многообѣщающъ:

„Далѣе, я хочу отмѣтить" — сказалъ Хильквитъ — „что, несмотря, на все уваженіе къ нашимъ товарищамъ въ Россіи, у нихъ нѣтъ никакой диктатуры пролетаріата. *Совѣтское правительство ни диктатура, ни правленіе пролетаріата. Но это ни въ малѣйшей степени не умаляетъ его близости къ намъ. (Sic!)* Ибо когда мы подразумѣваемъ диктатуру, то это значитъ только одно — безотвѣтственное правленіе и безотвѣтственныхъ правителей; иначе — это не диктатура. *Ни Ленинъ, ни Троцкій не являются диктаторами* (??). Они были избраны на свои должности. Они не объявляли своей власти. Они могутъ быть смѣнены отъ власти Исполнительнымъ Комитетомъ Всероссійскаго Совѣта; они могутъ быть отстранены многими путями. Въ Россіи нѣтъ ни учрежденія, ни должностного лица, которое несмѣняемо или не пользуется поддержкою народа. Почему же это можетъ быть названо диктатурою?"

Въ самомъ дѣлѣ, не юмористика ли это, какъ Хильквитъ старается убѣдить Ленина, что онъ не диктаторъ и что его руки не въ крови. Ленинъ не любитъ подобныхъ шутокъ. Онъ прекрасно знаетъ, что онъ обладаетъ большею властью надъ русскимъ народомъ и въ болѣе неограниченной и безотвѣтственной степени, нежели любой деспотъ Востока. Онъ знаетъ, что его руки въ крови и это ему нравится, потому что онъ любитъ запахъ человѣческой крови и сознаетъ

что только на одной человѣческой крови онъ можетъ возвыситься до положенія всемірнаго диктатора.

Отдавая должное Хильквиту нужно замѣтить, что онъ также вполнѣ всемъ этомъ освѣдомленъ. Его деликатные экивоки въ сторону Ленина касательно принадлежности мечтаній демократіи, не болѣе, чѣмъ политическій шахматный ходъ, который долженъ повести къ слѣдующему логическому выводу:

„. . . *Мы сознаемъ, что III Интернаціоналъ*, въ концѣ концовъ, *представляетъ самый лучшій духъ соціалистическаго движенія въ настоящее время.* Его формулы могутъ быть ошибочными, но, со всѣмъ этимъ, Московская организація самая многообѣщающая арена для возсозданія Соціалистическаго Интернаціонала, лишь бы она не осталась Интернаціоналомъ Восточнаго или Азіатскаго Соціализма, но открыла бы двери всѣмъ революціоннымъ организаціямъ соціализма, и лишь бы она придерживалась тѣхъ правилъ, которыми руководствовались всѣ соціалистическіе Интернаціоналы и I и II, правилъ самоопредѣленій въ дѣлахъ политики и способовъ борьбы, до тѣхъ поръ пока ни одинъ изъ главныхъ принциповъ соціалистической программы и соціалистической философіи не нарушенъ“ *.

Принадлежность Американскаго Соціализма къ программѣ всемірной революціи неоспорима. Это было доказано Соціалистическою Конвенціею въ Ст.-Льюисѣ въ 1917 году, и процессомъ Албани въ 1920 году. Это подтверждается также вышеприведеннымъ референдумомъ. Любая страница *„Нью-Іоркъ Колль“* представляетъ достаточно доказательствѣ тому, что между Восточной Стороной Нью Іорка и Московскимъ

* Смотри статью Хильквита озаглавленную: „Американскій Соціализмъ и Москва“ въ „Текущей Исторіи“ „Нью Іоркъ Таймзъ“ т. XIII № 1 Октябрь 1920 стр. 18 и 19.

Кремлемъ, захваченнымъ Троцкимъ нѣтъ разногласій. Взаимныя отношенія у нихъ вполнѣ дружественны, какъ у добрыхъ пріятелей, если не законныхъ сожителей.

Воздѣйствіе III Интернаціонала, внѣ Россіи, на рабочее движеніе двоякое. Въ то время, какъ меньшинство Труда — самая интеллигентная его часть — съ отвращеніемъ отвернулась отъ большевизма, пролетарскія массы Европы и Америки стали на ту же позицію къ Интернаціоналу, какъ Хильквитъ, Викторъ Бергеръ и другіе „секундъ майоры“ соціалистическаго движенія. Предположеніе построить новый Интернаціоналъ подъ направленіемъ Амстердамскаго Бюро Интернаціональной Федераціи Труда, въ одинаковой степени, является ничѣмъ инымъ, какъ стараніемъ со стороны организованнаго труда найти компромиссъ съ Красной Москвой. Питеръ Троедлестра, лидеръ Датской Соціалистической партіи, опредѣляя цѣли Новаго Интернаціонала, указываетъ:

„Нашею цѣлью должна быть націонализація промышленности, что можно достигнуть только интернаціональнымъ путемъ въ сотрудничествѣ рабочихъ движеній съ политическимъ интернаціоналомъ, который долженъ стать чуть *лѣвѣе II Интернаціонала*“ *.

Будемъ совершенно откровенны: „чуть лѣвѣе II Интернаціонала“, „чуть правѣе III Интернаціонала“ и, право, останется мало мѣста, чтобы избѣжать желѣзной хватки Ленина.

Поэтому, нечего оставаться подъ ложнымъ впечатлѣніемъ того, что III Интернаціоналъ хоть въ чемъ нибудь сыгралъ положительную роль, а именно въ томъ, что произвелъ настоящій расколъ въ рядахъ организованнаго рабочаго движенія. Даже

* Смотри „Нью Іоркъ Таймзъ“ 29 декабря, 1920 г. стр. 15.

наименѣе радикальное меньшинство косвенно находится подъ вліяніемъ Совѣтскихъ опытовъ. Оно не смѣетъ открыто возстать противъ звѣринной власти, которая царствуетъ нынѣ въ Россіи. Въ лучшемъ случаѣ, антибольшевисткія группы международнаго Труда придерживаются политики выжиданія по отношенію къ большевизму. Въ связи съ этимъ позиція, которую заняла Британская Рабочая Комисія, посѣтившая Совѣтскую Россію очень показательна. Послѣ того, какъ она дала ужасныя данныя объ условіяхъ Русскаго Соціалистическаго Государства, послѣ того, какъ она описала всеобщую голодовку и распространеніе эпидемій, свирѣпствующихъ въ несчастной странѣ, англійскія рабочія организаціи неожиданно приходятъ къ слѣдующимъ выводамъ:

„Русской революціи не везло. Мы не можемъ сказать, чтобы ее постигло при нормальныхъ условіяхъ развитія — успѣхъ или неудача. Условія для ея развитія были таковы, что кто бы не попытался съ ними справиться и какія бы мѣры ни были приняты задача соціалистическаго переустройства была бы чрезвычайно затруднена. *Мы не должны забывать, что отвѣтственность за эти условія, возникшихъ благодаря иностранному вмѣшательству, лежитъ не на революціонерахъ Россіи а на капиталистическихъ правительствахъ другихъ странъ, въ томъ числѣ и нашей.*“

Рабочіе политики Англіи были поражены той нищетой, тѣмъ разваломъ и тѣмъ гніеніемъ, которые они увидѣли и, которые явились въ результатѣ зловредной работы Интернаціонала. Но они не посмѣли назвать вещи собственными именами. Они не посмѣли выступить съ открытымъ обвиненіемъ Ленина и Троцкаго; вмѣсто этого они остановились на жидкой, безсодержательной формулѣ, обвиняющей капиталистическія страны, утверждая, что не большевики, а онѣ

являются причиною, повлекшей разореніе Россіи. Отчетъ Англійскаго Труда составленъ такъ, что въ нынѣшнихъ ужасахъ Совѣтороссіи виноваты всѣ кромѣ самихъ большевистскихъ заправилъ. Англійскіе делегаты зашли столь далеко, что бросили обвиненіе за кошмарныя условія Новой Россіи на Старую Россію.

„Русская партійная борьба“ — такъ гласитъ одинъ изъ заключительныхъ параграфовъ отчета — „сопровождалась необычайною силою. Нынѣшніе лидеры — люди, которые чрезвычайно пострадали отъ всякаго рода угнетеній и которые привыкли въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ считать свою жизнь висящей на волоскѣ.“

Эти мужчины и женщины, которые оказались призванными произнести свое сужденіе по поводу Совѣтскаго опыта, безъ знанія прошлаго Россіи, безъ знакомства съ русскимъ языкомъ, достойные глубокаго сожалѣнія по случаю ихъ полнаго отсутствія въ государственномъ опытѣ, повидимому забыли, что въ прежнія времена Россія была богатой страной, что запасомъ своихъ продуктовъ она кормила три четверти цѣлой Европы, включая сюда и Англію и, что, слѣдовательно, было бы безумiемъ отрицаніе цѣлесообразности ея экономической структуры въ цѣломъ.

Благопріятное отношеніе Труда къ большевизму становится еще болѣе очевиднымъ, когда мы возвратимся къ вопросу о борьбѣ съ большевизмомъ. Возьмемъ примѣръ съ Венгріей. Послѣ сверженія Бэла Когена, новому Венгерскому правительству въ первую очередь потребовалось предпринять немедленную и общую чистку венгерскаго домоводства для того, чтобы уничтожить грязь и совращенность въ немъ заведенныя коммунистическимъ правленіемъ. Пока эта задача не была рѣшена, — можно было бы всегда опасаться, что коммунистическій режимъ

можетъ вновь вернуться. Естественно, что невозможно было избѣжать арестовъ и даже казней. Въ отвѣтъ на эти мѣропріятія, носившія характеръ самозащиты, Международная Федерація Профессіональныхъ Союзовъ, — казалось бы противобольшевистская организація, — издала декретъ, которымъ побуждала къ интернаціональному трудовому бойкоту Венгріи. Заключительная статья этого жестокаго документа гласитъ такъ:

„Начиная съ іюня 20-го 1920 года ни одинъ поѣздъ не долженъ переступить Венгерскую границу, ни одинъ пароходъ не долженъ заходить въ Венгрію и ни одно письмо, или телеграмма не должны быть впущены или выпущены изъ Венгріи. Всякая торговля съ нею должна быть прекращена. Ни уголь, ни сырые матеріалы, ни продовольствіе не должны быть пропущены въ эту сторону. Руководящіе классы во время войны боролись со своими противниками путемъ экономическаго бойкота. Послѣ войны и до сихъ поръ они придерживаются этого же метода съ цѣлью сокрушить русское рабочее движеніе. Международная Федерація Профессіональныхъ Союзовъ взываетъ къ рабочимъ классамъ всѣхъ странъ взяться за то же оружіе въ то время, когда идетъ вопросъ объ уничтоженіи кровавого режима правительства Венгріи и о спасеніи жизни и свободы тысячей товарищей. Товарищи, рабочіе транспорта, матросы, желѣзнодорожники, почталіоны, телеграфисты и телефонисты, рабочіе всѣхъ безъ исключенія профессій, какъ одинъ человѣкъ идутъ на призывъ Международной Федераціи Профессіональныхъ Союзовъ. Остановить работу для Венгріи, начиная съ 20 іюня 1920 года! Противъ Бѣлаго Террора пусть станетъ бойкотъ рабочаго класса. Да здравствуетъ Интернаціональная солидарность!*“

* Приведено въ „Тзи Найшіонъ“ 3 іюля 1920 г. т. III, № 2870, стр. 28.

Этотъ декретъ, цѣлью котораго было принудить умереть съ голоду весь венгерскій народъ изъ за того, что онъ отвернулся отъ большевизма, въ числѣ другихъ былъ подписанъ Жуо, являющимся, какъ мы припомнимъ однимъ изъ такъ называемыхъ антибольшевистскихъ рабочихъ лидеровъ Франціи.

Аналогичную позицію заняла Международная Федерація Профессіональныхъ Союзовъ по отношенію къ Польско — большевистской борьбѣ. То, что нѣкоторыя территоріальныя притязанія Польши на Востокѣ были просто оскорбительны, словъ нѣтъ; что, польскій имперіализмъ стремившійся создать великую Польшу за счетъ Россіи, заслуживаетъ самаго суроваго осужденія, само собою понятно. Но, со всѣмъ этимъ, нельзя отрицать того, что Польшѣ грозило и до сихъ поръ грозитъ Совѣтское нападеніе. Покуда Польша желаетъ сохранить свою независимость, она не можетъ не принимать мѣръ защиты своихъ восточныхъ границъ, при помощи которыхъ она можетъ предовратить нашествіе Красной Арміи въ каждый данный моментъ. Польша будетъ или совѣтизирована, или же будетъ поддерживать любою цѣнною свою борьбу противъ Совѣтовъ. Не желая принимать во вниманіе этихъ очевидностей, Амстердамское бюро Международной Федераціи 8 сентября 1920 года передало Американской Федераціи Труда и другимъ рабочимъ организаціямъ во всемъ мірѣ воззваніе, въ которомъ было высказано нижеслѣдующее:

„Международная Федерація Профессіональныхъ Союзовъ, памятуя о правѣ народовъ на самоуправленіе, осуждаетъ иностранную интервенцію во внутреннія дѣла другихъ націй. Она также осуждаетъ военную помощь даваемую всѣмъ *реакціоннымъ начинаніямъ*... На основаніи этихъ принциповъ, и имѣя ввиду агрессивныя дѣйствія Польши по отношенію къ русской революціи, Международная Федерація Профессіональ-

ныхъ Союзовъ требуетъ, чтобы всякія военныя препирательства были немедленно прекращены и чтобы были изысканы гарантіи противъ новыхъ выступленій. Ввиду серьозно выраженнаго Русскимъ правительствомъ желанія заключить миръ на основахъ признанія независимости Польши, Международная Федерація Профессіональныхъ Союзовъ заявляетъ, что на этихъ началахъ надлежитъ прекратить братоубійственную войну. Строго обдуманныя дѣйствія рабочихъ должны вкорнѣ пресѣчь всякую попытку къ возстановленію реакціоннаго Священнаго Союза. Ни одинъ поѣздъ для перевозки вооруженія не долженъ быть нагруженъ; ни одинъ пароходъ съ военными матерьялами не долженъ покинуть пристань; ни одинъ солдатъ не долженъ быть перевезенъ."

Воззваніе заканчивается слѣдующимъ призывомъ:

„Война противъ войны! Этотъ кличъ долженъ объединить всѣхъ рабочихъ. Отказъ въ работахъ транспорта для этой цѣли служитъ сегодня выраженіемъ Международной Рабочей Классовой Солидарности. Товарищи! Международная Федерація Профессіональныхъ Союзовъ надѣется на васъ."

Самая значительная цѣнность этихъ различныхъ воззваній и документовъ заключается въ томъ, что они сочинены рабочими организаціями, которыя какъ кажется состоятъ въ опозиціи къ Совѣтскому режиму. Они представляютъ такъ называемый умѣренный оттѣнокъ рабочей мысли. Но вліяніе III Интернаціонала столь сильно на все рабочее движеніе, въ широкомъ смыслѣ слова, что даже эти наименѣе крайнія группировки рабочего класса не только поддерживаютъ „дружественный нейтралитетъ" съ большевизмомъ, но даже, на дѣлѣ, не даютъ возможности работать антибольшевисткимъ правительствамъ и группированіямъ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этими „умѣренными" рабочими проявленіями повсемѣстно проводится про-

паганда красныхъ организацій. Такъ, Промышленный Рабочій всего Міра Исполнительный Совѣтъ въ Америкѣ въ своей телеграммѣ, поздравляющей Британскій Трудъ съ образованіемъ Совѣта Дѣйствія высказываетъ свою солидарность съ Совѣтскимъ правительствомъ въ дѣлѣ борьбы съ Польшею, заявляя:

„Ввиду того, Пр. Р. всего М. въ продолженіи пятнадцати лѣтъ неизмѣнно были противъ всѣхъ войнъ, которыя велись въ интересахъ имперіалистическихъ классовъ, которые стремятся съ помощью международныхъ банковскихъ трэстовъ и союзныхъ промышленныхъ группъ къ эксплоатаціи рабочихъ во всемъ мірѣ по системѣ, которая граничитъ съ грабительскою промышленностью; и

„Ввиду того, что они нынѣ стараются сокрушить единственное существующее истинное рабочее правительство — Русскую Совѣтскую Республику, — то, поэтому,

„Мы главный исполнительный Совѣтъ Промышленныхъ Рабочихъ всего Міра, въ законномъ собраніи, побуждаемъ всѣхъ своихъ членовъ отказываться оказывать помощь пиратскимъ стремленіямъ международнаго капитала или его выступленіямъ противъ русскихъ рабочихъ; и что

„Мы постановили привѣтствовать поступокъ спеціальной конференціи Великобританскаго Конгресса Профессіональныхъ Союзовъ, выразившійся въ созданіи Совѣта Дѣйствія, который принудилъ измѣнить премьера Ллойдъ Джорджа свою позицію при попыткѣ послать англійскихъ рабочихъ на новую всеобщую бойню давая помощь правительству Польши, нарушившей неприкосновенность Россіи своимъ наступленіемъ."

Необходимо памятовать, что Венгрія не пала подъ напоромъ бойкота интернаціональнаго Труда, лишь потому, что этотъ бойкотъ никогда не былъ осуще-

ствленъ вполнѣ. Кромѣ того Венгрія имѣетъ тайную поддержку Франціи, служа для осуществленія французскаго плана о среднеевропейскомъ корридорѣ. Въ этомъ планѣ заинтересованы громадные капиталы. Венгерско-французскій желѣзнодорожный договоръ подписанный 19 іюня 1920 года отдалъ всю венгерскую желѣзнодорожную сѣть въ руки французскихъ банковскихъ синдикатовъ. Номинально договоръ имѣетъ отношеніе къ сдачѣ казенныхъ дорогъ. Согласно пунктовъ этого договора французскій синдикатъ получилъ въ полное распоряженіе всѣ заводы, учрежденія, мастерскія и остальную движимую и недвижимую собственность казенныхъ венгерскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Ввиду заинтересованности Франціи въ образованіи среднеевропейскаго корридора, а также вслѣдствіе того, что она занялась эксплоатаціею желѣзнодорожной сѣти Франко-Венгерское военное соглашеніе стало необходимымъ. Это соглашеніе подписанное 27 іюля 1920 года предусматриваетъ:

„Венгрія представляетъ сто пятьдесятъ тысячъ войска въ помощь противъ Совѣтской Россіи*. Армія должна находится подъ французскимъ командованіемъ. Въ добавленіе къ этому договору долженъ быть произведенъ обмѣнъ нотами, на основаніи коихъ Венгрія уполномачивается окупировать территоріи въ предѣлахъ ея прежнихъ границъ на случай образованія совѣтскаго правительства въ какомъ нибудь изъ пограничныхъ государствъ. Дальнѣйшія мѣры будутъ указаны Французскимъ Военнымъ Министерствомъ. Если Нѣмецкая Австрія присоединится къ Германіи, то Венгріи разрѣшается занять пограничные города, въ томъ числѣ, понятно, и Вѣну. Если на Венгрію

* Въ настоящее время, однако, военныя силы Венгріи были уменьшены Союзниками до 25.000 человѣкъ.

будетъ произведено нападеніе, то Франція должна дать активную помощь*."

Если бы не было этого союза, то Венгрія навѣрное погибла бы подъ соединенными усиліями собственнаго внутренняго большевизма и внѣшняго нападенія интернаціональнаго Труда.

Угрожающіе признаки рабочаго положенія во всемъ мірѣ происходятъ не только лишь вслѣдствіе того, что ограниченная группа рабочихъ присоединилась къ Коммунистической Партіи; они скорѣе обязаны объединенію всѣхъ крайнихъ элементовъ, независимо отъ ихъ партійнаго ярлыка, вокругъ Совѣтизма, который служитъ проявленіемъ всеобщей склонности къ соціальному распаду и промышленной анархіи. Движеніе Промышленныхъ Рабочихъ всего Міра во многихъ отношеніхъ разнится отъ чистаго коммунизма. Какъ программа П. Р. всего М. такъ и ихъ тактика отличны отъ послѣднихъ теченій коммунистической партіи и практики; и, все таки, несмотря на чисто талмудическій догматизмъ П. Р. всего М. движенія, оно несомнѣнно подпало вліянію III Интернаціонала. Въ недавно изданномъ Исполнительнымъ Совѣтомъ Филадельфійской организаціи П. Р. всего М. заявленіи говорится слѣдующее:

„Мы ручаемся за насъ и нашу организацію въ дѣлѣ помощи для разрушенія капитализма и всего того, что состоитъ за капитализмомъ. Мы взываемъ ко всему рабочему классу вообще, *а въ Соединенныхъ Штатахъ въ особенности,* оказать сопротивленіе въ промышленности и помочь создать революціонную организацію, которая навсегда устранитъ возмож-

* Приведено изъ „Тзи Найшіонъ" т. III № 2889, 17 ноября, 1920 года, стр. 576.

ность повторенія трусости Филадельфійскихъ грузчиковъ*."

Та же мысль была выражена, но лишь болѣе опредѣленно, въ резолюціи опубликованной въ оффиціозѣ Американскихъ П. Р. всего М. „Единство" въ выпускѣ отъ 21 августа 1920 г. Документъ представляетъ настолько интереса, что достоинъ быть здѣсь цитированнымъ:

По предложенію Кинга и Спида согласились на нижеслѣдующую резолюцію, и, чтобы Секретарь Казначей и Секретари Промышленныхъ Союзовъ дѣйствовали бы какъ Комитетъ сношеній съ оффиціальными представителями III Интернаціонала и — постановили:

„Ввиду того, что Совѣтская Россійская Республика призываетъ къ образованію III Интернаціонала, включая Пр. Р. всего М., какъ вполнѣ подходящую для новаго интернаціонала организацію и

„Ввиду того, что П. Р. всего М., будучи единственной революціонной организаціей въ Соединенныхъ Штатахъ, чья программа вполнѣ научно обоснована и нескомпрометирована и является поэтому логической принадлежностью Америки къ III Интернаціоналу, и

„Ввиду того, что пролетарская революція должна быть повсемѣстной, не ограниченной въ рамкахъ національности или пространства — то

„Поэтому, настало время для П. Р. всего М. занять подобающее имъ мѣсто — Американскаго единенія Рабочихъ Краснаго Интернаціонала и установить тѣсныя сношенія съ группами одинаково или сходно мыслящими въ каждой странѣ, какъ напримѣръ съ коммунистами въ Россіи, Венгріи, Баваріи и т. д. со

* Приведено изъ „Работника" № 134, 27 августа 1920 г. стр. 7. Это возваніе было выпущено въ связи съ дѣйствіями филадельфійскихъ грузчиковъ грузившихъ снаряженіе на пароходы, предназначавшіеся для Южной Россіи.

спартаковцами въ Германіи, съ синдикалистами во Франціи, Италіи и Великобританіи и другихъ странъ а также съ промышленными союзами Канады и Австраліи.

„Поэтому, постановлено: *П. Р. всего М. должны создать комитетъ интернаціональныхъ сношеній, который будетъ имѣть задачею сразу установить и поддерживать сношенія и братскія отношенія съ вышеуказанными революціонными партіями во всемъ мірѣ и заботиться о представительствѣ П. Р. всего М. какъ члена учредителя III Интернаціонала*".

Это является прямымъ залогомъ П. Р. всего М. въ содѣйствіи всѣми путями разрушительной работѣ Коммунистическаго Интернаціонала.

Опять же, оффиціозъ негритянскихъ радикаловъ „Тзи Мессенджеръ" въ выпускѣ отъ іюня 1919 года выказалъ сердечную симпатію Совѣтамъ. Мы приводимъ здѣсь нѣчто, что является заднею мыслью негровъ, которая широкой публикѣ совершенно неизвѣстна:

„Оно все продолжается. Къ космическому движенію Совѣтскаго правительства, безостановочно идущему впередъ присоединяется еще одна страна. Россія и Германія уже уступили его человѣческому прикосновенію, а нынѣ Венгрія пресоединилась къ народному образу правленія. Италія сейчасъ стоитъ на соціальномъ вулканѣ. Франція бурлитъ въ соціальныхъ неладахъ. Тройственный союзъ Англіи — желѣзнодорожные, транспортные и горные рабочіе — грозятъ разрушить экономическій и политическій бурбонизмъ „Merry Old England"*. — Красный валъ соціализма надвигается на Америку. Южная Америка тоскуетъ по революціи. Совѣтское правительство быстро преуспѣваетъ. У него

* „Веселая Старая Англія".

много шансовъ распространиться по всему свѣту. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Храбро впередъ!“

Далѣе, Французская Соціалистическая Партія на Турской конференціи, состоявшейся въ декабрѣ 1920 года, значительнымъ большинствомъ голосовъ высказалась за безусловное сотрудничество съ Московскимъ Интернаціоналомъ.

То же — повсюду. Во всѣхъ странахъ III Интернаціоналъ оставилъ глубокій слѣдъ въ умахъ рабочихъ, независимо отъ того, былъ ли онъ оффиціально принятъ рабочимпи заправилами, или отвергнутъ рабочими меньшинствами.

То, что міръ подвергается радикальному измѣненію въ его соціальной структурѣ, фактъ очевидный. Однако соціальная эволюція, сама по себѣ, безопасна. Въ политической дѣятельности, въ кипящемъ котлѣ соціальныхъ событій динамическіе принципы являются неизбѣжнымъ элементомъ и показателемъ здоровья. Поэтъ правъ, сознаваясь, что онъ „ненавидитъ то движеніе, которое перемѣщаетъ строфы“. Въ царствѣ красоты „формы тишины“, „холодная пастораль“, статическое достоинство мраморныхъ боговъ и аттическій стиль являются высшими проявленіями предметовъ и мыслей, которые-глубже чѣмъ повседневные шумъ и толчея. Эстетика, однако, въ нашъ уродливый вѣкъ коммерціи стала непопулярной. Безсмертныя черты античной красоты не пребываютъ болѣе среди насъ. И лучше не будемъ приближаться къ великимъ гробницамъ, ибо Олимпійскіе боги скажутъ намъ: „Прокулъ — вы невѣжды“... „не приближайся къ безсмертнымъ гробницамъ — ты не достоинъ красоты“.

Соціальная эволюція-закономѣрное и неизбѣжное явленіе. Политическая мудрость должна взирать съ удовлетвореніемъ на такія перемѣны, которыя стали нужными въ силу естественныхъ измѣненій самихъ соціальныхъ условій. Нѣтъ силы на земномъ шарѣ,

которая не только бы могла повернуть колесо исторіи вспять, но даже остановить его бѣгъ. Но великій исходъ текущихъ дней можетъ быть формулированъ такъ: *„Должны ли соціальныя отношенія быть подвергнуты постепенному развитію,* имѣя прошлое основаніемъ его причинности, настоящее — фундаментомъ для возведенія новаго жизненнаго сооруженія, которое поможетъ людямъ стать счастливѣе, или же по меньшей мѣрѣ менѣе голодными. *Или же на человѣчество должна обрушиться катастрофическая перемѣна,* не имѣющая общаго ни съ прошлымъ, ни съ настоящимъ, ни съ будущимъ. Другими словами, во что это выльется, *въ соціальную эволюцію или въ соціальную революцію,* которая превратится въ грандіозный бунтъ рабовъ, возставшихъ не только противъ своихъ прежнихъ господъ, но и противъ самаго естества. Прибѣгнетъ ли изумленное человѣчество къ грубой силѣ, какъ къ крайнему средству, какъ къ высшему изъ аргументовъ въ вещахъ и обстоятельствахъ, которыя являются или только кажутся неблагопріятными и неправильными.

До сихъ поръ духъ бунтарства никогда не содержалъ въ себѣ зачатковъ положительныхъ въ дѣлѣ созданія или возсозданія. Бациллъ революціонности въ настоящее время быстро размножается, окрашивая соціальныя отношенія во всѣхъ ихъ проявленіяхъ красноватымъ оттѣнкомъ. Торговые агенты и признанные національные лидеры, профессіональные преступники и рабочія организаціи, мягкотѣлые идеалисты и истеричныя женщины, патентованные ученые и спеціалисты неудачники, — всѣхъ тянетъ работать въ одномъ и томъ же направленіи — разрушенія доселѣ незыблемыхъ и единыхъ политическихъ организмовъ.

Россія явилась началомъ; за ней послѣдовала Германія и Имперія Габсбурговъ. Въ настоящее время

очередь за Великобританіею, которая быстро поражается тѣмъ же процессомъ политическаго распада подъ умѣлымъ руководительствомъ Ллойдъ Джорджей, Монтегю, Милльнеровъ, Сассуновъ и Намье-Бернштейновъ.

Сонъ передъ Рождествомъ 1890 года Генри Лабушера, кажется, близокъ къ осуществленію. Европа уже лопается на безчисленныя карликовыя образованія, не имѣющихъ ни историческихъ, ни экономическихъ основъ, безъ славныхъ традицій въ прошломъ, безъ надеждъ въ будущемъ. Будучи искусственными и пустыми орѣшными скорлупами, эти государства и политическія образованія передвигаются по картѣ Европы точно білліардные шары по зеленому полю билліарда. Обручи цивилизаціи Европы были исскуственно ослаблены, ея основа національности подорвана.

Англіи, которая столько поработала для приведенія такого общаго положенія, нынѣ грозитъ самой расчлененіе ея владѣній. Правда, что съ точки зрѣнія дипломатіи Дизраэли многое удалось совершить во славу Англіи. Разложеніе Восточной Европы замѣтно помогло англійскому купцу съѣздить для личной выгоды въ различные краевые и буфферные государства, вырѣзанные изъ Россіи.

Послѣ обезсиленія Германіи, хотя бы временнаго, Англія повидимому устранила своего послѣдняго конкурента на европейскомъ рынкѣ. Франція, еще не залѣчившая своихъ ранъ, нанесенныхъ ей войною, черезчуръ слаба, чтобы вести свою собственную иностранную политику, безъ содѣйствія со стороны ея союзника, находящагося по ту сторону пролива. Даже въ тѣхъ сферахъ Средней Европы, въ особенности въ Венгріи, Румыніи и Чехословакіи, гдѣ Франція намѣрена проявлять свое вліяніе, она встрѣчаетъ оппозицію Англіи и соревнованіе Англіи, какъ въ дипломатическихъ дѣлахъ, такъ и въ коммерческихъ операці-

яхъ. Также и въ Ближнемъ Востокѣ главенство Англіи очевидно остается неоспореннымъ. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія меркантильной, Англія въ настоящее время добилась не только того, къ чему она стремилась, но даже болѣе того, о чемъ мечтали ея Дизраэли.

Тѣмъ не менѣе, глубоко гнѣздящійся процессъ распада систематически подрываетъ національный организмъ Великобританіи. Стратегическимъ частямъ ея Имперіи грозитъ гангрена „самоопредѣленія“. Ирландія и Египетъ постепенно откалываются отъ нея. Яростный интернаціонализмъ и буйная націоналистическая пропаганда подали другъ другу руки въ усиліи покончить съ британскимъ владычествомъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя имѣютъ жизненное значеніе для самаго существованія Британской Имперіи.

Синъ-Фейнерское движеніе, возстанія въ Дублинѣ и полное уничтоженіе Корка вполнѣ правильно причинили большую тревогу Лондону; положеніе же Египта еще болѣе, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, серьезно. Самые мудрые государственные люди Европы всегда придавали громадное значеніе Египту, главнымъ образомъ, благодаря его господствующему географическому положенію. Еще Наполеонъ сказалъ: „Если когда нибудь Египетъ будетъ во власти Франціи, то Англія распрощается съ Индіею. Это было однимъ изъ моихъ великихъ плановъ, къ коему я стремился“. Бисмаркъ сказалъ: „Египетъ наиболѣе важенъ Англіи, благодаря Суэзскому Каналу, который является кратчайшимъ путемъ сообщенія и срединою между Восточными и Западными частями Имперіи.“ Такъ же и послѣ Бисмарка, нѣмецкое политическое мышленіе было безпрестанно занято Египетскимъ вопросомъ, сознавая безотлагательную необходимость оторвать эту часть Британской Имперіи отъ ея главнаго организма.

Вскорѣ послѣ начала европейской войны, нѣмецкіе ученные издали воззваніе въ которомъ были совершенно ясно пояснены германскія цѣли войны. Касаясь Англіи ими было указано слѣдующее:

„Что касается Египта, который соединяетъ британскую Африку съ британскою Азіею и который съ отдаленною Австраліею дѣлаетъ изъ Индійскаго Океана Англійское море, то онъ является связующимъ звеномъ между Отечествомъ и всѣми его восточными колоніями, онъ представляетъ изъ себя согласно выраженію Бисмарка: „затылокъ мірового господства Англіи, это та хватка, посредствомъ которой Англія порабощаетъ Востокъ и Западъ своей посреднической власти.“ . . . Тамъ, въ Египтѣ можетъ быть пораженъ жизненный нервъ Англіи. Если это успѣется, то всемірная колея Суэзскаго Канала освободится отъ господства одной страны и старыя права Турціи будутъ возстановлены, въ возможно полноймѣрѣ*.“

Таково, дѣйствительно, значеніе Египта для цѣлости Британской Имперіи. Если Ирландія служитъ ключемъ ея мореходства, а Индія ея военной мощи, то Египетъ долженъ представлять изъ себя главный факторъ ея колоніальнаго равновѣсія. Въ настоящее время, однако послѣ цѣлаго ряда возстаній, имѣвшихъ мѣсто въ Британскихъ владѣніяхъ, Англія во имя самоопредѣленія, фактически объявила независимость Египта, нанесши такимъ образомъ ударъ собственными руками тому жизненному нерву, котораго Германія не была въ состояніи поразить своими пушками во время войны. Если, какъ послѣдствіе этого, Англія будетъ вынуждена вывести свои гарнизоны изъ Египта, то она можетъ однажды оказаться отрѣзанной отъ Индіи и Индійскаго Океана. Весьма воз-

* Приведено въ „Блэквудсъ Магацинъ“ № 1260, октябрь 1920 г. стр. 546.

можно, что въ ближайшемъ будущемъ Египетъ будетъ вести собственную иностранную политику и имѣть собственныхъ дипломатическихъ представителей въ столицахъ Европы и Азіи, въ то время какъ отношеніе Англіи къ дѣламъ Египта сведется къ функціямъ контроля въ Общественной Домовой Комисіи.

Англійскіе политики должны остерегаться домашнихъ дѣлъ самой Англіи. Если они вѣрятъ въ то, что политика самодеморализаціи является наилучшей политикой, которая можетъ быть примѣнена въ Египтѣ, то имъ первымъ придется пострадать отъ ея разрушительныхъ послѣдствій. Для посторонняго наблюдателя, однако, замѣтно, что въ политикѣ безумія имѣется система и, что можно сомнѣваться въ томъ, что въ Англіи въ настоящее время преслѣдуется *Британская* политика по отношенію къ ея колоніямъ.

Если лордъ Мильнеръ виноватъ въ томъ, что онъ втянулъ англійскій народъ въ разрушительную политику по отношенію къ Египту, то Правительство Его Величества, какъ таковое, несетъ всю отвѣтственность за близорукую и въ высшей степени вредную позицію, занятую имъ по отношенію къ Палестинѣ. Въ настоящее время не остается болѣе сомнѣній въ томъ, что декларація Бальфура отъ 2 ноября 1917 года по поводу поддержки Сіонистскихъ требованій со стороны Англіи, являлась удачнымъ ходомъ для того, чтобы отстранить Францію отъ Обѣтованной Земли. Честолюбіе евреевъ, стремившихся въ установленіи родины въ собственной Палестинѣ, было использовано англичанами въ томъ смыслѣ, чтобы включить эту часть Азіи въ сферу своего вліянія. Гербертъ Адамсъ Гиббонсъ былъ правъ, утверждая еще въ январѣ 1919 года, что британцы „задумали черезъ посредство Сіонизма предотвратить совладычество съ Франціею или другими націями въ

Палестинѣ и установить исключительно англійскій путь отъ Хаифы до Бассораха*".

Постолько-посколько, или по меньшей мѣрѣ до тѣхъ поръ-пока, политическій Сіонизмъ поддерживаемый британскою дипломатіею, имѣлъ цѣлью служить опредѣленной задачѣ; критика сводилась къ вопросу о томъ, чья сфера вліянія будетъ распространена на Палестину и Месопотамію, — Англіи или Франціи, или же обѣихъ вмѣстѣ.

Не исключано то, что г. г. Вейцманъ и Соколовъ намѣревались перехитрить англійскую дипломатію, въ то время послѣдняя думала перехитрить своихъ сіонистскихъ друзей, и трудно было предугадать кто изъ нихъ, въ концѣ концовъ, кого используетъ. И все таки декларація отъ 2 ноября 1917 г. была логична, ибо Англіи представлялся случай черезъ посредство умнаго осуществленія Палестинскаго плана распространить свое вліяніе на Малую Азію. Кромѣ того, Палестина могла бы быть использована какъ новый оборонительный районъ Британскаго владычества на Востокѣ, усиляя положеніе Англіи въ отношеніи Индіи. Вмѣсто этого, Англія назначила Сэра Герберта Самюэля Высокимъ Представителемъ Индіи, чѣмъ предопредѣлила безнадежность Палестинскаго плана.

Необходимо напомнить, что по еврейскимъ даннымъ народонаселеніе Палестины дѣлится такимъ образомъ: Магометанъ — 650.000, Христіанъ — 150.000, Евреевъ — 90.000 человѣкъ. Большинство населенія составляютъ арабы, часть коихъ слѣдуютъ Корану, въ то время какъ другая часть обращена въ Христіанство. Послѣдняя группа, составляющая меньшинство арабскаго населенія, полна внутреннихъ раздоровъ,

* Смотри статью Гиббонса „Сіонизмъ и Всесвѣтный Миръ" опубликованную въ „Магазинъ Столѣтія" Январь 1919 г. стр. 368—378.

принадлежа къ различнымъ Христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ: Римско Католическому, Протестанскому, Русско Греко Православному итд. Тѣмъ не менѣе, арабы, будь то христіане или магометане объединены въ своей ненависти къ евреямъ. Какъ и всюду, евреи въ Палестинѣ являются городскими жителями, въ то время какъ арабы, — большею частью земледѣльцы. Палестинскій еврей, такъ же какъ и въ другихъ частяхъ свѣта, — посредникъ, а не производитель; онъ занятъ мелкой торговлей; лишь незначительное число евреевъ — осѣдлые земледѣльцы. Вражда между арабами и евреями до того обострена, что страна, неоднократно, находилась на волоскѣ отъ открытаго антисемитскаго возстанія. Оттоманская Имперія имѣла много заботъ въ подавленіи антисемитскихъ чувствъ какъ въ средѣ христіанскаго, такъ и магометанскаго населенія.

Назначеніе Сэра Герберта Самюэля, столь радостно встрѣченное Сіонистской партіею въ Англіи, являлось прямымъ вызовомъ для арабовъ. Назначеніе еврея на такой постъ, который требуетъ удержанія равновѣсія между евреями и арабами, является мѣрою, которая способна погубить самую идею англійскаго престижа. Все то, что было достигнуто доблестными усиліями генерала Алленби теперь уничтожено назначеніемъ Самюэля. Въ данномъ случаѣ совершенно несущественно: хорошъ ли Сэръ Гербертъ Самюэль или плохъ, способный ли онъ или неспособный, — дѣло заключается въ томъ что онъ еврей, и какъ таковой, не можетъ уравновѣшивать тѣ двѣ части народонаселенія Палестины, которыя рѣзко враждебны другъ другу. Не вплетаетъ также лишнихъ лавровъ престижу Англіи распоряженіе Сэра Герберта Самюэля, данное англійскимъ правительственнымъ чиновникамъ вставать, когда играется гимнъ Сіонистовъ Атиква.

Когда притязанія Сіонистовъ были впервые установлены, и когда въ 1897 году Теодоръ Герцль выступилъ со своею спеціальною программою о Еврейскомъ Государствѣ, весь міръ вздохнулъ съ облегченіемъ, ибо всѣ надѣялись, что отнынѣ евреи будутъ имѣть собственную страну, гдѣ они будутъ имѣть возможность свободнаго развитія нестѣсняемые въ своихъ расовыхъ особенностяхъ, своихъ культурныхъ традиціяхъ и религіозныхъ мысляхъ. Христіанскія страны такъ привыкли къ безчисленнымъ жалобамъ евреевъ по поводу ихъ угнетенія, по поводу роста антисемитизма во всемъ мірѣ, а также — погромовъ, уничтожающихъ еврейскія массы, что имѣлось полное основаніе надѣятся, что евреи устремятся въ Палестину, предоставивъ жестокихъ христіанъ ихъ собственной судьбѣ. Что лучшее могло быть измышленно для разрѣшенія еврейскаго вопроса справедливо какъ для Гоевъ, такъ и для Іудееевъ.

Громадныя состоянія банкировъ евреевъ могли быть употреблены для возсозданія Палестины и, которая такимъ образомъ могла стать образцовымъ государствомъ. Для каждаго имѣется мѣсто подъ луною и почему бы евреямъ вновь не занять свои мѣста въ Малой Азіи, а Іерусалиму еще разъ не стать ихъ столицею, съ Ротшильдами и Варбургами проводящими время въ собесѣдованіяхъ о тѣхъ благословеніяхъ, которыми сопровождается ихъ доброе управленіе бывшимъ до тѣхъ поръ угнетеннымъ народомъ.

Въ этихъ видахъ величайшій государственный человѣкъ Европы, задолго до деклараціи Бальфура, обѣщалъ Теодору Герцлю оказать всяческое содѣйствіе въ поддержкѣ Сіонистскаго плана. Кайзеръ Вильгельмъ II хотѣлъ первымъ эмигрировать въ Палестину и этимъ путемъ показать примѣръ самимъ евреямъ ему послѣдовать. Турецкій султанъ увѣрялъ Герцля, что онъ будетъ благопріятно относиться къ стремленіямъ сіо-

нистовъ въ Оттоманской Имперіи. Русскій министръ Внутреннихъ Дѣлъ В. К. Плеве обѣщалъ свою помощь для облегченія эмиграціи евреевъ изъ Россіи. Была еще другая причина, почему столько Христіанъ высказывалось оказать свою горячую поддержку Сіонисткому движенію, заключавшаяся въ вполнѣ правильномъ разсужденіи: если евреямъ удастся создать собственное государство, то они будутъ освобождены отъ тягостной необходимости нести двуподданство и двойную вѣрность — съ одной стороны собственной націи, а съ другой — тѣмъ странамъ, которыя ихъ приняли. Это также помогло бы имъ разстаться со своею традиціонною политикою вмѣшиваться въ иностранныя дѣла, давая имъ возможность насладиться настоящею независимостью и гражданскою свободою. Съ точки зрѣнія закона евреи разсматривались бы, внѣ Палестины, какъ чужестранцы, такъ же какъ американцы разсматриваются въ Японіи, или японцы въ Америкѣ. Въ то время какъ, понятно, еврейскіе граждане они не пользовались бы правами гражданства ни въ одной странѣ, кромѣ собственнаго еврейскаго государства, они были бы освобождены отъ всякихъ обязанностей въ Христіанскихъ странахъ. Слѣдовательно, они были бы освобождены отъ тягости служить Богу и Мамонѣ.

Но когда настало время реставраціи Палестины по заявленію Великихъ Державъ, многіе, въ томъ числѣ и нѣкоторые евреи, оказались горько разочарованными. Палестина возстанавливалась не какъ *Еврейское Государство*, а лишь какъ *Родина* для тѣхъ безпокойныхъ душъ, которыя избравъ своею резиденціею Лондонъ, Нью Іоркъ или Парижъ, использовали бы Палестину въ качествѣ своего лѣтняго отдыха, или же можетъ быть добавочною базою для ихъ III Интернаціонала.

Англійскій протекторатъ надъ Палестиною обратилъ эту страну въ британскую колонію, съ англій-

скою администраціею, управляющею народонаселеніемъ. Самые видные Сіонисты, сами, начали горько жаловаться на такое рѣшеніе. Такъ, Израиль Зангвиль, въ Лондонской „*Еврейской Хроникѣ*“ усиленно возражалъ противъ Іудо — Англійскаго соглашенія, предлагая сдѣлать изъ Палестины чисто Еврейское Государство, съ изгнаніемъ арабовъ въ Аравію.

„Жьюишъ Гардіанъ“, касаясь этого положенія томѣчаетъ:

„Сіонисты добивались Еврейской Палестины, но евреи получили Британскую Палестину.“

Эберлинъ, будучи самъ еврей и одинъ изъ первыхъ лидеровъ Поалей Ціонистскаго движенія, въ недавно изданной въ Берлинѣ книгѣ, озаглавленной „На Зарѣ Возрожденія“, указываетъ:

„Иностранная политика Англіи въ Малой Азіи опредѣляется ея интересами въ Индіи. Говорили, что Пруссія представляетъ армію, смѣшанную съ народомъ. По поводу Англіи можетъ быть сказано, что она представляетъ колоніальное государство съ добавленіемъ метрополій... Ясно, что Англія хочетъ использовать Палестину какъ буфферъ противъ Индіи. Вотъ причина тому, что она лихорадочно занялась постройкою стратегическихъ желѣзнодорожныхъ линій, соединяющихъ Египетъ съ Палестиною, Каифъ съ Хайфа, гдѣ начаты работы по возведенію колоссальнаго порта. Въ ближайшемъ будущемъ Палестина будетъ въ состояніи конкурировать съ Суэцскимъ перешейкомъ, являющимся главною артеріею великаго воднаго пути между Средизамнымъ моремъ и Индійскимъ Океаномъ *“.

Но этотъ Поалей Ціонистъ дѣлаетъ еще шагъ впередъ, утверждая, что:

* Переводъ съ русскаго „На Зарѣ Возрожденія“ І. Эберлинъ, стр. 129, 130. Берлинъ, 1920 г.

„Только лишь Соціализмъ, достигнутый въ Европѣ, окажется способнымъ чисто и безъ лицемѣрія отдать Палестину Евреямъ, страхуя имъ такимъ образомъ нестѣсненное развитіе . . . Еврейскій народъ получитъ Палестину только тогда, когда Англійскій имперіализмъ будетъ сломленъ."

Въ настоящее время политика по отношенію къ Палестинѣ безнадежно ошибочна, что ѣдва ли можетъ быть отрицаемо. Евреи бранятъ Англію за то, что эта послѣдняя превратила ее въ свою колонію, тогда какъ арабы оскорблены назначеніемъ Сэра Герберта Самюэля, потому что онъ еврей. Англійская публика сама въ недоумѣніи — признать ли Палестину Обѣтованною Землею для евреевъ, или для англичанъ — и поэтому на Темзѣ всѣ ждутъ, когда Ллойдъ Джорджъ со своимъ парламентскимъ секретаремъ Сасуномъ разрѣшитъ тайну сфинкса въ отношеніи политики въ Малой Азіи.

Однако, смѣшного во всемъ этомъ мало, ибо Ленинъ, Аргусъ международнаго разложенія внимательно наблюдаетъ за эволюціею въ Сиріи, Месопотаміи и Палестинѣ, а его агенты усилено заняты работою по возбужденію евреевъ противъ англичанъ, а арабовъ противъ евреевъ. Агитаторы Совѣтской Москвы всегда впереди всѣхъ политическихъ шалостей: гдѣ бы не представился естественный поводъ для неспокойствія, они его провоцируютъ, превращая въ международный скандалъ. Положеніе тѣмъ болѣе серьезно, что Палестина въ полномъ смыслѣ слова представляетъ изъ себя щитъ для Британскаго владычества.

Это длинная исторія объ индуской пропагандѣ, Еще въ 1900 году Международный Соціалистическій Конгрессъ въ Парижѣ поднялъ вопросъ объ Индіи, вынеся обвинительный приговоръ „системѣ разбойни-

чанія въ Индіи", которое, какъ это утверждали, практиковалось Англію въ теченіи десятилѣтій.

Слѣдующимъ явился Амстердамскій Международный Конгрессъ въ 1904 году, на которомъ соціалистами было затребовано, чтобы Великобританія „ввела простой и выполнимый планъ автономіи въ Индіи подъ надзоромъ Англіи". Дадабгай Наорджи, индусскій членъ конференціи рѣзко нападалъ на британское управленіе въ его родной странѣ. Между прочимъ онъ заявилъ:

„Такъ же, какъ сильному человѣку стыдно напасть на слабаго, въ одинаковой степени постыдно сильной націи насѣсть на слабѣйшую и грабить ее. Эта система варваризма и бандитизма должна прекратиться путемъ установленія представительнаго правительства, каковое даровано каждой англійской колоніи*".

Схожая позиція была занята послѣдующими международными соціалистическими съѣздами въ Штутгартѣ въ 1907 г. и въ Копенгагенѣ въ 1910 г. Подъ руководствомъ Кейра Гардай, британскій Трудъ само собою разумѣется принялъ участіе въ агитаціи. Между тѣмъ націоналистическая агитація въ Индіи ширилась безпрепятственно сама по себѣ. Такимъ образомъ, однако, какъ Синъ Фейнерское движеніе получило поступательное движеніе и узаконенную кличку отъ Четырнадцати Пунктовъ Вильсона, такъ и революціонное возгораніе Индіи получило боевое крещеніе отъ той теоріи самоопредѣленія, которое защищалось оффиціальными ораторами Антанты.

Въ результатѣ такой систематической пропаганды, а также благодаря близорукой политикѣ Великобри-

* Смотри брошюру: „Международный Соціалистическій Конгрессъ", „Рѣчи и резолюціи по Индіи. Только для частнаго распространенія." Опубликовано Индусскимъ Національнымъ Комитетомъ. Время и мѣсто изданія не указаны.

таніи, Индія стала Ирландіею Востока. Вооруженныя возстанія въ Индіи вошли въ такую же прывычку, какъ жеваніе резины въ Америкѣ. При такихъ счастливыхъ стеченіяхъ обстоятельствъ Самюэль Монтагю былъ назначенъ Секретаремъ Индіи. То обстоятельство, что онъ еврей и двоюродный братъ Герберта Самюэля, понятно, не столь существено, какъ то, что при своемъ оффиціальномъ положеніи онъ оказывалъ поддержку индусской революціонной кликѣ, возглавляемой Гандхи. Будучи стойкій послѣдователь Артура Гриффита, онъ сумѣлъ соединить въ себѣ врожденный фанатизмъ индусовъ съ ирландскимъ упрямствомъ. Слава возрастала въ пропорціи роста революціонной пропаганды, достигнувъ наивысшей степени послѣ возстаній Джалліанвала Багхъ, во время которыхъ генералъ Дайеръ приказалъ солдатамъ открыть огонь по революціонной толпѣ. Гандхи былъ иниціаторомъ этихъ возстаній, такъ же какъ онъ вдохновляетъ всякое революціонное проявленіе въ Индіи.

Монтагю, однако, изъ чувства дружбы къ Гандхи уволилъ генерала Дайера, какъ болѣе не „подходящій оставаться облеченнымъ тою отвѣтственностью, которая была возлагаема на него его чиномъ и положеніемъ“. Этотъ случай, который поднялъ справедливый и единодушный протестъ во всей англійской прессѣ, характеризуетъ всю политику Монтегю въ Индіи. Какъ иначе могъ поступить генералъ Дайеръ? Комисія лорда Хюнтера посланная изслѣдовать „дѣло Дайера“ установила тотъ фактъ, что туземцы Амритсара находились въ состояніи открытаго бунта противъ Англійскаго управленія. Толпа занималась разрушеніемъ желѣзнодорожныхъ и телеграфныхъ линій, устраивались крушенія поѣздовъ, собирались безпорядочные митинги, несмотря на неоднократныя предупрежденія генерала Дайера о томъ, что всякія собранія воспрещены и будутъ разгоняться силою.

Монтегю не отрицалъ также того, что расклеивались прокламаціи, въ которыхъ туземцы побуждались возстать и побѣдить „англійскихъ обезьянъ“. „Богъ даруетъ побѣду“ — такъ гласитъ одна изъ летучекъ, распространяемыхъ наканунѣ Амристарской трагедіи. „Прекратите сношенія съ англичанами. Закройте учрежденія и магазины. Сражайтесь. Это приказъ Махатемы Гандха. Готовьтесь къ скорой войнѣ и Богъ скоро даруетъ Индіи побѣду. Сражайтесь съ энтузіазмомъ и зачисляйтесь въ армію Гандхи.“

Что иное могъ предпринять генералъ Дайеръ, если, несмотря на неоднократныя предупрежденія, толпа продолжала бунтовать. На этотъ вопросъ можетъ быть данъ только одинъ отвѣтъ: генералъ Дайеръ былъ обязанъ открыть огонь по толпѣ и положить конецъ революціоннымъ безобразіямъ. Однако, ввиду того, что генералъ Дайеръ дѣйствовалъ какъ повелѣваетъ долгъ англійскаго солдата и англійскаго подданнаго, Монтегю посчиталъ *своимъ* долгомъ вынудить отставку противника Гандхи. Это было вполнѣ логично со стороны Монтэгю, ибо почему же долженъ былъ онъ поступить какъ Брутъ по отношенію къ индусскому иниціатору безпорядковъ. Вѣдь дружба обязывала. То, что Гандхи являлся другомъ Монтэгю, было открыто установлено самимъ Монтэгю. Говоря въ Палатѣ Общинъ въ защиту своей политики въ Индіи онъ воскликнулъ:

„Нѣтъ ни одного человѣка, который бы причинилъ столько затрудненій правительству, какъ Гандхи; человѣкъ высшихъ стремленій и утонченнаго характера, человѣкъ, въ которомъ бы самый злѣйшій врагъ его, *если у него вообще имѣются враги*, призналъ полное отсутствіе честолюбія, какое только себѣ можно представить; человѣкъ, который заслужилъ благодарность своей страны за тѣ услуги, которыя онъ оказалъ какъ въ самой Индіи, такъ и внѣ ея,

и въ то же время человѣкъ, который хотѣлъ бы воздѣйствовать на своихъ друзей, — къ числу коихъ я причисляю себя, — своею великою силою съ большею долею отвѣтственности, и который сознаетъ во время, что имѣются обстоятельства внѣ его воздѣйствія и внѣ его власти, которыми пользуются въ удобныхъ случаяхъ его именемъ и его репутаціею*."

Вотъ еще одна пикантная подробность въ отношеніи Монтэгю и Гандхи — этихъ двухъ Аяксовъ индуской политики.

Послѣднее движеніе Индіи въ области самодеморализаціи заключалось въ принятіи такъ называемой политики „несоглашательства". Цѣли индусскаго движенія таковы:

„1. Отказъ отъ всѣхъ почетныхъ титуловъ и почетныхъ должностей.

2. Прекращеніе адвокатами своей практики и окончаніе всякихъ гражданскихъ споровъ частнымъ посредничествомъ.

3. Не принимать участія въ правительственныхъ займахъ.

4. Бойкотированіе родителями правительственныхъ школъ.

5. Бойкотъ реформированныхъ совѣтовъ.

6. Отказъ отъ принятія какой бы то ни было военной или гражданской должности въ Месопотаміи или отказываться предоставлять части для арміи, въ особенности въ турецкихъ областяхъ, управляющихся нынѣ подъ насиліемъ гарантій.

7. Энергичное распространеніе движенія Свадеши, побуждая населеніе довольствоваться собственнымъ производствомъ и фабрикатами Индіи.

* „Блэквудъ Магацинъ" Августъ 1920 г. стр. 264 статья подъ заглавіемъ „Монтегю, какъ Вице-Король".

революція въ Россіи ни вылилась, она непремѣнно приведетъ къ столкновенію съ имперіализмомъ Англіи... Англійская теорія колонизаціи основывается на превосходствѣ Бѣлой Расы. Другими словами, на превосходствѣ Англо-саксонской расы. Эта теорія не столь рѣзко подчеркиваетъ, какъ это сдѣлали нѣмцы, ученіе о Dünger Völker (народы годные какъ удобреніе), однако на практикѣ подходитъ къ ней, стараясь различными способами утвердить „моральный престижъ", который долженъ служить прикрытіемъ разбойнической политикѣ. Однако, этотъ моральный престижъ и есть именно то, что въ самихъ основахъ своихъ подрывается Совѣтскою пропагандою... Подъ вліяніемъ этой пропаганды, являющейся самымъ успѣшнымъ предпріятіемъ Совѣтскаго правительства въ области иностранной политики, за каковую много грѣховъ можетъ быть ему отпущено, народы Востока, которыя безжалостно эксплоатируются, въ Соціализмѣ познали новое средство для ихъ сопротивленія Имперіализму. *Мы (евреи) тоже должны бороться противъ него бокъ о бокъ со всѣми жертвами его, отъ Ирландіи до Индіи, а также съ революціоннымъ англійскимъ пролетаріатомъ, не обращая вниманія на угрозы и не взирая на лицемѣрныя выгоды предлагаемыя намъ...* Путемъ уничтоженія Британскаго Имперіализма въ его главномъ корнѣ — Индіи —, чьи соки питали его, — Русская революція ускоритъ процессъ революціонизированія самой Англіи и въ то же время революціи по всей Западной Европѣ. *Въ этомъ отношеніи Поалей Ціонизмъ идетъ на встрѣчу совѣтской пропагандѣ, которой онъ долженъ оказать полное содѣйствіе...* Необходимо втянуть въ кругъ гигантскаго соціальнаго движенія, начавшагося въ Россіи, передовыя страны Востока какъ то: Египетъ, Персію и т. д. *Еврейскій соціалистическій центръ въ Палестинѣ долженъ сыграть важную роль*

*въ распространеніи соціализма въ Малой Азіи и въ Африкѣ.**

Приведенное можетъ освѣтить причину того, почему Монтэгю въ такой дружбѣ съ Гандхи, а также почему Гурвичъ въ Нью Іоркѣ столь заинтересованъ въ революціонной пропагандѣ Индіи.

Краткій очеркъ существующаго политическаго и соціальнаго положенія выяснилъ, что міръ подверженъ быстрому процессу общаго разложенія.

Міровая Война оставила Россію въ развалинахъ. Она получила смертельный ударъ въ спину международными измѣнниками, поддержанными центральными державами. Нынѣ она, нищая и голодная, распята на крестѣ невѣроятныхъ ужасныхъ страданій. Тѣ, кто предали великую Славянскую Имперію, продали ее за тридцать серебренниковъ въ Брестъ Литовскѣ, сдѣлались ея новыми правителями. Съ циничнымъ хохотомъ кощунствуютъ они надъ ея умирающимъ тѣломъ. Возвышеннѣйшія историческія традиціи ея, дорогая память ея былой славы, дивныя чары ея прошлаго затоптаны въ грязи Интернаціональнаго Большевизма, совращенности и безсовѣстнаго разложенія. Москва — сердце Святой Руси, стала центромъ, распространяющимъ бациллы всемірной чумы. Крестъ — святой символъ возглавленъ пятиконечной звѣздой. Вѣчная тема міровой драмы — Іуда противъ Христа — приняла въ Россіи формы гигантскаго бунта интернаціональнаго Гэтто противъ Христіанской націи, служившей доселѣ великимъ европейскимъ вмѣстилищемъ религіозной мысли и морали. Внѣ крикливаго карканья совѣтскаго жаргона тамъ царитъ мертвенная тишина кладбища. Огромная

* „На Зарѣ Возрожденія“ І. Эберлина, стр. 132, 133, 134 и 135; Берлин.

туча постепенно окутываетъ распростертую Имперію, заволакивая послѣдніе лучи надежды.

Видъ умиранія цивилизаціи въ развалинахъ мраморныхъ храмовъ и развѣнчанныхъ кумировъ полно безконечной меланхоліи. Жизнь и Смерть — неизбѣжны. И, можетъ быть, именно это является трагедіею той и другой. На развалинахъ цивилизаціи Россіи, у подножья ея могильнаго камня могутъ зародиться отпрыски новой жизни, и, постепенно, могутъ возникнуть новыя этническія и культурныя формаціи, породивъ неизвѣстные и непредвидѣнные контуры соціальной структуры. Однако, гибель Россіи, той Россіи которая подарила міру нѣжную симфонію ея музыки, высшую красоту поэзіи Пушкина, философскія глубины и геній Толстого и Достоевскаго, потеря этой Россіи никогда и ничѣмъ не можетъ быть замѣнена. Пройдутъ года, поколѣнія смѣнятъ поколѣнія, но, когда бы человѣчество ни обратило свои мысли къ Россіи, оно всегда вспомнитъ тѣ безстыдные ужасы, которымъ она была подвержена, тѣмъ униженію и разоренію, которыя ей пришлось перетерпѣть, и каждый разъ повторитъ слова начертанныя на ея могильной плитѣ:

„Эта потеря никогда не можетъ быть замѣщена.“

Крушеніе Россіи положило начало колоссальному процессу всеобщаго распада во всемъ мірѣ. Иначе это и не могло быть. Цѣлость структуры Европы не могла сохраниться, когда фундаментъ ея пошатнулся и всѣ основы его дрогнули отъ взрыва послѣдовавшаго въ Славянской Имперіи. Колоссальная детонація неминуемо должна была послѣдовать. Одна за другою, три державы подъ толчками русской революціи безпомощно распались. Имперія Гогенцоллерновъ, Двуединная Монархія Габсбурговъ и Оттоманская Имперія

сокрушились, оставивъ Европу въ состояніи хаоса и всеобщаго раздробленія. Бывшія до сихъ поръ устойчивыми политическія и соціальныя отношенія, незыблемыя историческія традиціи, откристаллизовавшіяся въ возвышенныя начала представленія о національнизмѣ о государственности, превратились въ безпорядочн процессъ соціальнаго бунтарства. Революціонныя дѣйствіе и реакція углубили дезорганизацію въ области мышленія и экономическаго творчества.

Работа Желѣзнаго Канцлера была безъ труда разрушена миротворцами въ Парижѣ. Не разрѣшивъ Германской проблемы, не охранивъ Францію и вообще Европу отъ Германской опасности они ограничились тѣмъ, что посадили Эберта на мѣсто Кайзера Вильгельма. Императорскія мантіи и короны оказались насыщенными нечистотами завистничества, жадности и посредственности, которыя ошибочно были приняты за демократичность и братство. Политическія ничтожества, которые были призваны возстановить миръ во вселенной, достойны жалости въ полномъ провалѣ всѣхъ ихъ потугъ и начинаній въ этомъ дѣлѣ. Какъ подмастерье въ „Заклинателѣ Духовъ“ Гете, они были способны вызвать изъ соціальной преисподней силы анархіи и разрушенія Христіанскихъ государствъ и Христіанской цивилизаціи. Но они не могли владѣть этими силами, которыя будучи разъ приведены въ дѣйствіе, обратили свое оружіе противъ тѣхъ ничтожествъ, которыя надѣялись употребить ихъ для собственныхъ мелочныхъ вздорныхъ цѣлей и интересовъ. Послѣ крушенія четырехъ Имперій — Россіи, Германіи, Австро-Венгріи и Турціи, одинъ моментъ казалось, что на ихъ развалинахъ Антанта установитъ свое владычество. Антанта стала искусственною комбинаціею всѣхъ тѣхъ элементовъ и факторовъ, которые восприняли Заповѣди скрижалей Вильсона. Былъ мигъ, когда казалось, что Вильсонъ будетъ возведенъ въ санъ Патріарха

Всемірной Демократіи. Однако вѣра въ непререкаемую мудрость Вильсона исчезла столь же мгновенно, какъ это бываетъ съ приступомъ моментальнаго помѣшательства, и вся комбинація Антанты сама рушилась окончательно среди всеобщихъ развалинъ четырехъ имперій.

Америка со всею своею политическою юностью, со своими здоровымы здравымъ смысломъ и національнымъ богатствомъ, первая явилась выпадшимъ звеномъ изъ Союзнической цѣпи. Поражающіе результаты народнаго голосованія положили конецъ оргіи самоопредѣленій и вакханалій интернаціонализма.

Италія также покинула концертъ Антанты и нынѣ ищетъ новыхъ союзовъ для укрѣпленія своего политическаго будущаго.

Франція тоже стала на независимый путь въ отношеніи своей иностранной политики. Хотя она все еще продолжаетъ быть тою кокеткою, за которою всѣ ухаживаютъ, однако дружба между нею и Великобританіею значительно ослабѣла вслѣдствіе различныхъ важныхъ разногласій въ области національныхъ чаяній отдѣльныхъ странъ. Для того, чтобы охранить свои восточныя границы и отчудить Германію отъ Балканскаго полуострова Франція старается воздвигнуть Среднеевропейскій коридоръ, который долженъ будетъ установить солидную зону Латинскаго вліянія въ Средней Европѣ отъ Парижа до Бухареста. Въ связи съ этимъ всѣ государства и этническія группы между вышеуказанными столицами окажутся втянуты ми въ сферу французской дипломатіи. Однако на этомъ пути Франція столкнулась съ соревнованіемъ Англій. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Чехо Словакіи, это соревнованіе превратилось въ тренія. Во многихъ другихъ жизненныхъ вопросахъ Великобританія и Франція противоположны другъ къ другу и нѣтъ надежды, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ,

что Парижъ и Лондонъ достигнутъ прочнаго соглашенія и установятъ единную политику въ отношеніи международныхъ вопросовъ. Прежде всего, сразу же послѣ подписанія перемирія, стало ясно, что Англія была готова и приготовлена къ тому, чтобы выдвинуть мысль о дѣловомъ соглашеніи съ Германіею. Хвастовство м-ра Джорджа, что онъ „накажетъ Кайзера" были ничѣмъ инымъ, какъ уступкою общественному мнѣнію у себя дома. Это было безмыслицею и Премьеръ Англіи зналъ, что это — безмыслица въ тотъ же моментъ, когда онъ изрекъ это хвастовство. Англія искала путей для торговыхъ сношеній съ Германіею и, поэтому, она была готова забыть поведеніе Германіи во время войны. Франція не могла этого сдѣлать, ибо она истекала кровью. Отсюда двѣ различныхъ точки зрѣнія къ Германіи: Англія — пытающаяся оживить все то, что было убито во время войны; Франція — пытающаяся добить все то, что пережило войну.

Еще скрещивающіяся воззрѣнія въ отношеніяхъ между двумя былыми союзниками — это Польша. Въ теченіи цѣлаго столѣтія Польша являлась лелѣемою мечтою Франціи. Франко Русскій союзъ вынудили французскую дипломатію на время оставить эту мысль. Но, когда Русскій Великанъ оказался сокрушенъ, то между Парижемъ и Варшавою Entente Cordiale была немедленно возобновлена. Угроза большевизма побудила Францію поддержать идею о „Большой Польшѣ" за счетъ Россіи, своей прежней союзницы. Рижскій Договоръ явился одною изъ величайшихъ глупостей французской дипломатіи, ибо теорія укрѣпленныхъ районовъ приложенная къ Совѣтской Россіи-абсурдъ. Унизительныя условія, продиктованныя побѣдительницею Польшею Московскимъ владыкамъ являются ничѣмъ инымъ, какъ casus belli между обѣими славянскими группами для войны, которая неизбѣжна. Настоящая

Польша, подъ руководствомъ Французской дипломатіи подписавшая Рижскій Договоръ, подписала себѣ смертный приговоръ. Англія никогда не симпатизировала французской политикѣ по отношенію къ Польшѣ. Причиною тому было не великодушіе по отношенію къ Россіи — Ллойдъ Джорджъ и великодушіе взаимно уничтожаютъ другъ друга — а то, что во время Польско-Совѣтскаго конфликта Сассунъ и Бериштейнъ (Намьэ) на благо правительства Его Величества вели съ Розенфельдомъ (Каменевымъ) и съ Финкельштейномъ (Литвиновымъ) переговоры о возобновленіи торговыхъ сношеній между Англіею и Совѣтскою Россіею.

Это являлось для Ллойдъ Джорджа достаточнымъ основаніемъ выступить съ защитою принципа неприкосновенности національной территоріи Россіи, особенно благодаря тому, что оспариваемая зона находилась подъ властью Интернаціонала. Между Лондономъ и Парижемъ возникли серьозныя тренія въ отношеніи Польскаго вопроса и, это, также, не являлось обстоятельствомъ для скрѣпленія дружественныхъ узъ между обоими кабинетами.

Въ концѣ концовъ, Палестина также оказалась яблокомъ раздора между Англіею и Франціею. Французскіе дипломаты озабочены тѣмъ, чтобы политическій Сіонизмъ не былъ бы употребленъ въ сторону лишенія вліянія Франціи на Ближнемъ Востокѣ; въ то время какъ Англія озабочена тѣмъ чтобы употребить и злоупотребить чаяніями Еврейства для того, чтобы превратить Обѣтованную Землю въ Британскую Колонію.

Подведя итогъ всему положенію, возможно утверждать, что комбинація Антанты болѣе не существуетъ. Тѣ союзы, которые были скованы въ пламени Міровой Войны растворились въ чернилахъ завершеній

мира. „Le Journal de Genève“ совершенно справедливо замѣчаетъ:

„Вчерашніе союзники саботируютъ нездоровыми способами свою побѣду; они начинаютъ внушать своимъ врагамъ все менѣе и менѣе страха а своимъ друзьямъ все меньше и меньше довѣрія.“

Смерть Антанты представляетъ изъ себя болѣе, нежели простое политическое разъединеніе. Это гибель того всемірнаго лозунга, который потерпѣлъ неудачу въ установленіи мира, въ разрѣшеніи тѣхъ грозныхъ смутъ, предъ которыми человѣчество текущихъ дней стоитъ лицомъ къ лицу.

Однако процессъ распада не остановился здѣсь. Крушеніе четырехъ имперій почти что предопредѣлилъ пятой и послѣдней имперіи — Великобританіи. Человѣчество въ настоящее время является свидѣтелемъ ея постепеннаго распада. Ирландія болѣе не управляется Британскою Короною-Якобинская шапка заняла ея мѣсто. Англія потеряла Египетъ, въ то время какъ доказала свою неспособность выиграть Палестину. Индія въ состояніи возмущенія. Тотъ бой, который нынѣ ведется тамъ, ежеминутно можетъ оказаться Британскимъ Ватерлоо. И тогда наступитъ моментъ торжества всякихъ Монтэгю и Гханди. Это явится эпилогомъ той міровой драмы прологомъ къ коей была революція въ Россіи.

Гангренозный процессъ протекаетъ медленно, но конецъ его неизбѣженъ онъ поражаетъ не только колоніальную мощь Британской Имперіи, но ядъ его просачивается въ самую душу англійской націи. Сломлены устои морали народа. Въ страшной борьбѣ за существованіе Британскій Левъ высказываетъ признаки смертельной усталости. Кучка семитическихъ агитаторовъ изъ Москвы уже успѣли навязать свою волю Англійскому народу. Національное достоинство и честь Англіи размѣнены на совѣтское золото и кра-

денные камини. Британская Имперія наканунѣ совершенія договора съ международными ворами и мошенниками. Это фатальный признакъ. Это доказываетъ что Ллойдъ Джорджъ съ нетерпѣніемъ ждетъ занять положеніе разсыльнаго мальчишки у Троцкаго. Станетъ ли Букингхэмскій Дворецъ филіальнымъ отдѣленіемъ Московскаго Кремля? Или же въ своемъ двѣнадцатомъ часу британцы проснутся и въ своемъ гнѣвѣ обрушатся на тѣхъ, кто пытается принудить ихъ къ постыднымъ сношеніямъ, которыя запятнаютъ ихъ будущее вѣчнымъ позоромъ?

Среди этой всемірной смуты лишь одна страна до сихъ поръ твердо устояла и не поддалась сарказмѣ интернаціональнаго большевизма и нравственнаго распада. Это-Америка. Правда, что и на этихъ берегахъ врагъ цивилизаціи не дремлетъ, работая надъ распространеніемъ бациллъ заразы, стараясь подрыть твердыя основы политической и соціальной структуры Америки. Велико желаніе демона разрушенія сокрушить послѣднюю твердыню устойчивости и достатка. Однако здѣсь способность сопротивленія огромна. Десятилѣтія созидательной работы во всѣхъ отрасляхъ человѣческихъ стараній пріучили народъ вѣровать въ то, что работа, а не бездѣліе, — источникъ прогресса и благосостоянія. Обыденный человѣкъ въ Америкѣ знаетъ, что всякое усиленіе въ соціальномъ или политическомъ быту являются не какъ результатъ истерическихъ судорогъ и лѣниваго размышленія, а какъ слѣдствіе историческихъ традицій, напряженнаго прилежанія и созидательной энергіи. Американцы — не мечтатели. Они не лишены самолюбія, но оно покоится на основахъ политической дѣйствительности. Блуждающая мысль политическаго лунатизма, туманные идеалы интернаціонализма ничего не говорятъ уму Американца. Въ дѣловомъ отношеніи Американцы совершенно справедливо поль-

зуются репутаціею здороваго Торіизма. Трудно обмануть обыденнаго дѣлового человѣка и трудно его поднять на дѣло, которое совершенно ясно не указываетъ на тѣ преимущества, которыя оно можетъ дать. Вашингтонъ Д. Вандерлипъ съ его планомъ задаромъ скупить Камчатку ни въ какихъ случаяхъ не пользуются популярностью по эту сторону океановъ. Болѣе того, въ позиціи Америки по отношенію къ великимъ вопросамъ затрагивающимъ благосостояніе и счастіе человѣчества вообще, всегда выявляется традиціонная порядочность. Бываетъ, что Американскій народъ вводится въ заблужденіе вредною агитаціею. Иногда онъ ошибается въ сущности событій развивающихся въ международномъ положеніи. Однако имъ руководитъ всегда здоровый инстинктъ который среди политическихъ бурь и между подводными скалами помогаетъ ему благополучно причалить къ тихой пристани. Этотъ инстинктъ и руководилъ Секретаремъ Кольби въ его полномъ достоинства и самоуваженія отвѣтѣ на запросъ Италіанскаго Правительства о позиціи Соединенныхъ Штатовъ по отношенію къ Совѣтамъ:

„Мы не можемъ признавать, вести оффиціальныя сношенія или дружески принимать агентовъ такого правительства, которое намѣрено и обязано вести заговоры противъ нашихъ установленій; чьи дипломаты являются агитаторами опаснаго бунта; чьи ораторы говорятъ, что они подписываютъ соглашенія не для того, чтобы ихъ соблюдать.“

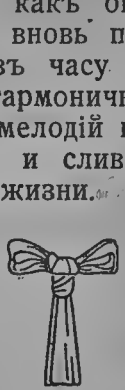
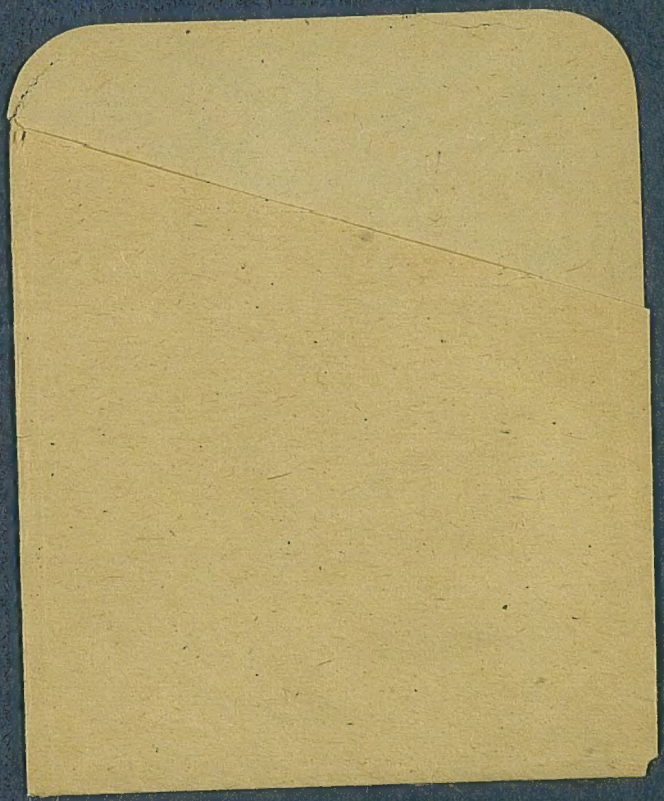
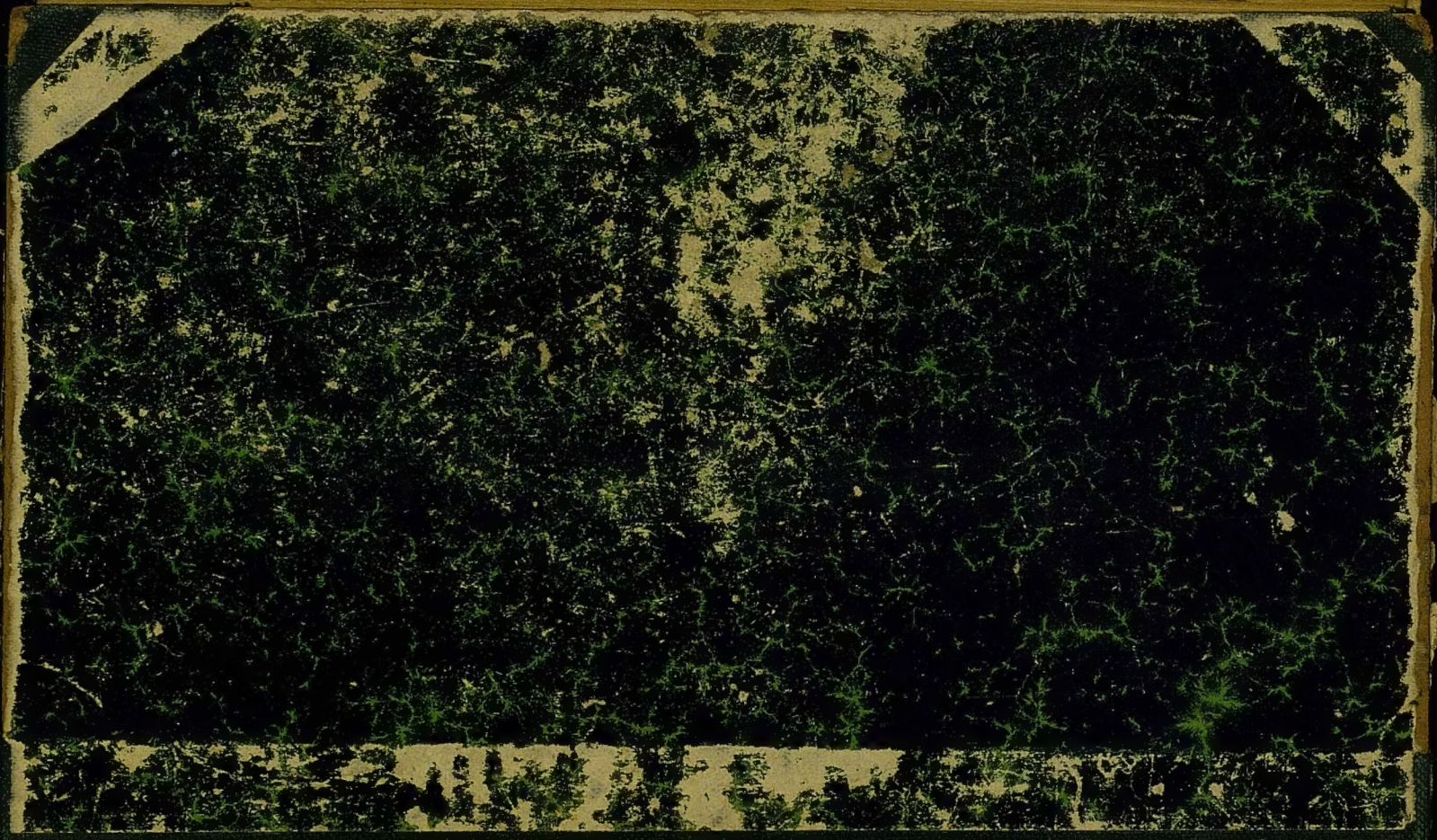
Американскій народъ черезчуръ богатъ, чтобы быть подкупленнымъ тридцатью серебренниками Троцкаго. Національная честь Америки никогда доселѣ не продавалась съ публичнаго торга, и не похоже на то, что когда либо въ будущемъ она свяжетъ свою независимость желаніемъ нравиться Московскимъ разбойникамъ.

Однако Америка, какъ и весь остальной міръ, —

на перепутьѣ. Колоссальныя разрушительныя силы разбужены. Каждая отрасль человѣческаго бытія, прямо или косвенно, затронуты систематическими, координированными и рѣшительными усиліями направленными для устройства всемірной революціи. Этотъ натискъ уже болѣе не маскируется человѣческою фразеологію. Врагъ сталъ дерзокъ и нетерпѣливъ. Онъ уже не избѣгаетъ болѣе открытаго боя. Наоборотъ онъ пытается его вызвать. Онъ открыто бросаетъ вызовъ всему міру и не скрываетъ, что его единственная цѣль это — всемірное соціальное разрушеніе. Врагъ надѣется, что Америка также будетъ погребена подъ развалинами колоссальнаго крушенія современной цивилизаціи.

Компромисса съ Атилами XX вѣка быть не можетъ. Компромиссъ означаетъ сдачу. Только трусъ сдается предъ лицомъ угрожающей опасности. Другого выхода какъ принятіе вызова нѣтъ. Стратегическій планъ врага извѣстенъ; тайны въ этомъ нѣтъ. Этотъ планъ самъ предопредѣляетъ мѣры защиты, которыя должны быть предприняты тѣми, на кого нападаютъ. Врагъ проповѣдываетъ классовую ненависть, Отвѣтомъ на этотъ вызовъ должна явиться кооперація классовъ. Врагъ старается ввести экономическую разруху, она должна быть сражена экономическою созидательностью. Врагъ стремится подорвать религіозную вѣру. Въ связи съ этимъ, необходимо укрѣплять вѣру и начать борьбу съ атеизмомъ. Врагъ распространяетъ чуму интернаціонализма. Нѣтъ иного средства бороться съ этимъ, какъ давая поддержку національнымъ идеаламъ и національнымъ традиціямъ. Врагъ опирается на невѣждъ; онъ пользуется невѣжествомъ массъ, какъ средствомъ чтобы подчинить ихъ своей власти. Невѣжество можетъ быть сражено просвѣщеніемъ. Врагъ старается разрушить семью, ибо она — краеугольный камень современнаго соці-

альнаго порядка. Повидимому, нѣтъ болѣе насущнаго вопроса нынѣ, чѣмъ защита семьи и ея укрѣпленіе. Врагъ объявилъ войну искусству и красотѣ, и, поэтому, это стало обязанностью просвѣщенной части человѣчества культивировать искусство и красоту, разоружить грубость эстетичностью, приблизить къ массамъ безсмертныя творенія генія. Таковы направленія защиты, таковою должна быть тактика.

Разрушеніе легче, чѣмъ созиданіе. Потому-вредное занятіе сидѣть сложа руки и раздумывать, стараясь найти утѣшеніе въ безсмысленной формулѣ: „Въ концѣ концовъ все образуется; перемелится — мука будетъ „ничто не образуется, если мы будемъ пытаться парировать желѣзный кулакъ бархатной перчаткой. Тамъ, гдѣ врагъ удваиваетъ свои усилія — мы должны утраивать свои. Безцѣнны должны быть жертвы для ея защиты. Высшая честность, утонченный умъ, благосостояніе и организація должны соединиться воедино, чтобы остановить распространеніе интернаціональнаго большевизма и міровой революціи.

Лишь послѣ того, какъ опасность минуетъ, человѣчество получитъ вновь право отдохнуть, успокоиться и отдаться въ часу отдохновенія поэтическимъ мечтаніямъ, гармонично сплетающимся со сладостными звуками мелодій при гаснущихъ тонахъ вечерняго небосклона и сливающимися съ тихимъ шепотомъ счастливой жизни.